

Цитаты номера

Выступление президента В.В. Путина в феврале 2007 г. в Мюнхене многие трактовали как начало холодной войны. Отнюдь. Просто он высказал то, что у нас давно наболело. То, что было сказано в Мюнхене, – это приглашение к диалогу, приглашение обсудить те проблемы, которые существуют на сегодняшний день.

В стремлении к договору, который бы запретил разработку и развертывание ракет среднего радиуса на глобальном уровне, есть значительная ценность. Однако часто забывается, что в преамбуле ДНЯО сформулирована более широкая задача уничтожения средств доставки ядерного оружия, которое само по себе является частью конечной цели всеобщего и полного разоружения. Уничтожение ракет средней дальности, таким образом, будет необходимым, но не достаточным шагом для достижения этой цели.

Как только тот или иной *суверенный султан* начинал чувствовать себя хозяином положения, опека России становилась ему в тягость, тем более что особых экономических выгод она не сулила. Такая неуправляемость союзников, казалось бы, накрепко привязанных многочисленными оргструктурами, каждый раз оказывается сюрпризом для российского руководства.

Уклонение или неучастие России в миротворческой деятельности не только лишит ее возможности влиять на развитие событий на международной арене, но и, в более широком плане, скажется на российском авторитете в мировом сообществе. Каждый шаг по объединению усилий России и региональных организаций при формировании основ совместного миротворчества станет вкладом в фундамент глобальной и региональной безопасности.

Если мы предположим, что у гражданина России в Швейцарии имеется состояние неизвестного происхождения, и если предположить, что это состояние – криминального происхождения, не будет ли лучше оповестить российские власти и сообщить им о наших подозрениях? Спросить у них, собираются ли они начинать уголовный процесс против этого человека? Если преступление предположительно было совершено на территории России и российские власти решают не придавать этому делу ход, мы не должны принимать более строгие меры, чем сами российские власти. И мы должны закрыть дело и отказаться от всех подозрений, которые у нас были.

Александр Яковенко

Сержио Дуарте

Павел Баев

Юрий Морозов,
Сорен Бо Бойесен

Даниэль Заппелли

Российский журнал о международной безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 1, 2008

ВЕСНА 2008

Журнал ПИР-Центра

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№1 (84) 2008

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Александр Яковенко

Сергей Маркедонов,
Сергей Романенко

Айеша Сиддика

Владимир Шустов

Сержио Дуарте

Никита Перфильев

ЧЕМ СИЛЬНЕЕ БУДЕТ СТРАНА, ТЕМ ЧАЩЕ БУДУТ ГОВОРИТЬ НА ЕЕ ЯЗЫКЕ

КОСОВО: ПРЕЦЕДЕНТ ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИЕ?

ВОЕНБИЗ И БУДУЩЕЕ ПАКИСТАНА

ДОВСЕ: ПОХОРОНИТЬ ИЛИ РЕАНИМИРОВАТЬ?

ПРОСТЫМ УЖЕСТОЧЕНИЕМ КОНТРОЛЯ ПРОБЛЕМУ ЯДЕРНОЙ УГРОЗЫ НЕ РЕШИТЬ

КИТАЙ И НЕФТЕГАЗОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

2913
1.09.2007

2909
1.10.2007

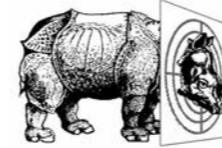
2907
1.11.2007

2935
1.12.2007

2982
1.01.2008

2937
1.02.2008

О ВЫСОКИХ МЕСТАХ

Men in great place are thrice servants: servants of the sovereign or state; servants of fame; and servants of business. So as they have no freedom; neither in their persons, nor in their actions, nor in their times. It is a strange desire, to seek power and to lose liberty: or to seek power over others, and to lose power over a man's self. The rising unto place is laborious; and by pains, men come to greater pains; and it is sometimes base; and by indignities, men come to dignities. The standing is slippery, and the regress is either a downfall, or at least an eclipse, which is a melancholy thing. Cum non sis qui fueris, non esse cur velis vivere. Nay, retire men cannot when they would, neither will they, when it were reason; but are impatient of privateness, even in age and sickness, which require the shadow; like old townsmen, that will be still sitting at their street door, though thereby they offer age to scorn.

Francis Bacon
The essays or covnsels civill and morall

Высокая должность делает человека слугой трех господ: слугой государя или государства, слугой людской молвы и слугой своего дела; он уже не хозяин ни себе, ни своим поступкам, ни своему времени. Не странно ль стремиться к власти ценой свободы или к власти над людьми ценой власти над собою? Возвышение стоит трудов; а там одни тяготы влекут за собой другие, тягчайшие; возвышение требует порой унижения, а честь достается бесчестьем. На высоком месте нелегко устоять, но нет и пути назад, кроме падения или, по крайней мере, заката, – а это печальное зрелище... Нет, люди не в силах уйти на покой, когда хотели бы; не уходят они и тогда, когда следует; уединение всем нестерпимо, даже старости и немощам, которые надо бы укрывать в тени; так, старики вечно сидят на пороге, хотя и предают этим свои седины на посмеяние.

Фрэнсис Бэкон
Эссе о гражданской и моральной жизни

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС ПАСНОСТИ

№ 1 (84), Том 14
Весна 2008

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир Э. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин П. Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском языке (в феврале, мае, августе и ноябре) и четыре раза в год на английском языке (в марте, июне, сентябре и декабре). Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Ильдар А. Ахтамзян, консультант
Дмитрий Б. Дашевский, член Совета
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зульжарнеев, координатор Образовательных проектов
Юлия Г. Иванова, секретарь
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Проекта по обычным вооружениям
Ирина А. Котова, помощник президента
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Ангелика Г. Матвеева, стажер
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Никита В. Перфильев, заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности*, редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль*
Евгений Н. Петелин, стажер
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Екатерина М. Рыкованова, координатор Информационных проектов
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению периодических изданий
Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета Центра
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Константин Г. Хачатурян, специалист по работе с интернет-представительствами
Антон В. Хлопков, исполнительный директор Центра
Елена А. Черепнина, стажер
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 1 (84), Том 14
Весна 2008

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Никита В. Перфильев, заместитель главного редактора [perfiliev@pircenter.org]
Юлия Ю. Таранова, технический редактор
Евгения А. Бакаева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Юлия Г. Иванова, секретарь
Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала:

Алжир: Сергей Г. Мурсанков
Баку: Джангир Арасли
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Велингатон: Михаил Н. Лысенко
Вена: Надежда Б. Теллер
Дели: Ирина В. Козырева
Киев: Сергей П. Галака
Лондон: Юрий Е. Федоров
Монтерей: Кристина Чуен
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Нью-Йорк: Инна В. Баранова
Стокгольм: Екатерина А. Степанова
Токио: Таисукэ Абуру
Томск: Лариса В. Дериглазова
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Юридическая поддержка:

CAF Russia
Secretan Troyanov Avocats (Genève)

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 11/13, стр. 1, офис 025
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7-495-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-495-234-9558

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Международное издание выходит на английском языке и распространяется по всему миру нашим партнером –

Centre russe d'études politiques – из Женева: <http://www.crep.ch>

International Edition of *Security Index* (in English) is distributed from Geneva by our partner –

Centre russe d'études politiques: <http://www.crep.ch>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Форда, Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», посольства Швейцарии в Российской Федерации и др.
- При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 30 июня 2007 г. №367-рп

Тираж 2400 экз. Подписано в печать 15 февраля 2008 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2008

О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 7 **Игра на удаление.** «Напугавшись студеного воздуха, дохнувшего в январе на весь (финансовый) мир из Соединенных Штатов, все вдруг в один голос заговорили о *de-coupling*. То есть что Европа должна оторваться (вариант: уже отрывается) от Соединенных Штатов и что вдоль Атлантики должна быть возведена (вариант: уже возводится) *новая стена* – на смену ветшающему – и, согласно этой версии, обреченному – трансатлантическому мосту. Ну а Азия... вот уж Азия, с ее *растущими* Индией и Китаем, – так та должна всенепременно и куда как скоро оторваться от экономической взаимозависимости с США, *удалиться* и поплыть куда-то в свободное плавание». Только вот насколько долгосрочна эта тенденция и как быстро она может укорениться? – задает вопрос главный редактор *Индекса Безопасности* Владимир Орлов.

В Д Е С Я Т К У

- 10 **Об отцах и детях**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 11 **Сержио Дуарте: «Простым ужесточением контроля проблему ядерной угрозы не решить»** – В интервью главному редактору *Индекса Безопасности* Владимиру Орлову высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения Сержио Дуарте высказывается по поводу действенности режима нераспространения ядерного оружия, северокорейского и иранского кризисов, а также о перспективах контроля над вооружениями, включая ракетные, и необходимости универсального подхода к этим проблемам.
- 17 **Александр Яковенко: «Чем сильнее будет страна, тем чаще будут говорить на ее языке»** – Заместитель министра иностранных дел России в своей публичной лекции перед слушателями Международной школы по глобальной безопасности ПИР-Центра и в ответах на вопросы молодых специалистов из России и государств СНГ рассказывает о своем видении места и роли России в современном мире, о методах продвижения интересов страны. Отдельное внимание уделяется вопросам глобального изменения климата и использованию русского языка в мире.

- 23 **Даниэль Заппелли: «Подчас просвещенный деспот во главе государства – наилучшее решение»** – Генеральный прокурор кантона Женева Даниэль Заппелли в беседе с главным редактором *Индекса Безопасности* Владимиром Орловым дает оценку взаимодействию России и Швейцарии по борьбе с финансовыми преступлениями. Не менее интересно видение генерального прокурора по вопросу универсальности демократии.

А Н А Л И З

- 27 **Айша Сиддика. Военбиз и будущее Пакистана** – Пакистанская исследователь, которая своей недавней книгой вызвала раздражение у военного истеблишмента и у президента Первеза Мушаррафа, анализирует феномен возрастающего участия вооруженных сил в политической и экономической жизни ряда стран на примере ее родного Пакистана. Она рассказывает, как и почему военные Пакистана взяли под контроль не только общественную жизнь, но и экономику. Она также убеждена, что именно военные виновны в разжигании религиозных распрей. Все это приводит к размышлениям о самом будущем Пакистана.
- 37 **Никита Перфильев. Перспективы и проблемы российско-китайско-го нефтегазового сотрудничества** – Поставив вопросы энергетической безопасности во главу угла, Россия активно ведет поиски альтернативных маршрутов поставки своих углеводородов, стараясь при этом сохранить свои позиции на ресурсном рынке в Центральной Азии. В то же время Китай не менее активно пытается обеспечить свою энергетическую безопасность, но уже как крупный потребитель энергоресурсов. Как сложатся российско-китайские отношения?
- 55 **Юрий Морозов, Сорен Бо Бойсен. Перспективы расширения сотрудничества России и НАТО в области совместного миротворчества** – Тандем двух авторов, непосредственных участников миротворческих операций от России, с одной стороны, и НАТО, с другой, призывает к активизации сотрудничества по линии урегулирования конфликтов. Эксперты полагают, что при наличии политической воли и поиске точек соприкосновения интересов Россия и НАТО могут реализовать значительный потенциал совместного миротворчества.

П О Л Е М И К А

- 71 **Сергей Маркедонов, Сергей Романенко. Косово: прецедент или исключение?** – Проблема будущего Косово не сходит с заголовков газет и обсуждений на самом высоком уровне, что не удивительно, так как неурегулированность этого вопроса стала одним из хронических факторов, влияющих на отношения России и Запада. Исследуя потенциальную опасность косовского вопроса, двое экспертов дискутируют по вопросам как краткосрочного, так и долгосрочно эффекта решения проблемы, каким бы оно ни было.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 83 **Павел Баев. Виртуальная геополитика Центральной Азии** – Старший научный сотрудник Норвежского института исследования проблем мира категорически не согласен с попыткой трактовки российско-американских отношений только через призму геополитики. Он убежден, что подобное видение ограничивает возможности для

сотрудничества и по умолчанию направляет взаимодействие в конфликтное русло.

- 89 **Владимир Шустов. ДОВСЕ: похоронить или реанимировать?** – В 2008 г. Европа вступила без *краеугольного камня европейской безопасности*. Непосредственный участник переговоров по выработке ДОВСЕ излагает свое представление о будущем Соглашения и о перспективах выхода из тупика. По мнению автора, только в случае учета интересов России со стороны западных стран можно говорить о *реанимации* системы европейской безопасности.

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В : Н О Я Б Р Ь 2 0 0 7 – Я Н В А Р Ь 2 0 0 8

- 97 **Показатели Индекса *iSi* – универсального Индекса международной безопасности** – Последние месяцы демонстрируют постепенный рост Индекса *iSi*, что является отражением улучшения общей ситуации международной безопасности. Так ли это? Члены Международной экспертной группы ПИР-Центра Мариан **Абишева**, Александр **Савельев**, Абдулазиз **Сагер**, Евгений **Сатановский**, Чжие **Цзи** дают свои оценки и прогнозы.
- 99 **Юрий Федоров. Глазами либерала: Проклятые вопросы мировой политики, или прав ли Фридрих Ницше?** – «Отказ России поддерживать независимость Косово наряду с мораторием на выполнение ДОВСЕ подхлестывает напряженность в отношениях России и Запада. А это стимулирует уходящие корнями в глубину веков представления, что Россия и Европа обречены на конфронтацию в результате принципиальной цивилизационной несовместимости».
- 112 **Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Стратегическая стабильность переходного периода, или торможение на взлете** – «Нам предлагают поучаствовать в дебатах по Косово с целью легитимизировать независимость этого натовского протектората; на американских условиях вступить в ВТО; согласиться с новой углеводородной политикой ЕС, с американской силовой политикой в отношении Ирана. И за все это предлагается получить *иллюзию влияния*, в рамках которой Вашингтон будет всячески подчеркивать роль России в *конструктивном разрешении* той или иной конфликтной ситуации».

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 125 **Роланд Тимербаев. О пороговых договорах по ограничению ядерных взрывов 1974–1976 гг.** – *Пороговые договора*, ставшие во многом результатом разрядки во взаимоотношениях СССР и США, сыграли позитивную роль в создании атмосферы доверия между двумя сверхдержавами и впервые создали серьезную и обстоятельную систему контроля и инспекций, часть элементов которой была использована для ДВЗЯИ. Участник переговоров посол Р.М. Тимербаев делится своими воспоминаниями.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 133 **Геннадий Евстафьев. Политика в стиле *slam dunk*** – Воспоминания бывшего директора ЦРУ Джорджа Тенета о его семи годах в качестве шефа американской разведки оставляют неоднозначное впечатление, пишет бывший высокопоставленный сотрудник Службы внешней разведки России. Попытки оправдаться перед *судом истории*, защитить себя

и рассказать о наиболее острых конкретных эпизодах своего участия в определении и исполнении указаний своих работодателей дают хорошее представление о том, как работает администрация президента США и обеспечивающие ее политику компоненты бюрократической системы.

- 139 **Владимир Орлов. Сети Хана: широко закрытые глаза** – Сочетание писательского дара, умения закручивать сюжет, не отступая от жанра скрупулезного журналистского расследования, в котором домыслам не место, с феноменальным набором живых источников в разведсообществах США и Великобритании, – вот залог успеха. В книге Гордона Кореры вы найдете все это. История отца пакистанской бомбы – это в своем роде история провалов режима нераспространения. Но вот будет ли выучен этот урок?
- 147 **Татьяна Митрова. Азиатский вектор энергобезопасности** – Первыми в экспертном сообществе авторы новой коллективной монографии делают в целом успешную попытку рассмотреть актуальные базовые вопросы энергетических параметров международных отношений и безопасности в Восточной Азии с точки зрения интересов России как мирового энергоэкспортера. Это попытка понять, как увязаны международные отношения, геополитика и энергетика.

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 151 **Альберт Зулхарнеев, Никита Перфильев, Елена Черепнина** – Сотрудники и стажеры ПИР-Центра готовят краткий обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

Р Е Д А К Т О Р У

- 155 **Джеймс Гудби.** Безопасность – здоровое дитя страха?
- 158 **Жаныл Боконбаева.** *Индекс Безопасности* в СНГ.
- 159 **Денис Шведов.** Подписка-2008: ушел ли поезд?
- 161 **Юрий Сомов.** Прозрачные намерения.

- 163 S U M M A R Y

- 167 О Б А В Т О Р А Х

- 172 Э К С П Е Р Т Н О - К О Н С У Л Ь Т А Т И В Н Ы Й
С О В Е Т П И Р - Ц Е Н Т Р А

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

Обл. III **О высоких местах**

ИГРА НА УДАЛЕНИЕ

Мой коллега Альберт только что принес мне новую *цифру*. Именно так, *цифрой* мы в ПИРе называем очередной числовой показатель Индекса международной безопасности *iSi*. Начало нового месяца, и время *считать цифру*. Для этого разработана серьезная математическая модель. Так что никакой *вкусовщины*. 2937 пунктов, сообщает Альберт. Получается, что *iSi*, значительно окрепший за последние месяцы, по итогам января упал на 45 пунктов. Не обвалился, конечно, как обвалились незадолго до этого финансовые индексы. Но что-то все-таки заметно потянуло его вниз. А ведь, казалось бы, суровых драм на международной арене январь нам не принес.

Начинаем разбираться. И выясняется, что *пригнулся* наш Индекс именно из-за экономики. Именно глобальная финансово-экономическая *нервоотрепка*, достигшая в январе своего апогея (и апогея ли?), именно доносившиеся с вполне укатанной давосской лыжни рассуждения *воротил мирового капитала* о вариантах повестки дня на 2008 г.: а) recession, или b) slowdown, или c) иного не дано, см. а. и b., – все это аукнулось снижением международной стабильности в целом.

И, напугавшись студеного воздуха, дохнувшего на весь (финансовый) мир из Соединенных Штатов, все вдруг в один голос заговорили о de-coupling. То есть что Европа должна оторваться (вариант: уже отрывается) от Соединенных Штатов и что вдоль Атлантики должна быть возведена (вариант: уже возводится) *новая стена* – на смену ветшающему – и, согласно этой версии, обреченному – трансатлантическому мосту. Ну а Азия... вот уж Азия, с ее *растущими* Индией и Китаем, – так та должна всенепременно и куда как скоро оторваться от экономической взаимозависимости с США, *удалиться* и поплыть куда-то в свободное плавание...

Только вот пока не получается. И студеное дыхание США, со всеми их накопившимися экономическими проблемами, где ипотечный кризис – лишь верхушка айсберга, настиг и Китай с Индией, и Европу; причем накрыл легко. Взаимозависимость экономик в одночасье (да и в одно десятилетие) не исчезает. Как говорил Н.С. Гумилев, «что создадим мы впредь, на это власть Господня, но что мы создали, то с нами посегодняя».

И вот *посегодняя* с нами по-прежнему дыхание единственной сверхдержавы. И ее неугомонных имперских амбиций, и ее финансовой стенокардии.

Крупный британский политолог Джулиан Линдли-Френч, анализируя для меня пировскую методологию Индекса *iSi*, как-то заметил, что, принимая за низшую точку Индекса ноль (равно глобальную ядерную катастрофу), за высшую

мы могли бы принять период между 9/11 и 9/11 – то есть между европейским пиком безопасного мира и надежд, возникших с падением Берлинской стены 9 ноября 1989 г., и 11 сентября 2001 г. После этого надежды рухнули (или доказали свою эфемерность), а единственная сверхдержава надорвалась, и иракское вторжение-2003 оформило начало этого заката.

Но закат не будет стремительным. Речь идет о десятилетиях. И de-coupling, этот отрыв – и это удаление – которые с неизбежностью будут происходить в ближайшие десятилетия, просто не могут быть безболезненными.

Весь мир по-прежнему находится в слишком большой зависимости от США. Даже если абстрагироваться на мгновение от эха американских финансовых потрясений, президентские выборы в какой еще стране мира привлекают столь оживленное внимание, занимают столь много места на газетных полосах и в телеэфире по всему свету за 10 месяцев до самих выборов?

Правда в том, что как бы ни хотелось поскорее распрощаться с однополюсным миром, Соединенные Штаты – это держава, по-прежнему обладающая феноменальной финансовой и военной мощью, огромным ресурсом глобального влияния – расшатанным, но все же не подорванным даже бесславным дубль-президентством Джорджа Буша-мл.

Соединенные Штаты – это ведущая ядерная держава, обладающая в совокупности с Россией 95% ядерного оружия в мире. И вопрос о будущем этого арсенала должен звучать не менее остро, чем вопрос о будущем американской финансовой системы. Потому что и то, и другое в равной степени влияет на судьбы всего мира. Только ядерное оружие может повлиять еще и на жизни.

15 января 2008 г. *Wall Street Journal* опубликовала второе письмо четырех. Генри Киссинджер, Джордж Шульц, Уильям Перри и Сэм Нанн – люди, которых не надо представлять читателям *Индекса Безопасности*. Год назад они выступили с инициативой о *ядерном нуле*: мире без ядерного оружия. Теперь они эту инициативу развивают. В частности, они выступают за продление основных положений Договора о сокращении наступательных ядерных вооружений (СНВ-1), который истекает 5 декабря 2009 г., и за скорейшее осуществление сокращений, предусмотренных Московским договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) 2002 г. Они настаивают, что и другие государства, помимо США и России, должны подключиться к ядерным сокращениям, которые в конце концов должны привести к *ядерной ликвидации*.

Примечательно, что, выступая 12 февраля с.г. в Женеве, министр иностранных дел России С.В. Лавров охарактеризовал идеи *четверки* как «созвучные российским инициативам», а их аргументацию – как «убедительную».

Мне представляется, что движение за *ядерный ноль* в США будет и дальше набирать обороты. Но насколько движение *бывших* способно будет повлиять на *политику будущих*? Да и готовы ли будут эти *будущие* вообще взяться за рискованное дело не просто урезать, но и *резать под ноль* целый вид оружия – оружия, оказавшего ключевое влияние на историю всего XX в.? Поймут ли они, что уникальная роль ядерного оружия канула в лету? Что на смену ему приходит... нет, отнюдь не пацифизм, а высокоточное высокотехнологичное оружие (ВТО), которое качественно меняет всю концепцию масштабных войн XXI в. А, может быть, некоторые *будущие* как раз именно это и понимают, готовя почву для того, чтобы США – не сегодняшние, но США ближайших десятилетий – стали лидерами в борьбе за *всеобщий ядерный ноль*, одновременно не упуская лидерства в высокотехнологичных видах нового оружия, прежде всего ВТО.

Дискуссия о будущем ядерного оружия пока что только разворачивается, и голос *пока-что-единственной* сверхдержавы здесь, так или иначе, пока что обречен быть наиболее заметным. Опыт последних лет, особенно ситуация с рас-

ширением НАТО и с развертыванием ПРО, заставляет, надеясь на позитивную динамику, все-таки готовиться к худшему: списывать империю в архив пока что неуместно рано. Заместитель министра иностранных дел А.В. Яковенко в своем интервью, которое мы публикуем в этом номере, прямо говорит: «Отношения США и России становятся отношениями конкурентов. И эта конкуренция будет расти».

Другая тревога последних месяцев, помимо мировых финансов, – Пакистан. Убийство Беназир Бхутто и последовавшие за этим волнения остро высветили всему миру уже давно дебатировавшийся среди специалистов вопрос об устойчивости и о самом будущем этого государства. В этом номере мы уделяем Пакистану особое внимание. Прежде всего – статьей, которую я попросил написать для нас мою давнюю знакомую Айешу Сиддику – блистательного исследователя, смелую женщину, на которую за ее недавнюю книгу о том, как пакистанские военные контролируют экономическую жизнь страны, обрушился гнев президент-диктатора Первеза Мушаррафа. Надо признать, что выводы ее статьи касательно будущего Пакистана не обнадеживают. В своей рецензии на книгу британского журналиста и исследователя Гордона Кореры о сети А.К. Хана я тоже смотрю на будущее Пакистана, только здесь уже более предметно: на безопасность и судьбу его ядерного арсенала. И, наконец, авторы наших традиционных обзоров *российский либерал* Ю.Е. Федоров и *российский консерватор* Д.Г. Евстафьев также уделяют значительное место анализу ситуации в Пакистане.

«Мы на Западе экспортируем демократию, как будто это самый оптимальный вариант и как будто за отсутствие демократии нужно стыдиться. Это неправильное видение мира. Я считаю, что некоторые страны просто не смогли бы функционировать в условиях демократии. Иногда лучше иметь хорошего и сильного *просвещенного деспота*». От кого можно было бы ожидать такие слова? Ну, по крайней мере, я уж никак не ожидал их от юриста – генерального прокурора (он же по должности – начальник полиции) кантона Женева – одного из крупнейших финансовых и политических центров мира. Яркий оратор, публичный политик, не стесняющийся высказывать свои взгляды, часто выглядящие резкими на фоне размеренного женева пейзажа, – таков Даниэль Заппелли. Его предшественник Бернар Бертосса был хорошо знаком в России. Именно российские политики и предприниматели стали его основной мишенью. Да и в Швейцарии имя Б. Бертоссы до сих пор устойчиво ассоциируется с борьбой против *русской мафии* – подлинной или мнимой, тут мнения расходятся.

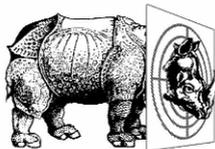
У генерального прокурора Д. Заппелли совершенно иная программа действий в борьбе с финансовыми преступлениями, нежели у его предшественника. И совершенно иные взгляды на Россию и ее соседей по СНГ, – а с партнерами из Генеральной прокуратуры России, прокуратур других государств бывшего СССР ему приходится общаться регулярно.

За последний год я встречался с Даниэлем Заппелли неоднократно и успел впечатлиться как его энергией, так и рельефным изложением собственных убеждений. Фрагменты нашей последней беседы, состоявшейся в октябре 2007 г. в Монако в ходе Саммита по борьбе с трансграничной организованной преступностью, я решил предложить читателям в этом номере журнала.

В общем, как начали разговор с проблем финансовой безопасности – ими же и завершаем. 🐾

Владимир Орлов

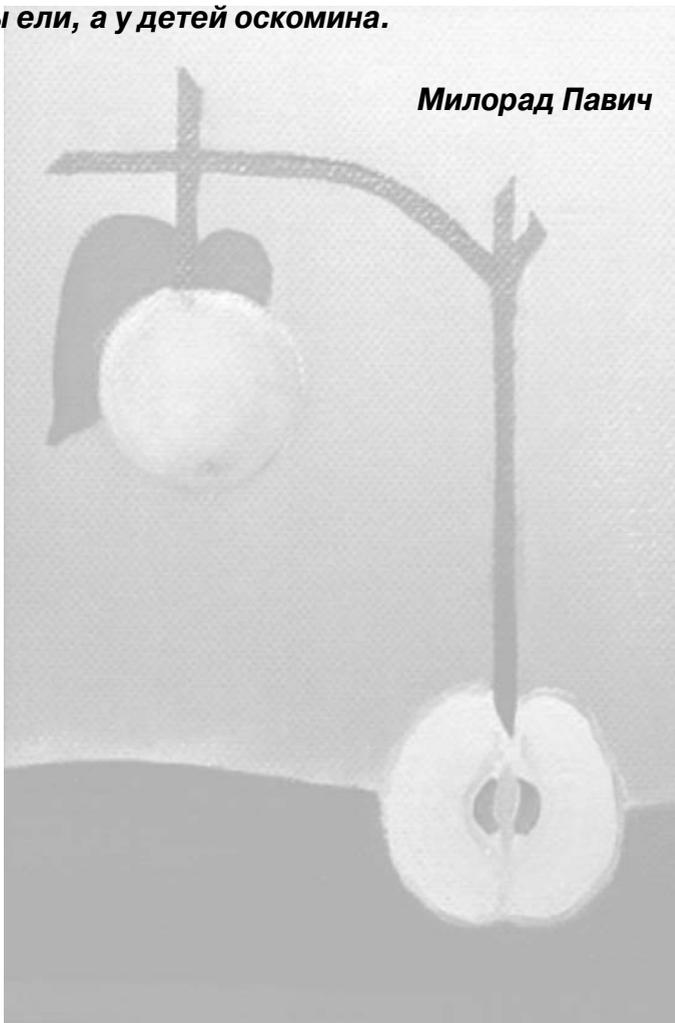

В ДЕСЯТКУ: ОБ ОТЦАХ И ДЕТЯХ

Отцы кислые сливы ели, а у детей оскомина.

Милорад Павич

Сержио Дуарте

«ПРОСТЫМ УЖЕСТОЧЕНИЕМ КОНТРОЛЯ ПРОБЛЕМУ
ЯДЕРНОЙ УГРОЗЫ НЕ РЕШИТЬ»

Главный редактор журнала *Индекс Безопасности* Владимир Орлов беседует с высоким представителем Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения Сержио Дуарте.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Суть *большой сделки*, лежащей в основе Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), можно описать как плавание по реке, где один берег – нераспространение, а другой – разоружение, при этом найти фарватер получается далеко не всегда. В 2010 г. будет проведена Восьмая конференция по рассмотрению действия (КР) ДНЯО, которая проложит курс на последующие пять лет. Однако необходимо прийти к согласию по основным параметрам курса заранее. С этой точки зрения приближающееся заседание Подготовительного комитета покажет готовность стран к сотрудничеству. Что Вы ожидаете от встречи, которая состоится в мае 2008 г.?

ДУАРТЕ: Процессу рассмотрения действия ДНЯО был дан хороший старт во время первой сессии Подготовительного комитета в Вене в 2007 г. Тот факт, что была принята повестка дня, означает, что осталось время для обстоятельных дискуссий и не надо перегружать переговорный процесс длительными дебатами по процедурным вопросам. Согласно решению «Повышение эффективности процесса рассмотрения действия Договора», принятому на КР ДНЯО в 1995 г., первые две сессии Подготовительного комитета должны фокусироваться на «рассмотрении принципов, задач и путей содействия всестороннему осуществлению Договора, а также придании ему универсального характера». Таким образом, я надеюсь на конструктивные дебаты, результаты которых можно будет резюмировать и представить на третьей сессии, где они могут привести к выработке рекомендаций для КР ДНЯО в 2010 г.

Очень важно, чтобы КР ДНЯО в 2010 г. прошла успешно, особенно если принять во внимание неутешительный результат конференции 2005 г., неспособность Всемирного саммита найти решение для проблем разоружения и распространения и стагнацию дипломатии в области ядерного разоружения в течение последних лет. ДНЯО должен быть укреплен, а вера в него восстановлена. Это должно стать частью более широкого процесса по подтверждению *верховенства закона* и важности мультилатерализма. Я бы хотел подчеркнуть, что процесс рассмотрения действия ДНЯО отнюдь не пустой ритуал. Это незаменимый инструмент для диагностики состояния режима нераспространения и для привлечения государств-членов к выполнению своих обязательств.

Я рассчитываю, что государства-члены будут сотрудничать для успешного проведения майской сессии Подготовительного комитета. И хотя нам не уйти от вопросов, по кото-

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

рым будут разногласия, я верю, что государства – члены ДНЯО поймут, как такой результат послужит их общим интересам.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Система гарантий МАГАТЭ предназначена для того, чтобы удостовериться, что неядерные государства секретно не приобретают возможность создать ядерное оружие. В то же время очевидно, что такие развитые страны, как Япония, Канада или, скажем, Германия, не принесут свои хорошие отношения с другими странами в жертву ради создания ядерного оружия. С этой точки зрения инспекции МАГАТЭ в таких странах кажутся пустой тратой денег. Не будет ли более эффективным отменить инспекции в странах с незапятнанным досье в области нераспространения и свести меры контроля, скажем, к ежеквартальным отчетам, при этом увеличив меры контроля в тех странах, которые вызывают или могут вызвать озабоченность?

ДУАРТЕ: Ресурсы МАГАТЭ по осуществлению гарантий отнюдь не являются неограниченными. Именно поэтому Агентство в течение многих лет ищет возможности улучшить эффективность системы гарантий с помощью различных ограничений частоты или степени интрузивности инспекций и других подобных мер. Хотя процесс инспектирования можно рационализировать в тех странах, чье досье в области нераспространения считается *чистым*, от инспекций нельзя отказываться вовсе как из политических соображений, так и из соображений безопасности. Необходимо, чтобы система гарантий была полностью реализована во всех государствах-членах на равной и сбалансированной основе с сохранением высокого уровня транспарентности. Расщепляющиеся материалы опасны по своей природе и заслуживают самых строгих форм контроля где бы то ни было.

Так как концепция гарантий была придумана более полувека назад, мировое сообщество рассматривает гарантии с точки зрения их глобального использования, а не применительно к отдельным государствам. Я считаю, что такой подход продолжает служить интересам международного мира и безопасности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Раньше возможностью создать ядерное оружие обладали прежде всего богатые государства. Однако если посмотреть на те страны, которые в последнее время испытали ядерное взрывное устройство или подозреваются в попытках разработать ядерное оружие, то их можно скорее назвать бедными, чем богатыми. Они выбирают ядерное оружие как самый дешевый способ защитить свой суверенитет. По Вашему мнению, может ли подобная тенденция привести к дальнейшему горизонтальному распространению?

ДУАРТЕ: Хотя решения о разработке ядерного оружия всегда принимаются секретно, большинство экспертов пришли к выводу, что в их основе лежит множество причин, а не какая-то одна. Некоторые государства могут рассматривать это оружие как символ престижа и разрабатывать его из чисто националистических соображений. Некоторые могут рассматривать его как доступное или эффективное средство противодействия внешней угрозе вне зависимости от того, исходит ли она от оружия массового уничтожения или от обычных вооружений. Некоторые могут пытаться получить потенциальную возможность создать это оружие быстро, если в будущем возникнут такие угрозы безопасности, которые оправдают приобретение ядерного оружия.

В то же время, вне зависимости от первопричины, последствия от таких решений вполне очевидны. Как только еще одно государство получит такую возможность, это может привести к дальнейшему распространению, так как близлежащие государства могут чувствовать угрозу и, следовательно, стремиться обрести такие же возможности.

Большее количество оружейных программ увеличит существующие риски инцидентов, вероятные просчеты и возможности для несанкционированного использования. По мере того как все больше государств будет разрабатывать ядерное оружие, будут расти риски, что негосударственные акторы получат доступ и воспользуются ядерным или радиологическим оружием. По всем этим причинам мы должны стремиться к полному ответственности обязательствам по ДНЯО как в области разоружения, так и нераспространения и в конечном счете к полному уничтожению ядерного оружия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Полемика вокруг иранской ядерной программы привела к возросшему недоверию между Ираном и другими участниками ДНЯО. С одной стороны, кризис был вызван несоблюдением Ираном Статута МАГАТЭ и положений ДНЯО. С другой стороны, он был также стимулирован отсутствием четкого определения «мирной ядерной деятельности». С Вашей точки зрения, должно ли международное сообщество предпринять сложную и трудоемкую задачу и дать определение этому и другим терминам, содержащимся в ДНЯО, добавив таким образом ясности, чтобы избежать аналогичных кризисов в будущем?

ДУАРТЕ: Сейчас поставить задачу формального определения, что означает «мирная ядерная деятельность», гораздо легче, чем собственно ее выполнить. Сложной частью стало бы достижение консенсуса между государствами – членами ДНЯО по вопросу определения. Достижение этого консенсуса может оказаться сложным и длительным процессом. Множество государств могут попросту не пожелать переформулировать положения ДНЯО, тогда как другие могут рассмотреть этот вопрос, если остальные положения, включая те, которые постулируют ядерное разоружение и нераспространение, тоже будут переформулированы.

Применительно к мирной ядерной деятельности более важным и эффективным сейчас могло бы стать обеспечение универсальности и полного соответствия государств системе гарантий МАГАТЭ, а также Дополнительному протоколу, чтобы устранить все возможные сомнения о целях ядерной программы в какой-либо стране.

Создание международных центров ядерного топлива, как это предложено МАГАТЭ, для того, чтобы гарантировать доступ к ядерному топливу и, следовательно, устранить предполагаемую необходимость в национальных обогатительных мощностях, тоже заслуживает дальнейшего рассмотрения как один из возможных способов снижения рисков распространения. Тем не менее я не считаю, что простое ужесточение контроля над распространением или сужение термина «мирное использование» решит проблему глобальной ядерной угрозы. Генеральная Ассамблея ООН и государства – члены ДНЯО неоднократно подчеркивали, что как ядерное разоружение, так и нераспространение необходимы, чтобы найти ответ на этот вызов, и я полагаю, что этот подход правилен.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Создание регионального международного центра по обогащению урана было предложено в качестве одного из выходов из иранского ядерного тупика. Что Вы думаете об этой инициативе?

ДУАРТЕ: Ирану было предложено участвовать в международном центре, предоставляющем услуги ядерного топливного цикла (ЯТЦ) на территории России, где он получал бы услуги ЯТЦ, включая обогащение урана. Но до сих пор Иран не согласился на это предложение. Похоже, что он не доверяет идее создания такого центра где бы то ни было за пределами собственной территории. Иран выразил неверие в то, что он сможет иметь гарантированный доступ к ядерному топливу, и поэтому должен производить свое, а не зависеть от иностранных поставщиков.

Какое бы решение ни было принято, важно, чтобы доверие международного сообщества к иранским намерениям было восстановлено. Также отмечу, что в 2006 г. международная Комиссия по оружию массового уничтожения под руководством Ханса Бликса выдвинула предложение, чтобы все государства региона приняли на себя обязательства «на длительный срок» согласно верифицируемому соглашению не вести никакой деятельности по обогащению, переработке, а также другой чувствительной деятельности в области ЯТЦ на своей территории и заключить соглашения о гарантированных поставках ядерного топлива. Это еще один вариант, который, по моему мнению, заслуживает серьезного рассмотрения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Если говорить о проблеме обогащения урана, то Россия завершила формирование Международного центра по обогащению урана (МЦОУ) в Ангарске. Как данная инициатива может повлиять на режим нераспространения?

ДУАРТЕ: Создание МЦОУ в Ангарске является конструктивным шагом, который может помочь снять опасения в области ядерного нераспространения, особенно учитывая, что

маячащий энергетический кризис и опасения по поводу глобального потепления привели к растущему количеству призывов больше опереться на атомную энергетику. Хотя сама идея международного контроля над ЯТЦ была выдвинута еще в 1946 г. в плане Баруха, только в последние годы в этом деле наметился реальный прогресс. Создание международных совместных предприятий по обогащению урана и предоставление надежных гарантий по поставкам ядерного топлива из этих международных центров под гарантиями МАГАТЭ могло бы снизить риски распространения, так как это устраняет необходимость иметь национальные обогатительные возможности.

Москва пригласила несколько стран к участию в МЦОУ, который создается как акционерное общество, что гарантирует финансовую независимость от бюджета государства-членов. Страны будут получать прибыль от деятельности по обогащению урана, но не будут иметь доступ к технологии. Необходимо отметить, что страны, приглашенные к участию, должны соответствовать существующим требованиям в области нераспространения и не должны развивать национальные программы в области чувствительных ядерных технологий.

Россия очень активно действует по линии создания международных центров ЯТЦ, а подписанный ею ранее Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях дает возможность Агентству проводить полномасштабные инспекции на объекте. Объявление о том, что Россия выделит средства и создаст топливный банк с низкообогащенным ураном в Ангарске под контролем МАГАТЭ, также стало позитивным шагом в создании системы гарантированных поставок ядерного топлива. Создание этого центра могло бы послужить в качестве первого шага и прецедента для создания других международных предприятий ЯТЦ вообще и по обогащению урана в частности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Благодаря готовности всех заинтересованных сторон на шестисторонних переговорах по ядерной программе Северной Кореи удалось найти *модус операнди*. В то же время общая ситуация в области безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА) характеризуется отсутствием полноохватной системы безопасности наподобие европейской. Безопасность в регионе зависит от множества двусторонних соглашений, а не от многостороннего договора по типу Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Как Вы полагаете, может ли улучшение общей ситуации в сфере безопасности в СВА, ставшее возможным в результате снижения трений на Корейском полуострове, стимулировать дебаты о создании полноохватного многостороннего соглашения в области безопасности в регионе?

ДУАРТЕ: Меня радует прогресс, который мы наблюдаем на шестисторонних переговорах, в частности те позитивные шаги, которые позволили деактивировать ядерные мощности Северной Кореи и возобновить верификационную деятельность МАГАТЭ. Я рассматриваю эти шаги как выполнение Совместного заявления от 19 сентября 2005 г., которое предусматривало, что Северная Корея «в ближайшее время вернется к выполнению ДНЯО и под гарантии МАГАТЭ». Я не сомневаюсь, что полноохватное осуществление этих обязательств существенно улучшит климат безопасности в СВА, и я надеюсь, что государства региона смогут углубить это сотрудничество в предстоящие годы, а также расширить его географически.

В этом смысле я бы отметил, что сентябрьское совместное заявление также определило необходимость «найти пути и способы налаживания сотрудничества в области безопасности в Северо-Восточной Азии», а план действий от 13 февраля 2007 г., представленный Рабочей группой, выдвинул идею создания «Механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии». Будущее этой инициативы невозможно предсказать, оно будет определено коллективной волей государств региона. Полное осуществление обязательств по устранению ядерного оружия с Корейского полуострова, безусловно, улучшило бы климат безопасности в регионе, что вполне могло бы привести к дополнительным соглашениям в области обычных вооружений.

Отмечу, что все государства региона одобрили цель «всеобщего и полного разоружения», которое включает как ликвидацию оружия массового уничтожения, так и сокращение и ограничение обычных вооружений. Полагаю, что будущие региональные соглаше-

ния, вносящие вклад в продвижение этой более широкой цели, могли бы существенно укрепить международный мир и безопасность как в регионе, так и на глобальном уровне.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В октябре 2007 г. представители России и США при Генеральной Ассамблее ООН предложили, чтобы Договор о ракетах средней и меньшей дальности ограничивал ракетные силы не только этих двух стран, но также включал бы ракеты других государств. В принципе, они высказались в пользу универсализации договора. Есть будущее у этой инициативы?

ДУАРТЕ: Я приветствую заявление Соединенных Штатов и Российской Федерации, которое указывает на поддержку этого важного договора. Хотя в стремлении к договору, который запретил бы разработку и развертывание ракет среднего радиуса на глобальном уровне, есть значительная ценность, очень часто забывается, что в преамбуле ДНЯО сформулирована более широкая задача уничтожения средств доставки ядерного оружия, которое само по себе является частью конечной цели всеобщего и полного разоружения. Уничтожение ракет средней дальности, таким образом, будет необходимым, но не достаточным шагом для достижения этой цели. К примеру, проблемы наличия межконтинентальных баллистических ракет и других систем доставки ядерного оружия не будут учтены в этом договоре.

Более того, я не удивлюсь, если множество государств с неохотой воспримет идею отказаться от своих ракетных возможностей без соответствующих уступок со стороны стран, обладающих системами доставки с большим радиусом действия. Шансы на развитие прогресса в сокращении ракет и в конечном счете разоружения также были бы существенно увеличены, если бы произошло улучшение политических отношений между странами, которые с различной степенью интенсивности вовлечены в локальную и региональную гонку вооружений.

Если бы мы смогли укрепить региональную стабильность и работать над созданием равной безопасности для всех, вероятность распространения *верховенства закона* на ракетную сферу значительно бы возросла.

Тем временем согласие предпринять определенные меры по укреплению доверия, как то заведомые уведомления о проведении ракетных испытаний, улучшенная транспарентность, ограничения на развертывание и другие аналогичные инициативы, могло бы содействовать стабильности и задать тон для дальнейшего прогресса в области разоружения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: ДОВСЕ был краеугольным камнем европейской безопасности, что было особенно важно во времена противостояния двух военных блоков на континенте. Есть ли необходимость в этом соглашении сейчас?

ДУАРТЕ: ДОВСЕ получил широкое и справедливое признание от международного сообщества как важнейшая веха в контроле над обычными вооружениями. Он привел не просто к регулированию, но к проверяемому физическому уничтожению тысяч и тысяч единиц обычных вооружений, и, таким образом, он остается наиболее значительным достижением в этой области. Хотя я соглашусь, что определенно существует продолжающаяся потребность в такой конвенции, я также понимаю, что никакой договор не застывает во времени и не требует подстройки к изменяющимся обстоятельствам, и в этом смысле будущее данного соглашения находится всецело в руках его учредителей. Устав ООН явно признает тот важный вклад, который региональные соглашения могут внести в укрепление международного мира и безопасности, особенно те соглашения, которые «совместимы с Целями и Принципами Организации» (статья 52). ДОВСЕ, несомненно, совместим как с целями Устава в области разоружения, так и с главным обязательством избегать угрозы применения силы и применения силы, и в таком качестве, я полагаю, он заслуживает того международного признания, которое он получил.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПРИШЛО ВРЕМЯ ПОДПИСКИ-2008!

В 2008 г. журнал *Индекс Безопасности* перешел в формат ежеквартального издания. Для получения журнала необходимо оформить платную подписку на его российское (на русском языке) и/или международное (на английском языке) издания.

Подписаться на журнал в настоящее время можно:

А. Через Агентство «Роспечать» (только на российское издание)

Информация о подписке на российское издание в России и странах СНГ находится в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать». Подписка открыта на второе полугодие 2008 г. Стоимость подписки на два номера журнала составит **1500 рублей, включая их доставку**. Индекс издания – **80666**.

Вы можете использовать подписной купон, который размещен на стр. 175 этого номера. Подписку можно оформить через любое почтовое отделение России и стран СНГ.

В. Став членом Международного клуба Триалог (Москва),

Вы или ваша организация автоматически становитесь получателем как российского, так и международного издания журнала, а помимо этого, и других информационно-аналитических продуктов ПИР-Центра, получаете приглашения на заседания Клуба и семинары, конференции и другие мероприятия. Для вас открыто индивидуальное или корпоративное членство. Эта опция идеальна для всех лиц, работающих в Москве, но желающих читать журнал по-английски. Действуют скидки для представителей СМИ!

Подробную информацию о Международном клубе Триалог вы можете получить у Ирины Котовой по тел.: +7 (985) 764-9896, e-mail: trialogue@pircenter.org, а также в разделе «Клуб» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/club>

С. Став членом Centre russe d'études politiques (Genève),

Вы будете получать международное или российское издание журнала, по вашему выбору. Эта опция предназначена прежде всего для тех, кто не является резидентом России и СНГ. Для оформления подписки вам следует заполнить *онлайн* форму вступления, размещенную на сайте *Centre russe d'études politiques (Genève)* по адресу <http://crep.ch/fr/application.html>. Оплатив годичный членский взнос, вы становитесь полноправным членом Центра.

Информацию о Centre russe d'études politiques (Genève) можно получить по телефону в Женеве +41 (79) 736-9034 или же по электронной почте info@crep.ch

Подробно обо всех способах подписки на журнал смотрите в разделе «Подписка» на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу: <http://si.pircenter.org>.

Дополнительную информацию о подписке, а также о размещении рекламы в нашем журнале Вы можете получить у заместителя главного редактора Никиты Перфильева

тел.: +7 (495) 234-0525; e-mail: perfilyev@pircenter.org

Александр Яковенко

«ЧЕМ СИЛЬНЕЕ БУДЕТ СТРАНА, ТЕМ ЧАЩЕ БУДЕТ
ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЕЕ ЯЗЫК»

Заместитель министра иностранных дел России Александр Яковенко отвечает на наши вопросы¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: При всей важности двусторонних отношений между странами в современном мире, который характеризуется все возрастающей взаимозависимостью, актуальным является участие государства в многосторонних форматах сотрудничества. Какую роль Россия отводит многосторонней дипломатии вообще и ООН в частности?

ЯКОВЕНКО: Как в рамках многосторонней дипломатии, так и в рамках двусторонних отношений главной задачей для нас является создание максимально благоприятных условий для развития нашей страны: для экономического развития, социально-экономического развития и т.д. Чтобы страна развивалась активно, она должна иметь хорошие отношения с другими странами. Наши люди должны чувствовать себя безопасно в окружающем мире. В данном случае, естественно, мы должны дать определенную роль многосторонним механизмам, коим и является ООН.

Сейчас в мировой политике наметилось две тенденции. Первая тенденция, сторонниками которой мы являемся, – это всяческое укрепление международных механизмов, в частности многосторонней дипломатии. И в данном случае речь идет об ООН. Мы выступаем за укрепление именно этих механизмов, потому что в рамках ООН есть возможность решать достаточно большое количество вопросов на многосторонней основе, путем создания больших коалиций. Но главное – на основе международного права. Поэтому это постоянная и магистральная линия российской внешней политики, которую мы неуклонно проводим.

К сожалению, не все страны являются сторонниками такого подхода. И в данном случае, например, США имеют двойственное отношение к ООН. С одной стороны, они понимают, что без Совета Безопасности (СБ) невозможно продвигаться в вопросах мировой политики. Но, с другой стороны, в их работе в рамках ООН постоянно присутствуют какие-то элементы, которые если не подрывают эффективность этой организации, то создают определенные для нее трудности. Ярким примером является то, что американцы – самые большие задолжники в бюджет ООН.

Постоянно возникают проблемы не только у нас, но и у западноевропейских стран с функционированием этой организации. И вот эти две тенденции постоянно борются. Но жизнь показывает, что без ООН, без СБ довольно трудно решать мировые проблемы. И об этом как раз свидетельствует то, как сложилась авантюра США в Ираке, когда, по существу, были развязаны военные действия в обход СБ. К чему это привело, мы все знаем. Но через некоторое время США были вынуждены вернуться в СБ для того, чтобы получить соответствующую поддержку.

И
Н
Т
Е
Р
В
Ь
Ю

Это говорит о том, что СБ по-прежнему востребован, и это является единственным действенным инструментом международной политики, в рамках которого можно принимать решения, в том числе и в отношении применения силы по главе седьмой Устава ООН. Должен сказать, что на повестке дня сегодня достаточно много вопросов, которые по-прежнему не решены. Это и ближневосточное урегулирование, это и проблемы Дарфура в Судане, это проблема, естественно, связанная с трибуналом, который должен заработать через некоторое время по убийству бывшего премьер-министра Ливана. Это вопрос грузино-абхазского конфликта. Для нас важно укреплять роль ООН, потому что ООН всегда была той организацией, которая работает на основе международного права.

И, кстати, я должен сказать, что такой же линии придерживаются все страны СНГ, потому что все прекрасно понимают, что для того, чтобы голос страны был услышан, он должен прозвучать на равных. На равных он звучит только в рамках ООН.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какова роль России в деятельности международных программ в области развития?

ЯКОВЕНКО: Сейчас, после того сложного периода, в котором находилась Россия все 1990-е гг., вырабатывается новый подход к деятельности международных организаций. Если раньше мы просто активно участвовали в деятельности той или иной организации, то сейчас мы стали поддерживать деятельность этих организации, в том числе и материально.

Новым элементом нашей политики применительно к многосторонней дипломатии является одобрение президентом РФ концепции содействия международному развитию. Что это такое? Это стремление выйти со всеми остальными странами *Большой восьмерки* на уровень финансовой поддержки крупных международных проектов добровольного характера. Сейчас мы вносим порядка 200 млн долл. США в год на различные проекты. Но я надеюсь, что к 2009 г. мы выйдем уже на полмиллиарда долларов. То есть это те деньги, которые будут реально выделяться из бюджета и те, которые мы будем вносить на различные программы. Это будет касаться и увеличения наших взносов и во Всемирную продовольственную программу. Сейчас мы вносим 11 млн, будем платить и больше. Это и взносы, которые мы обещали и в Европейскую экономическую комиссию. Несколько миллионов еще будем наращивать. То есть, по большому счету, Россия выходит сейчас в число растущих доноров.

Это значит, что мы будем начинать оказывать весьма существенную поддержку через международное право, ооновские программы прежде всего тем странам, которые находятся рядом с нами, это в данном случае страны СНГ. Для нас это главный приоритет. Для нас очень важно, чтобы наше окружение активно развивалось. И планируем это делать через совершенно не политизированные программы, которыми являются различные ооновские программы.

Вот эта новая тенденция, свидетелями которой вы сейчас становитесь, я думаю, будет постепенно развиваться, и я думаю, что через 5–6 лет это принесет осязаемые результаты. Для нас все-таки, если посмотреть нашу политику в рамках международных организаций, конечно, ключевым моментом является развитие и взаимодействие со странами СНГ, которые являются нашими соседями. Самыми близкими соседями.

Потому что от того, как складываются отношения с этими странами, с нашими ближайшими соседями, зависят, конечно, и стабильность, и экономическое благополучие в нашей стране.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Россия все большее внимание уделяет формированию позитивного имиджа, в том числе за счет продвижения русского языка за рубежом. Есть ли планы открытия представительства российских научно-исследовательских институтов за рубежом для донесения более квалифицированной информации о политике России в области безопасности, внешней политике?

ЯКОВЕНКО: В 1990-е гг. был совершенно колоссальный спад интереса к русскому языку. Экономика дышала на ладан. Советский Союз распался. Многие вообще *списали*

и Россию, и страны СНГ. Сейчас ситуация другая. Сейчас экономика растет семимильными темпами. Естественно, повышается интерес к русскому языку именно через эту составляющую. Так что интерес к русскому языку есть, что было наглядно доказано в 2007 г., который был объявлен годом русского языка.

В рамках МИДа организовывались мероприятия в течение года. Это и конкурсы, и викторины, и фестивали – много всего. Но есть те вещи, которые должны быть первыми. Первое – будет уделяться больше внимания для возможностей изучения русского языка во всех странах. Сейчас одобрена программа «Русский мир», связанная с серьезным финансированием этого направления. Это значит, что во всем мире будет создаваться больше возможностей для изучения русского языка, будет выпускаться значительно больше литературы на русском языке. Все, что будет востребовано для изучения русского языка, будет введено в силу. Ведь чем сильнее будет страна, тем чаще будет использоваться ее язык.

Если посмотреть, русский язык – это язык общения в космосе. Обязательное условие для космонавта, который выходит на Международную космическую станцию, – это знание русского языка. Базовый язык – это русский. Будем надеяться, что русский язык восстановит свои позиции. Мы занимаемся этим по линии наших посольств, будем делать все, чтобы помочь, в том числе и финансированием.

Но есть и проблемы, связанные с продвижением русского языка и улучшением имиджа страны. Во-первых, практически все *медийное* пространство монополизировано англоязычными крупными компаниями. Это и телевидение, и газеты, и весь *медийный* мир: основные газеты и весь блок Интернета, он, по существу, имеет и определенную аудиторию, и определенного владельца. Все равно, при всем обилии информационного поля все смотрят буквально десяток крупнейших информационных агентств. Это *Рейтер*, *Ассошиэйтед Пресс*, *Си-Эн-Эн*. Вот это поле сложилось исторически. Прорваться на него очень сложно, потому что это деньги и это влияние. В свое время *Си-Эн-Эн*, которое было создано американцами, – стало большим частно-государственным проектом по развитию влияния в *медиа*.

У нас сейчас создан канал *Russia Today*. Очень интересный, я считаю. За последний год он очень вырос. Но его никуда не пускают. Его очень сложно пробить как альтернативную точку зрения. Я думаю, что по мере того, как мы будем восстанавливать свои позиции, экономические и политические, эти крупнейшие источники информации будут активнее продвигать те точки зрения, которые существуют у нас в стране.

И последнее: *медийная* составляющая здесь играет не меньшую роль, чем наличие *умных мыслей*. Потому что можно сидеть с *умными мыслями*, и никто о тебе не узнает. В этом смысле как раз и важна многосторонняя дипломатия. Вот почему многие страны так держатся сейчас за ООН, за организации системы ООН. Это трибуна. Это возможность донести свою точку зрения значительному числу государств, причем не используя активные финансовые вливания. Но *медийная* составляющая должна расти. Потому что без этого никто о нашей точке зрения не узнает.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какая оценка имеется в отношении изменения климата?

ЯКОВЕНКО: Мне больше импонирует, скажу откровенно, американский подход, суть которого сводится к тому, что на национальном уровне должны приниматься такие очень серьезные обязательства, но, естественно, добровольные обязательства, как будут развиваться те или иные направления экономики страны, те или иные энергосберегающие и *чистые технологии*, которые реально сократят и выброс в атмосферу вредных веществ.

Когда я полемизирую со своими коллегами из ЕС, я им говорю: «Вы там требуете установления ограничений, а вы мне можете сказать, вы считали эффективность тех технологий, которые вы передаете развивающимся странам? Насколько они эффективны, что они дали, насколько это привело к сокращению выбросов?» Надо сказать, что ответов на эти вопросы мы не получаем.

У меня двойственное отношение к проблеме изменения климата. С одной стороны, никто не знает, что процессы, которые происходят, являются следствием того, что мы делаем в индустриальном плане. Конечно, воздействие существует. Конечно, я считаю, что необходимо вводить новые технологии. Но вопросы, связанные с климатом, имеют двойное дно. Я хочу напомнить ситуацию, которая сложилась раньше: в свое время пытались избавиться от озоновых дыр посредством борьбы с фреонами, используемыми в системе охлаждения холодильников. Еще Советский Союз перешел на новые виды охлаждающих устройств. Никем впоследствии не было доказано, что эти дыры возникли из-за фреонов. Но была такая авантюра на международном уровне, когда компания, которая производила все эти технологии, распространила с помощью международной системы это производство на все страны.

Я думаю, то же самое может произойти в сфере изменения климата. И тогда очень крупные производители могут этим воспользоваться для продвижения своих технологий. Технологии эти будут передаваться в развивающиеся страны. Это будет навязываться. Это большой коммерческий проект. Мы хотим, чтобы этого большого коммерческого проекта было как можно меньше.

Выгодно нам или нет? Я думаю, что и выгодно, и не очень выгодно. С одной стороны, есть такое мнение, что будут хорошие договоренности, которые будут рано или поздно выработаны, они будут направлены на сокращение выбросов углекислого газа. Я думаю, что для нашей страны это полезно. Я считаю, что в этом отношении международные обязательства дают благотворный эффект. С другой стороны, это может сдерживать рост экономики. Например, экономика России сейчас растет и, я думаю, будет еще больше расти. А это может быть определенным сдерживающим фактором. Поэтому нужно провести точные расчеты. И если часть государств в этом процессе не будет участвовать, то считаю это неправильным.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В последнее время отношения между странами НАТО и Россией все чаще характеризуются как *новая холодная война*...

ЯКОВЕНКО: Во-первых, о *новой холодной войне* речи не идет. Я бы назвал это борьбой за свои интересы. Не все готовы считаться с нашими интересами, потому что 1990-е гг. были очень благоприятными с точки зрения сокращения влияния России на международные дела. Сейчас процесс пошел немножко по-другому. Российское общество защищает свои интересы. Если мы с чем-то не согласны, то сейчас об этом будут говорить вслух. И проведенные в странах Западной Европы опросы общественного мнения показывают, что где-то 60% согласны с тем, что было сказано. Выступление президента В.В. Путина в феврале 2007 г. в Мюнхене многие трактовали как начало холодной войны. Отнюдь. Просто он высказал то, что у нас давно наболело. То, что было сказано в Мюнхене, – это приглашение к диалогу, приглашение обсудить те проблемы, которые существуют на сегодняшний день.

Если взять российско-американскую повестку дня, то у нас сейчас две основные проблемы, из которых только одна затрагивает стабильность двусторонних отношений. Это размещение США элементов противоракетной обороны (ПРО) в Польше и Чехии. Вторая проблема – Косово. Она имеет более широкий характер. Но по своему накалу она не уступает проблеме, которая существует с ПРО.

Есть несколько вопросов, которые отравляют наши отношения, но это просто усиливающаяся конкуренция. Я думаю, что дальше она будет расти. Но она будет принимать немного другие формы, потому что, когда нас обвиняли в энергетической экспансии и в использовании энергетического фактора в своих внешнеполитических целях, это была чисто пропагандистская, очень мощная кампания. Но у каждой страны есть свои сильные стороны. Так что конкуренция будет усиливаться, с моей точки зрения, и она будет приобретать новые формы. Но перед нами сейчас стоит такое количество совместных задач, что перейти в какую-то новую стадию холодной войны вряд ли возможно. Но конкуренция будет сильная и жесткая.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Среди основных разногласий с США Вы назвали вопросы размещения элементов ПРО в Европе и статус Косово. Означает ли это, что иранская

тематика более не является камнем преткновения для развития российско-американских отношений?

ЯКОВЕНКО: У нас серьезных разногласий с США по Ирану нет. Наши позиции совпадают. Единственное, в чем они у нас не совпадают, – в том, как действовать. Американцы исходят из очень простой вещи – что вот сейчас нужно навалиться на Иран, задавить его всеми санкциями. При этом почему-то никто не предлагает ввести санкции на нефтяную отрасль, что наиболее больно ударит по Ирану. Все вокруг да около. О нефти никто ничего не говорит, молчат как рыбы. Вот суть подхода американцев.

У нас подход другой. Мы считаем, что с иранцами нужно вести переговоры. Нет военного решения. И нужно наращивать давление. Потому что такой безысходности применительно к ядерной программе Ирана нет. Сделать бомбу, оружие за несколько лет очень сложно. И даже если будет создано ядерное взрывное устройство, – это не значит, что есть боезаряд, потому что для этого нужно проводить испытания. Поэтому определенное время есть. Месяц, два, три, четыре.

Мы уже приняли две резолюции в СБ о введении санкций. Если надо, то примем третью, которая и дальше будет сжимать кольцо вокруг Ирана.

Наш подход, на мой взгляд, важен тем, что, с одной стороны, усиливает давление на Иран, чтобы иранцы все-таки выполнили те требования, которые мы им предъявляем, а с другой – мы не создаем кризиса в регионе со всеми вытекающими из него последствиями. Американцы далеко, а мы рядом. Поэтому любые военные авантюры, создание других каких-то проблем дестабилизируют дальше ситуацию.

Американцы сейчас вошли в Ирак. Видите, что произошло. Страна полностью раздираема внутренними противоречиями. Произошла радикализация страны. Там никогда террористов не было – вот сейчас появились. Если сейчас еще Иран превратить в такую же черную дыру, то круг замкнется.

Мы полностью разделяем озабоченность американцев. Мы тоже хотим, чтобы в Иране не было ядерного оружия. Вопрос в методах. Поэтому мы с европейцами их удерживаем от таких необдуманных шагов. И, нужно отдать должное американцам, – они слушают. И то, что *шестерка* работает на этом направлении, является, в принципе, показателем того, что наша линия поведения в этих вопросах востребована.

Поэтому я бы не сказал, что здесь есть какие-то противоречия. Есть разногласия в плане реализации одной большой установки – чтобы в Иране не было ядерного оружия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В настоящее время ЕС разрабатывает новую стратегию в отношении стран Центральной Азии (ЦА). Какова позиция России по данному вопросу?

ЯКОВЕНКО: Естественно, мы считаем, что все страны имеют возможность взаимодействовать, с кем они считают нужным. Я читал определенные отклики о данной стратегии. Там есть два элемента. Это усиление политического влияния. На сегодняшний день страны ЕС имеют очень слабое влияние на страны ЦА, поскольку еще некоторое количество лет назад была очень серьезная критика в области соблюдения прав человека. За критикой следовали определенные санкционные вещи. В частности, это касалось Узбекистана, когда бандитский переворот, который хотели там организовать, превратили в ситуацию, связанную с правами человека. Это очень сильно отдалило страны ЦА от европейских государств, западноевропейских государств. Но интерес у них к странам ЦА есть.

То есть, с одной стороны, это усиление политического влияния, что, в принципе, нормально, и второе – это, конечно, экономический интерес к возможностям этих стран. Все прекрасно понимают, что эти страны очень богаты минеральными ресурсами и другими сырьевыми ресурсами. Конечно, есть большой интерес на продвижение своих экономических интересов в этом регионе. А для того, чтобы это сделать, нужно вырабатывать определенную политику. Собственно говоря, ничего нового в этом подходе нет.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Если говорить о ближайших соседях России, то ни для кого не секрет, что на постсоветском пространстве существует множество замороженных конфликтов. В связи с этим каково сегодняшнее видение России по решению приднестровской проблемы? Хочет ли Россия сохранить *статус-кво*?

ЯКОВЕНКО: Ни в коем случае мы не хотим сохранить *статус-кво*. У нас вообще очень простой подход. Должны договариваться между собой Кишинев и Тирасполь. Мы постоянно их толкаем к этому. У нас с Приднестровьем, собственно говоря, одна проблема – это вывоз огромных запасов оружия, которые должны были обеспечить ударную группировку Советского Союза. Сейчас его охраняет 150 человек. Вывести мы его не можем, потому что приднестровцы нам этого делать не дают. А нас все время обвиняют в том, что мы там держим военных. А как мы оставим там все это оружие? Если мы его там оставим, то все это дело растащат, и хлынет все это потоком и к нам, и в соседние страны (в ту же самую Украину), и в Западную Европу. Поэтому мы сидим, все это стережем. Вывести базы никак мы не можем.

Договоренностей пока нет между Кишиневом и Тирасполем. Нам, честно говоря, все равно, на каких условиях они договорятся. Главное, чтобы была договоренность. Потому что только если будет договоренность, то это будет всерьез и надолго. Поэтому все наши усилия на сегодняшний день – это усадить их за стол переговоров с тем, чтобы они могли договориться. Вот, собственно говоря, и все.

У нас там никаких особых интересов нет. Мы готовы развивать наши экономические отношения и с Молдавией, естественно, на равноправной основе. Это общая политика ко всем странам СНГ. Для нас главное – это чтобы там конфликтный потенциал был как можно меньше. И были бы достигнуты договоренности без ущерба какой-либо одной стороне. 🐜

Примечание

¹ Интервью составлено на основе публичной лекции А.В. Яковенко, прочитанной участникам Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности, организованной ПИР-Центром 9 июля 2007 г., и его ответов на вопросы слушателей Школы – молодых специалистов из России и государств СНГ.

Даниэль Заппелли

«ПОДЧАС ПРОСВЕЩЕННЫЙ ДЕСПОТ ВО ГЛАВЕ
ГОСУДАРСТВА – НАИЛУЧШЕЕ РЕШЕНИЕ»

Главный редактор журнала Индекс Безопасности Владимир Орлов беседует с генеральным прокурором кантона Женева Даниэлем Заппелли.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Несколько лет назад после целого ряда громких скандалов в Женеве многие российские компании решили обходить Ваш город и кантон стороной. С их точки зрения, обстановка в Женеве перестала быть благоприятной для ведения бизнеса – в противоположность вековым традициям, согласно которым Швейцария и особенно ее франкоговорящая часть радушно принимали русских. Но все же город остается активным и привлекательным финансовым и торговым центром, особенно в нефтяной отрасли, для компаний из России, Украины, Казахстана, Узбекистана... Может ли Женева, несмотря на изменившееся отношение российских предпринимателей к ней, стать еще более оживленным и привлекательным местом для бизнеса? Каков Ваш подход к этому вопросу?

ЗАППЕЛЛИ: Мой подход прост. В уголовном праве существует такой ключевой принцип, который называется презумпция невиновности. То есть любой человек считается невиновным, пока его виновность не будет доказана. Этот правовой принцип применим к каждому, абсолютно к каждому, и к русским в том числе. Нас этому учат на первом курсе университета.

Действительно, в связи с крупными переменами в России, в том числе полномасштабной перестройкой всех сфер жизнедеятельности, страна пережила огромные потрясения, и некоторые элементы новой системы в России, как, впрочем, и за ее пределами, на поверку оказались *гнилыми*. Но это лишь естественное следствие произошедших перемен.

В связи с этим нельзя забывать о трех факторах. Во-первых, в России есть генеральный прокурор, а у территориальных единиц в пределах России – в свою очередь собственные прокуроры. Россия не является страной беззакония. В ней существует укоренившаяся система, в которой преступники, если они действительно в чем-то виноваты, преследуются за свои проступки.

Во-вторых, в Женеве, как и по всей Швейцарии, внедрена достаточно жесткая система проверки людей, желающих открыть банковский счет. Наша система – одна из самых строгих в банковском мире. Мы исходим из того, что банки знают, что они делают, и знают, какие их ждут последствия в случае, если не будут проведены должные проверки. Для нас это дополнительная гарантия того, что люди, приезжающие сюда, чисты.

И, наконец, третий аспект заключается в том, что произойдет, если мы решим преследовать кого-то в судебном порядке. Давайте представим ситуацию, абсолютно теоре-

Ю
Б
В
Р
Е
Н
Н

тическую, что у нас возникают против кого-то подозрения. Если мы предположим, например, что у гражданина России в Женеве имеется состояние неизвестного происхождения, и если предположить, что это состояние – криминального происхождения, не будет ли лучше оповестить российские власти и сообщить им о наших подозрениях? Спросить у них, собираются ли они начинать уголовный процесс против этого человека? Если преступление предположительно было совершено на территории России и российские власти или генеральный прокурор решают не давать этому делу ход, мы не должны принимать более строгие меры, чем сами российские власти. И мы должны закрыть дело и отказаться от всех подозрений, которые у нас были.

Эта система проста. Мы обсуждали ее с коллегами в России, и, думаю, это стоит обсудить и с властями на кантональном и федеральном уровне в основных финансовых центрах Швейцарии – Цюрихе, Женеве, Лугано, Базеле, возможно, в Цуге. Я бы хотел, чтобы эта система была претворена в жизнь в Швейцарии, и, возможно, это сможет произойти при новом генеральном прокуроре Швейцарии.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы упомянули, что встречались с представителями российской власти. Как бы Вы охарактеризовали сотрудничество Вашего ведомства с российскими коллегами? Хотели бы Вы его улучшить или же Вы довольны существующим положением дел?

ЗАППЕЛЛИ: Наше сотрудничество развивается не так уж и плохо, но его всегда можно улучшить. Главное в сотрудничестве – доверие. Мы должны доверять друг другу – без взаимного доверия ничего сделать нельзя. Недавно мы столкнулись с определенными трудностями в деле ЮКОСа – в своем недавнем решении Федеральный трибунал Швейцарии постановил, что причины замораживания счета нет. По мнению Федерального трибунала, обвинения против ЮКОСа были больше похожи на политическую игру (хотя я не знаю, уместно ли здесь слово «игра», возможно, «политическая борьба» – более уместный термин), чем на преступление, и потому трибунал принял решение разморозить счета. Это плохой знак: впервые Федеральный трибунал, наивысшая судебная инстанция, стал поучать другую страну: мол, вы смешиваете политику и уголовное право.

У меня прагматический взгляд на этот вопрос: либо я могу доказать виновность, представив соответствующие улики, – и тогда я иду в следующую инстанцию, либо у меня таких доказательств нет, – и на этом я останавливаюсь. А раз следственный материал можно собрать только в России и если российские власти не желают сотрудничать или не разделяют наших подозрений, то я дальше раскапывать не буду.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Давайте перейдем от темы России к более общему вопросу: каково Ваше мнение о сотрудничестве Вашего ведомства в вопросах финансовых преступлений с другими странами? Помнится, Вы мне как-то сказали, что Швейцария не может быть «святое Папы Римского» – иными словами, она не может вести себя примернее, чем страны, являющиеся источником капиталов, лежащих на ее счетах. Так что невозможно требовать от некоей страны сотрудничества, если та не желает взаимодействовать в полную меру.

ЗАППЕЛЛИ: Я считаю, что следует четко различать два вида ситуаций. Во-первых, бывают случаи, когда есть конкретный пострадавший в результате финансового преступления. Жертвой мошенничества может стать крупная компания, или, например, может произойти незаконная утечка капитала, который впоследствии оказывается на счетах где-то еще, в том числе и в Швейцарии. В данной ситуации все достаточно просто: все зависит лишь от способности пострадавшей стороны быстро действовать в той стране, где преступление было совершено, а также от того, насколько хорошие у нее юристы.

Чаще сотрудничество между правоохранительными органами разных стран бывает более оперативным, чем сотрудничество между самими странами. Предположим, преступление было совершено в Швейцарии, а деньги разошлись по счетам в трех разных странах: в самой Швейцарии, Лихтенштейне и Англии. Очень часто для пострадавшей стороны наиболее перспективным вариантом является возбуждение уголовного дела в каждой из этих стран, после чего необходимо приступить к сбору доказательств в этих странах. После этого адвокаты смогут обмениваться уликами гораздо эффективнее,

чем страны – информацией. Это я Вам говорю как бывший адвокат и действующий генеральный прокурор.

Но мы нечасто сталкиваемся с таким родом ситуаций. Настоящие сложности начинаются, когда мы заводим дело на кого-то, кто вообще ни в чем не обвиняется. В этом случае, если страна отказывается сотрудничать, дело закрывается. Так что все зависит от того, есть у нас пострадавшая сторона или нет.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Многим россиянам присущ стереотипный взгляд на Швейцарию как на отдельный островок в Европе. Но, по крайней мере, в финансовых вопросах, вопросах отмыкания денег уже очень сложно представлять Швейцарию *островком*. Как Вы оцениваете отношения между Швейцарией и ЕС по вопросам финансовых преступлений? Следует ли их менять, или же нужно оставить все как есть?

ЗАПЕЛЛИ: Думаю, основное отличие Швейцарии – это то, что она действительно все еще остров, но остров в самом центре Западной Европы. Так что в любом случае Европе без Швейцарии никуда. Если у вас прямо посредине расположен участок, вам придется проходить через него, обходить его не получится. Основное, что отличает Швейцарию от других стран, – это ее политика сохранения банковской тайны. Поэтому главный вопрос заключается в том, изменит ли Швейцария свои взгляды на эту политику.

Думаю, Швейцария не заинтересована в потере имиджа страны, хранящей банковские тайны, и в изменении политики прежде всего по финансовым вопросам. Я считаю, она должна сохранить и то, и другое.

Часто существуют два взгляда на этот вопрос – различные страны хотят бороться с потерей денег из-за нежелания своих граждан заявлять о доходах соответствующим налоговым ведомствам. В Швейцарии это не считается преступлением. И поэтому у нас нет проблемы отмыкания денег в целях уклонения от уплаты налогов. Думаю, отдельные страны сами должны разработать более совершенные фискальные или налоговые системы. Если они хотят сохранить капитал на своей территории, им нужно быть умнее и позаботиться о том, чтобы их граждане хотели остаться в своей собственной стране, даже если это значит, что они будут платить меньше налогов, чем раньше.

Что касается меня, я считаю, что Швейцария должна продолжать переговоры с ЕС, но ей не следует отходить от существующей системы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Стереотипы часто могут сыграть с нами злую шутку. Один из стереотипов – это представления о демократии. Что на самом деле значит это слово, особенно для стран, находящихся в транзитном периоде? Не будет ли ошибкой считать, что демократия – это идеал, и ее клонирование поможет решить большинство проблем?

ЗАПЕЛЛИ: В Швейцарии особый тип демократии в том смысле, что любой человек всегда может оспорить решения правительства. С одной стороны – это хорошо, потому что это признак истинной демократии, но с другой – плохо, потому что на все уходит очень много времени. Иногда откладывать принятие решений можно до бесконечности, но я не могу сказать, хорошо это или плохо. Я привык к этому, и меня эта система устраивает. Но существуют и страны, которые по причинам размера их территории, или же истории, или же иного опыта могут просто быть не готовы к демократии, и для них демократия – не лучший вариант.

Мы на Западе экспортируем демократию, как будто это самый оптимальный вариант и как будто отсутствия демократии нужно стыдиться. Это неправильное видение мира. Я считаю, что некоторые страны просто не смогли бы функционировать в условиях демократии. Подчас иметь во главе государства способного, сильного *просвещенного деспота*, как говорят во Франции, то есть человека, который принимал бы грамотные решения и следил бы за тем, чтобы люди жили хорошо, были счастливы и сами были бы довольны таким раскладом, – вот наилучшее решение. И тогда никто не будет оспаривать решения главы государства.

Совершенно очевидно, что большим странам, таким как Россия, необходим сильный лидер, способный принимать решения. У вас в России есть Дума, президент, имеются все демократические стандарты. Но в такой большой стране вам просто необходим человек, который мог бы эффективно действовать в демократии такого рода – сначала принимать решения, а после внедрять их в жизнь, не сталкиваясь постоянно с оспариванием этих решений или их блокировкой.

Это как раз то, что я называю *империалистическим подходом к демократии*. А *империалистический подход к демократии* – это отнюдь не хорошее дело. Я против такого подхода. 🐜

Айеша Сиддика

ВОЕНБИЗ И БУДУЩЕЕ ПАКИСТАНА¹

Степень участия вооруженных сил в экономической деятельности того или иного государства зависит от степени их влияния на внутривнутриполитические процессы. Ряду стран *третьего мира*, в том числе и Пакистану, присущ своеобразный феномен – возрастающее участие вооруженных сил в деловой и экономической жизни страны, который можно назвать термином *военбиз* [в оригинале *milbus* – Прим. пер.].

Когда военные начинают заниматься коммерческой деятельностью и используют вооруженные силы для получения институционального влияния внутри страны и личного обогащения, есть ли у них стимул вернуть армию к своим прямым задачам и предоставить демократическим институтам возможность работать так, как они и должны? Что именно означает *военбиз* для профессионального духа офицерского состава пакистанской армии, превратившегося в независимый класс благодаря своему влиянию в государстве и контролю над ресурсами страны? И наконец, как экономические интересы верхних эшелонов армии влияют на пакистанское общество и отношения Пакистана с его непосредственными соседями и остальным миром вообще?

А
Н
А
Л
И
З

ЧТО ТАКОЕ ВОЕНБИЗ

Термин *военбиз* используется здесь в первую очередь для описания определенного вида капитала, используемого в личных интересах военных кругов, в частности, офицерского состава. Эти средства не являются частью официального военного бюджета и не регистрируются как таковые. В частности, недостаточная финансовая отчетность делает этот вид капитала достаточно сомнительным и незаконным. *Военбиз* – не что иное, как внутренняя экономика военного комплекса, скрытая от глаз общественности. Такой капитал существует в большинстве стран мира, но он гораздо более распространен и его последствия намного серьезнее в странах с авторитарным режимом, особенно в тех, где у власти стоят военные. Когда военные круги неподвластны гражданскому правительству, они склонны запускать свои щупальца во все сферы общества и экономики.

Простой принцип выборной демократии позволяет государству осуществлять контроль над вооруженными силами. В странах, где выборная демократия является установленной нормой, военные власти могут извлекать выгоду как от развития партнерских связей, так и от политического давления на гражданское общество, но государство способно управлять армией и вынудить ее покинуть сферу экономики. Так произошло в КНР, где Коммунистическая партия приказала армии умерить свои финансовые аппетиты в сфере обслуживания. Однако такого контроля трудно добиться в полуавторитарных политических системах, где доминируют военные и где армия является ключевой силой, контролирующей государство и общество. Такое влияние военного комплекса

позволяет военным самим определять свои экономические интересы и использовать общественные ресурсы и ресурсы частного сектора для своих целей, что еще больше подогревает аппетит военных к власти. Пакистан был выбран для анализа как конкретный пример, демонстрирующий любопытную связь между политическим влиянием армии и ее экономическими интересами.

ВОЕНБИЗ В ПАКИСТАНЕ

Экономические интересы у вооруженных сил Пакистана оформились как результат политического влияния военного истеблишмента, что позволило им добиться полной автономии от всех гражданских структур управления. Многочисленные коммерческие начинания военного комплекса, предприятия либо непосредственно самими военными структурами, либо их дочерними предприятиями и отдельными представителями военного братства, отображают уровень влияния, который имеют вооруженные силы на гражданское общество и демократические институты. Однако важно отметить, что эти экономические интересы, с течением времени превратившиеся в целую экономическую империю, не были основой для внедрения военных в политический процесс.

С начала 1950-х гг. военные круги стали внедряться в сферу политики и государственного управления вследствие относительной слабости существовавших демократических институтов, но главным образом в связи с важностью вопроса *военной безопасности*, которая была ключевой для национальной безопасности страны вообще. С учетом угрозы со стороны Индии политическое руководство, не будучи способным самостоятельно обеспечить надежную оборону, уступило управление армией и национальной безопасностью военным. Государство пыталось использовать угрозу национальной безопасности для достижения национального согласия, но это лишь привело к тому, что армии стали уделять еще больше ресурсов и внимания. Кроме того, слишком большое внимание поддержанию обороноспособности в ущерб экономическому развитию страны усложнило отношения между центром и четырьмя федеративными округами Пакистана. И все же обеспечение военной безопасности рассматривалось как ключ для обеспечения внутренней и внешней безопасности страны. Политики, в большинстве своем выходцы из верхних слоев пакистанского общества, играли на вопросах национальной безопасности для укрепления собственного контроля над военными кругами и пытались использовать вооруженные силы в собственных политических интересах. Спорная природа политической власти предоставила вооруженным силам возможность формировать и институционализировать свои экономические интересы, оправдывая их необходимостью обеспечить *благополучие кадров*. Более того, обширные промышленные проекты, запущенные в 1950-х и 1960-х гг., преподносились как вклад военных в национальное развитие Пакистана.

Известный пакистанский журналист Халед Ахмед полагает, что экономические интересы военных в Пакистане – не что иное, как естественное следствие специфических националистических устремлений страны. Отвечая на вопрос, почему военные получают больше льгот и привилегий, он сказал: «Мы должны платить за то, во что мы верим. Наш национализм привел к парадоксу, при котором армии позволяет монополизировать ресурсы государства»². Стратегическая национальная система воззрений, в которой армии дается роль *спасителя* и которую сформировали военные круги для оправдания своей растущей роли в государстве, обществе и экономике, позволяет им осуществлять контроль над государством и пользоваться финансовыми и другими ресурсами так, как они посчитают нужным.

ВОЕНБИЗ И ВОЕННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Финансовая автономия вооруженных сил Пакистана базируется на их основной задаче – обеспечивать безопасность страны от внешних угроз. Однако под предлогом обеспечения стратегической национальной безопасности военные перенесли свои интересы на все аспекты государственных и общественных отношений и задали такую систе-

С материалами о Пакистане Вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Пакистан» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/pakistan>

му ценностей, которая помогает им защищать и оправдывать свои собственные интересы.

Такая позиция ясно просматривается в заявлении главного маршала авиации Танвира Мебмуда Ахинеда, сделанном в августе 2006 г. после начала очередной военной кампании Израиля в Ливане.

Тогда маршал Ахинед подчеркнул значимость вооруженных сил в обеспечении национальной безопасности:

«Премьер-министр Ливана вынужден был *расплакаться* перед камерами из-за низкой обороноспособности своей страны. Мы никогда не позволим такому случиться в Пакистане... Существующие государства жертвовали ресурсами для поддержания боеспособности своих вооруженных сил в мирное время. Эта жертва была необходима. Ее цель – обеспечить способность ответить на любую внешнюю угрозу в будущем»³.

Следует ли понимать это утверждение как отсутствие дипломатического такта маршала авиации или же как предупреждение тем, кто бросает вызов ситуации монопольного контроля военных над ресурсами государства? Военные обосновывают существование *военбиза* как часть косвенных или дополнительных расходов, которые берет на себя общество для обеспечения национальной безопасности. Различные коммерческие предприятия, созданные военными, и крупные приобретения земли в городах и сельской местности представляются как вложения для поддержания необходимого уровня тренировки и боеспособности вооруженных сил. Однако в заявлении маршала авиации можно увидеть и большее. По словам генерал-лейтенанта⁴ в отставке Талата Масуда, «это заявление нужно понимать как знак того, что если страна не может выжить без вооруженных сил или не способна противостоять индийской угрозе, ей придется смириться со всеми затратами, направленными на поддержание мощной обороны»⁵. Естественный вывод из такой интерпретации заключается в том, что вооруженные силы и стороны, заинтересованные, чтобы вопросы национальной безопасности были непременно сосредоточены вокруг Индии, не позволят оценивать национальную безопасность кроме как через призму внешней угрозы.

Это означает, что то, как Пакистан воспринимает себя и граничащие с ним регионы, все еще определяется ощущением угрозы со стороны Индии, что в свою очередь ярко демонстрирует преобладание интересов обороны над интересами экономического развития. Известный пакистанский историк Айеша Джалал называет это *состоянием военного положения*, в котором военные играют ведущую роль в определении приоритетности военных интересов страны над нуждами экономического развития.

В стратегическом смысле неравномерное распределение этих двух интересов влияет на профессионализм офицерского состава, что не дает ему изучить такое явление, как *революция в военном деле*. Реагирование на новые реалии заставило бы пересмотреть структуру вооруженных сил, произвести их сокращение и переосмыслить военную доктрину, чтобы достичь большей продуктивности и эффективности вооруженных сил. Слишком многое стоит на кону для военных кругов, чтобы они могли отказаться от своих официальных и неофициальных экономических интересов.

Нельзя отрицать воздействие *военбиза* и на сам характер вооруженных сил Пакистана. Годы участия высокопоставленных генералов в коммерческих проектах имели два последствия. Во-первых, военная элита превратилась в мощную группу капиталистов с возможностью использования финансовых и других ресурсов государства в своих интересах. Старший командный состав использовал авторитет военных кругов для укрепления своей финансовой и политической власти. Во-вторых, под влиянием этих экономических интересов, поддерживаемых государственной властью, вооруженные силы (как их действующий, так и резервный состав) слились в своеобразное братство, постепенно образовавшее независимый класс. Чтобы войти в этот класс, надо следовать четко определенным правилам. Кроме того, в Пакистане разработаны и институциали-

зированы высокоразвитые и вполне законные механизмы для защиты политических и экономических интересов этого класса.

Юридические и конституционные изменения, введенные режимом Зия-уль-Хака после второго военного переворота в июле 1977 г., должны были укрепить политическую власть армии и дать ей максимальную автономию, которая бы обеспечила ее власть над всеми политическими силами. Введение Статьи 58(2)(b) в Конституцию 1973 г. стало своего рода *прекращением огня*, направленным на защиту основных интересов военных кругов. Учреждение Совета национальной безопасности (СНБ) в апреле 2004 г. – ключевого органа принятия решений – стало кульминацией усилий по превращению вооруженных сил в независимый класс, который смог бы защищать собственные интересы и вести политические переговоры с другими заинтересованными сторонами. В члены СНБ входят четыре высокопоставленных генерала и девять гражданских лиц. СНБ может принимать любые стратегические решения, в том числе и о распределении государственных ресурсов.

Постепенное увеличение влияния вооруженных сил отразилось и на мировосприятии военных в Пакистане. Хотя старший командный состав и любит утверждать, что вооруженные силы не вовлечены в политику или экономику, факт остается фактом – политическое вмешательство военных кругов дало офицерскому составу ощущение того, что они находятся вне рамок контроля. Это восприятие с годами переняли и более низкие ступеньки кадров, и в результате льготы и привилегии стали считаться само собой разумеющимися. Распределение жилплощади и пахотной земли, а также другие удобства, такие как субсидированное электричество, вода и газ, предоставляемые военным, не воспринимаются пакистанскими военными как часть необходимых поощрений, которые гарантируют у них повышенное чувство долга. Здесь стоит привести историю одного военно-морского офицера среднего звена, поблагодарившего начальство за то, что ему предоставили дом по случаю его досрочного выхода на пенсию. Начальник ответил ему, что благодарность излишня, так как такой подарок полагается ему как военно-морскому офицеру⁶.

Что касается вопроса профессионализма в вооруженных силах, то *военбиз* работает как *палка о двух концах*. Финансовые и другие льготы увеличили соперничество в вооруженных силах, особенно в младшем и среднем звеньях. Офицерский состав этих уровней хорошо понимает, что наибольший куш их ждет в случае хорошего проявления себя и продвижения по карьерной лестнице. Большие возможности приоткрываются, как только офицер достигает звания бригадного генерала, и открываются полностью с достижением звания генерал-майора. Однако соперничество не всегда идет по правилам. В системе вооруженных сил, которой полностью управляют верхние эшелоны, желания начальников служб и старшего командного состава имеют чрезвычайную важность. В такой обстановке профессионализм зависит не только от сообразительности человека, но и от его способности угодить старшим по званию. Это увеличивает риск принятия сомнительных решений и в общем и целом вредит профессиональному духу. По словам капитана в отставке Ирфана Шехриара:

«Майоры, полковники и офицеры более низкого звания гораздо больше заинтересованы в приобретении профессионализма и повышении квалификации. Пока они не женаты, давление на них не столь высоко. Но стоим им жениться, реальность настаивает их. Более того, при взаимодействии с внешним миром у них открываются глаза, и они начинают осознавать, какая их может ждать выгода. Наибольшей опасности подвержены командный состав и офицеры старшего командного состава. Они вращаются в кругах высшего командования и видят, какие преимущества могут их ждать. Генералы с двумя звездами и те, кто старше их по званию, *пробуют власть на вкус*, ведь они уже принадлежат к властной элите, имеющей доступ к еще более высоким привилегиям»⁷.

Это не значит, что в пакистанской армии профессионализм уничтожен полностью. Все еще есть офицеры, строго соблюдающие свои профессиональные обязанности. Таких офицеров не отрывают от службы даже для работы в организациях государственного сектора. Их количество, однако, неизвестно. Более того, самую высокую экономическую выгоду получают именно офицеры старшего звена, которые обычно отвечают за руководство всем оборонным сектором и страной в целом. Некоторые представители высшего командного состава предположительно использовали свое влияние в целях

коррупции. Например, генерал-лейтенант в отставке Захид Али Акбар обвиняется Национальным агентством отчетности в коррупции во время своего пребывания на посту председателя Национального агентства по воде и электричеству с 1987 по 1992 г. Хотя степень его коррупционной деятельности неизвестна, его обвиняют в переводе 32,4 млн пакистанских рупий (560 тыс. долл. США) на иностранные счета с 1993 до 1998 г.⁸ Офицер военно-морского флота Мансур-уль-Хак обвинялся в получении взятки по делу о покупке французских подводных лодок *Agosta*. Эти две истории – лишь верхушка айсберга. Многие так и остаются неизвестными из-за недостаточной прозрачности оборонного сектора.

Кроме того, система льгот и привилегий, являясь частью *военбиза*, позволяет военному руководству заручиться поддержкой офицерского состава, особенно в случаях противодействия гражданским властям. Офицеры, в особенности бригадные генералы и выше, обычно выполняют требования начальства из опасения потерять финансовые преимущества и, возможно, даже работу. Говоря о влиянии *военбиза* на укрепление армейской дисциплины, эксперт по вопросам обороны и бизнесмен Икрам Шегал считает, что «продвижение по службе до звания генерал-майора является важным карьерным скачком, который к тому же отражается на финансовом благополучии, и офицер, у которого есть неплохой шанс на повышение, не захочет испортить себе будущее»⁹. Хотя устанавливаемая таким образом дисциплина отвечает интересам военного руководства, она способствует усилению дисбаланса между политическими силами, фрагментированным гражданским обществом и вооруженными силами, которые становятся гораздо сплоченнее и сильнее, чем другие заинтересованные стороны.

В стратегическом смысле политическая и финансовая автономия вооруженных сил отрицательно отражается на их профессионализме. Абсолютная власть военных, еще более усиливаемая их финансовой автономией, подрывает систему финансовой отчетности у военных. Хотя военные и настаивают на наличии строгих механизмов отчетности, такие утверждения противоречат общей политико-административной системе Пакистана, которая не контролирует ни действия военных, ни их расходы. Старший командный состав отрицает любое влияние коммерческих операций на свою работу. К примеру, бывший начальник штаба пакистанской армии, генерал-лейтенант в отставке Фаррух Хан считал, что «существование военных фондов не влияет на наш профессионализм. Как начальник штаба, я никогда не ходил на встречи *Фауджи фаундейшн* или *Армейского благотворительного траста*^{10,11}.

И все же суть проблемы кроется в конфликте интересов, отражающемся на профессионализме военных. По словам отставного подполковника, рассуждающего о доле пакистанских вооруженных сил в недвижимости страны, «военные становятся агентами по недвижимости и за ночь превращаются в миллионеров. В результате происходят скандалы, которые наносят значительный вред вооруженным силам»¹².

ПОЛИТИКА ПАКИСТАНА

Самое серьезное последствие причастности военных к коммерческим предприятиям тесно связано с их восприятием системы политического контроля в государстве. Финансовая автономия вооруженных сил обуславливает заинтересованность офицерского состава в сохранении политического контроля над государством. Так как политическое руководство вынашивает надежды на крупные финансовые прибыли, военные круги считают выгодным сохранять такое положение дел. В этом смысле экономические и политические интересы тесно связаны своеобразным круговоротом: политическая власть гарантирует экономическую прибыль, которая, в свою очередь, побуждает военных оставаться у власти, чтобы сохранить свое влияние и продолжать играть важную роль в управлении.

В первые годы после получения страной независимости финансовые интересы армии ограничивались получением средств из национального бюджета, положенных ей как часть ежегодных расходов на оборону. Можно также утверждать, что приоритеты национальной безопасности и задача вооруженных сил обеспечить безопасность государст-

ва и его идеологии помогли военным подготовить площадку для первоначального внедрения в экономику и политику страны. Предыдущие правительства щедро выделяли средства на вооруженные силы, не прибегая к надлежащему контролю над ними. Военные видели себя защитниками и благодетелями, способными обеспечить больший контроль над государством и его ресурсами. Со временем военные все больше внедрялись во все главные области экономики и общества.

Каждый военный режим создавал для себя все больше возможностей для извлечения выгоды за счет государства. Используя образ защитника государства и единственного компетентного органа власти в стране, вооруженные силы искали новые способы и возможности для получения прибыли. Со времени последнего военного переворота в октябре 1999 г. новый режим трудоустроил больше действующих и ушедших в отставку военных в правительстве, коммерческих корпорациях и других организациях, чем за любой другой период в истории Пакистана. Кроме того, различные компании военного комплекса продолжают получать крупные контракты, и все большие возможности предоставляются филиалам, управляемым военными, а также отдельным представителям военных кругов.

Генерал-лейтенант Асад Дуррани объяснил увеличение численности военных в руководящих органах как естественное явление, связанное с желанием руководства вооруженных сил заполнить рабочие места людьми, которым оно доверяет. Так как новый военный режим, захватив власть, был намерен продемонстрировать большую компетентность по сравнению с гражданским правительством, Первез Мушарраф был склонен брать на работу людей, которым он доверял больше всего. Однако этот подход еще больше ослабил гражданские учреждения и создал в системе государственного управления структуру привилегий, приносящую наибольшую выгоду личному составу вооруженных сил. Фактически финансовые интересы позволили военным кругам превратиться в независимый класс, который защищает как свои собственные интересы, так и интересы своих клиентов из других господствующих классов и который институционализировал свой контроль над государством. Поэтому если армия уйдет из политики, ей это обойдется недешево.

В этих обстоятельствах военным практически невозможно полностью уйти с политической сцены и позволить эффективно работать демократическим институтам. В то же время высший генералитет отрицает любую связь между своей политической и финансовой автономией и утверждением, что захват власти в Пакистане был вызван экономическими интересами. Напротив, они настаивают, что это произошло в результате неспособности гражданских учреждений и политического руководства. Поэтому, говорят они, демократия в стране невозможна из-за некомпетентности политических лидеров.

Как сказал генерал-лейтенант в отставке Сайед Мохаммад Амджад: «Я задал себе вопрос: действительно ли мы готовы к демократии? Действительно ли мусульманский мир готов к демократии?»¹³ Пессимизм генерала по поводу политической ситуации в стране не учитывает проблемную структуру социальной политики Пакистана. Возможно, такая структура только и может произвести на свет руководство, неспособное вернуть армию в казармы. Указывая на недостатки политической системы Пакистана, С.М. Амджад не принял во внимание тот факт, что вооруженные силы являются главным действующим лицом полуавторитарной системы, в которой доминирующие классы заняты погоней за собственной выгодой. Проблема, таким образом, состоит не в том, что военные лучше, чем гражданское руководство, исполняют государственные задачи, а в том, что все господствующие классы привносят свой вклад в создание *хищнического политического цикла*.

Это создает ситуацию, в которой как военное, так и гражданское руководство укрепляет авторитарный режим в собственных интересах. Последовательные политические режимы укрепляли позиции армии в целях увеличения собственного политического влияния. Военные режимы в этом смысле, к сожалению, ничем не отличаются от любых других. Старший офицерский состав склонен к фаворитизму и к продвижению тех партий и фракций, которые выступают за усиление влияния военных. Кроме того, военачальни-

ки стремятся монополизировать ресурсы точно так же, как и политические деятели. Единственное различие между ними, как подчеркнул редактор газеты *Daily Times* Наджам Сэти, – это то, что «военные обходят одни правила и создают свои собственные так, чтобы никто не мог назвать это коррупцией»¹⁴.

Движущей силой здесь являются не лояльность или идеология, а корыстные интересы. Поэтому заставить военные круги забыть о политике или укрепить демократические институты невозможно, даже если некоторые представители военной элиты и обещают эти институты поддержать.

Чтобы еще раз показать значимость *военбиза*, следует отметить, что сеть коммерческих предприятий, созданных военными для извлечения прибыли, также способствует развитию этого *хищнического цикла*. Эта прибыль получена за счет эксплуатации ресурсов государства совместно с гражданскими партнерами военного комплекса. Эти люди имеют интересы в авторитарной системе, которая приносит им большие финансовые выгоды. Гражданские партнеры военных выступают пособниками и подстрекают эксплуатацию общественных и частных ресурсов для извлечения собственной выгоды. Такое отношение отрицательно влияет на политическое будущее страны.

Оно способствует созданию пропасти между центром и федеративными единицами, а также различными этническими группами, которые остаются разделенными из-за предвзятой политики государства, находящегося под властью военных и авторитарных политических сил.

На сегодняшний день гегемония военных в Пакистане – реальность. Важно отметить, что у нее три измерения: военные проникли в общество, политику и экономику страны. Они также захватили и интеллектуальный дискурс вместе с восприятием людей, назначив своих ставленников на ответственные должности и *уговорив* остальных следовать классической реалистической парадигме при анализе внутренних или внешних проблем. В отличие от предыдущих военных диктатур, военное правительство Первеза Мушаррафа намного более эффективно управляет гражданскими институтами при минимальном ущербе для собственного имиджа. Его искусный контроль над СМИ основан на системе поощрений и выборочного наказания – инструментов, используемых и в гражданских обществах. Кроме того, идея обеспечения национальной безопасности была преподнесена настолько эффективно, что едва ли найдется хоть один убедительный элемент в стране, который мог бы бросить вызов основам существования армии или ее контроля над государством и обществом.

В 2006 г. лидеры двух видных оппозиционных партий – Беназир Бхутто и Наваз Шариф – заявили о подписании Демократической хартии. Однако их совместный план протеста против доминирующего положения военных во власти не представил никакого четко определенного проекта, который бы заставил военные круги уйти из политики. Демократическая хартия подчеркнула важность конфликта в Кашмире – проблемы, которая надолго должна обеспечить неприкосновенность позиций военных кругов в Пакистане. Как следствие, протест Беназир Бхутто и Наваза Шарифа больше напоминает протест против одного-единственного человека – П. Мушаррафа, чем решение полностью убрать армию с политической арены. Так что губернатор Пенджаба, генерал-лейтенант в отставке Халед Макбул прав, когда говорит: «Я не думаю, что хоть одно правительство захочет ослабить вооруженные силы. Армии никогда не будут угрожать»¹⁵.

Следовательно, политические условия вряд ли изменятся, если только демократические силы не уладят свои внутренние споры и не положат конец разногласиям, фрагментирующим гражданское общество и политические силы. Необходимо также обновить структуру политических партий с главным акцентом на демократизацию всей политической системы Пакистана. Если политики продолжат линию авторитарного курса, то это едва ли поможет им противостоять военным.

Нельзя исключить вариант, при котором произойдет полное изменение *статус-кво*. Это может случиться, если у внешних сил, прежде всего союзника Пакистана Соединенных Штатов, от которого Исламабад зависит стратегически, возникнет в этом особый интерес. Моральная и политическая поддержка Соединенных Штатов, нацеленная на укреп-

ление общественных сил в Пакистане, могла бы помочь вытеснить армию из политики. Но даже в этом случае укрепление позиций внутренних политических сил – практически необходимое условие. Союзники Пакистана должны понять, что поверхностные шаги, такие как проведение выборов, в то время как демократические институты находятся под контролем, а перед выборами используются незаконные методы влияния на избирателей, едва ли помогут укрепить демократию в Пакистане.

Авторитарную систему, в которой армия занимает доминирующее положение, вряд ли можно назвать панацеей от политических проблем Пакистана. Она также не способствует долгосрочным интересам стратегических союзников страны. Политически сильный Пакистан одновременно будет и стабильным Пакистаном. Он станет государством, которое не несет угрозы ни странам Южной Азии, ни миру в целом. Стоит признать, что *военбиз* и финансовая автономия вооруженных сил препятствуют развитию демократии в стране. Это подтверждается примерами Турции и Индонезии. В случае Турции вооруженные силы заняли нишу в экономике и политике страны. Международный капитал также, судя по всему, вносит свой вклад в финансовую империю военных. Однако такое сотрудничество усиливает вооруженные силы, что в конечном счете работает против укрепления демократии в Турции. Следует отметить, что недостаточная демократизация Турции является одним из препятствий для ее входа в ЕС.

РОЛЬ ВОЕНБИЗА В БУДУЩЕМ

Хотя сложно оценить размер внутренней экономики вооруженных сил, не менее сложно подсчитать и альтернативные издержки *военбиза*. И все же для тех читателей, которых может заинтересовать более подробное рассмотрение этого вопроса, уместно завершить данное исследование новой гипотезой. Полезно рассмотреть связь между *военбизом*, превращением военных в независимый класс и часть господствующей элиты в стране и всплеском религиозного экстремизма в этих странах.

Всплеск религиозного экстремизма – фактор, объединяющий Пакистан, Индонезию и Турцию. Трансформация военных в отдельный класс и в часть господствующей элиты закрывает для них возможность играть роль арбитра, от которого общество ждет обеспечения необходимого социального и политического баланса. Такая эволюция вооруженных сил уменьшает количество доступных для широкой публики вариантов, которая в таком случае обращается к альтернативным идеологиям. Интересное совпадение заключается в том, что в отсутствие любой другой политической идеологии после окончания холодной войны религия или религиозная идеология стали главной альтернативой, которую, похоже, открыли для себя люди в этих странах в поисках справедливости и лучшего управления.

В Пакистане вооруженные силы сыграли ключевую роль в разжигании религиозных настроений, не всегда осознавая, насколько сильным конкурентом может стать религиозная идеология. Более того, военные выступали в поддержку различных вооруженных формирований в интересах национальной безопасности и даже сами создавали их. Религиозные партии, вооруженные группировки и армия тесно связаны в процессе взаимного укрепления силы. Самую большую выгоду, однако, извлекают правые религиозные силы, которые, похоже, завладели воображением простых людей. Рост религиозного консерватизма и привлекательности правых религиозных сил для простых людей также способствует увеличению значимости армии как возможного инструмента для укрепления социополитической системы в стране и мире, альтернативной фундаменталистской.

Хотя пакистанские генералы и утверждают, что хотят обуздать религиозный экстремизм и усмирить воинственные настроения в стране, опубликованные доклады указывают на совсем другую ситуацию. Отчет, появившийся в англоязычном журнале *Herald*, подробно разоблачает двойное отношение правительства к боевикам¹⁶. Такие сообщения ставят под сомнение эффективность политики США и других западных стран, занимающихся вопросами военного или демократического режима в Пакистане, а также других государств, являющихся партнерами Вашингтона в *войне с террором*.

Вооруженные силы Пакистана, Турции и Индонезии систематически использовали религию для усиления контроля над обществом. Укрепление религиозных сил способствовало увеличению контроля вооруженных сил над правительством и обществом. Непременно ли существует связь между становлением военных как класса и всплеском религиозного экстремизма? Какой вклад вносит *военбиз* в видоизменение социальных отношений в обществе? Должен ли всплеск религиозного экстремизма и ксенофобии быть расценен как одно из последствий существования *военбиза*? Вот лишь несколько из важнейших вопросов, на которые следует ответить читателям и специалистам, которые будут заниматься этим вопросом в будущем.

Примечания

¹ В основу данной статьи положены фрагменты из книги Siddiqa Ayesha. *Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy*, которые мы публикуем с любезного разрешения автора. Рецензия на данную книгу была опубликована в предыдущем номере нашего журнала (Евстафьев Геннадий. ООО «Вооруженные Силы». *Индекс Безопасности*. 2007. № 3. С. 179–184). Перевод – ПИР-Центра, 2008 ©.

² Интервью автора с Халедом Ахмедом, Лахор, 17 августа 2004 г.

³ Air Chief meets governor. *Dawn*, 2006, August 9.

⁴ В Пакистане существует отличная система воинских званий высшего командного состава: бригадный генерал – одна звезда, генерал-майор – две звезды, генерал-лейтенант – три звезды.

⁵ Беседа автора с генерал-лейтенантом Талатом Масудом, Исламабад, 9 августа 2006 г.

⁶ История, рассказанная капитаном в отставке Ирфаном Шехрияром, Исламабад, февраль 2004 г.

⁷ Интервью с капитаном в отставке Ирфаном Шехрияром, Исламабад, 6 ноября 2003 г.

⁸ National Accountability Bureau files a corruption reference against Lt Gen (ret.) Zahid Ali Akbar, former Chairman WAPDA. National Accountability Bureau. 2006, July 31. <http://www.nab.gov.pk/PRESS/NEW.ASP?389> (последнее посещение – 14 января 2008 г.).

⁹ Интервью автора с Икрамом Шегалом, Карачи, 2 августа 2004 г.

¹⁰ Коммерческие компании, находящиеся под контролем военных.

¹¹ Интервью автора с генерал-лейтенантом в отставке Фаррухом Ханом, Равалпинди, 12 октября 2003 г.

¹² Подполковник в отставке Махмуд Л. Малик, «Scheming away», письмо редактору. *Newsline*. 2006. Vol. 19, No. 2, August 2. P. 15.

¹³ Интервью автора с Сайедом Мохаммадом Амджадом, Равалпинди, 12 октября 2003 г.

¹⁴ Интервью автора с Нажамом Сэти, Лахор, 17 августа 2004 г.

¹⁵ Интервью автора с генерал-лейтенантом в отставке Халедом Макбулом, Лахор, 22 марта 2004 г.

¹⁶ Zulfikar Sh. *Changing Loyalties*. *Herald*. 2006. Vol. 37, No. 8, August. P. 46–47.

ПРОГРАММА СТАЖИРОВОК ПИР-ЦЕНТРА ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ И СТРАН СНГ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансий стажера на период с **19 мая по 29 августа 2008 г.** и с **22 августа по 26 декабря 2008 г.**

ПИР-Центр активно привлекает молодых талантливых специалистов из высших учебных заведений и исследовательских организаций России и других стран СНГ для реализации научного потенциала в рамках программы стажировок.

Ключевыми составляющими стажировки являются:

- подготовка научного доклада по одной из актуальных проблем международной безопасности;
- проведение встреч и интервью с научными сотрудниками и советниками ПИР-Центра, правительственными экспертами, представителями российских академических кругов по теме научной работы стажера;
- участие молодых специалистов в лекционных курсах, семинарах, конференциях, организуемых ПИР-Центром и другими ведущими московскими научно-исследовательскими организациями;
- информационно-аналитическая работа в рамках одного из действующих научных проектов.

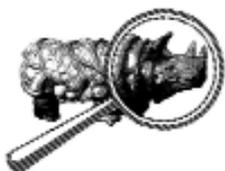
Наиболее яркие и актуальные работы молодых специалистов находят отражение на страницах периодического издания ПИР-Центра *Индекс Безопасности*.

ПИР-Центр обеспечивает стажера компьютеризированным рабочим местом, постоянным доступом к интернету и информационным ресурсам ПИР-Центра, средствами на проезд от места проживания в Москву и обратно, ежемесячной стипендией.

Заявки на участие в конкурсе следует направлять на имя исполнительного директора ПИР-Центра **Антон Викторович Жлопка по факсу: +7 (495) 234-9558** или по электронной почте: zulkharneev@pircenter.org

*По всем вопросам, связанным с программой стажировок, следует обращаться к координатору образовательных проектов Альберту **Зульхарнееву** по тел.: +7 (495) 234-0525 или по электронной почте zulkharneev@pircenter.org*

В 2002–2007 гг. в ПИР-Центре прошли стажировку аспиранты и студенты Алтайского государственного университета, Волгоградского государственного университета, Воронежского государственного университета, Дальневосточного государственного технического университета, Нижегородского государственного университета, Новосибирского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Томского государственного университета, Тюменского государственного университета, Уральского государственного университета и др.

Никита Перфильев¹

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Энергетика является категорией геополитики. В первую очередь это относится к нефтегазовой сфере. По оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), до 2030 г. органическое топливо останется главным источником для производства энергии, и хотя доля нефти сократится, она сохранит свои лидирующие позиции в мировом энергетическом балансе.

Беглого взгляда на мировую карту энергетических ресурсов достаточно, чтобы оценить всю неравномерность их распределения. По данным доклада МЭА о состоянии энергетики в мире за 2004 г., основные разведанные запасы нефти находятся на Ближнем Востоке и составляют 55–65% от общемировых². В то же время основными потребителями нефтегазовых ресурсов являются развитые страны. На одни только Соединенные Штаты приходится 24,6%³ потребляемой в мире нефти. При этом в нефтяном балансе США в 2006 г. 60,2%⁴ пришлось на импорт. Доля нефтяной зависимости для стран ЕС-25 еще более высока: в 2006 г. она составила около 80%⁵. Очевидно, что развитые страны не могут самостоятельно обеспечить себя необходимыми ресурсами.

В этом смысле в уникальном положении находится Россия. По самым скромным оценкам, доказанные нефтяные запасы страны составляют 74,4 млрд баррелей⁶, или 6,2% мировых запасов, что ставит Россию на седьмое место в мире⁷. Россия полностью обеспечивает себя, а также является вторым после Саудовской Аравии экспортером. В 2006 г. за рубеж было отправлено 48% всей добытой нефти⁸, однако в 2007 г., несмотря на рост добычи на 2,3%, экспорт сократился на 0,5%⁹.

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Понимание значимости энергетического фактора нашло отражение в Энергетической стратегии России на период до 2020 г. Стратегия констатирует, что «роль страны на мировых энергетических рынках во многом определяет ее геополитическое влияние»¹⁰. По идее авторов документа, топливно-энергетический комплекс (ТЭК) должен выступить в роли локомотива, который потянет за собой остальные отрасли промышленности и станет основой для модернизации страны.

Ключевое направление экспорта углеводородов из России – это ЕС, так как российские экспортные нефте- и газопроводы ориентированы на европейского потребителя. Подобная структура логистики, доставшаяся в наследство от Советского Союза, значительно ограничивает спектр экспортных возможностей. Отсутствие мобильности приводит к тому, что Россия чрезмерно зависит от экспорта углеводородов в Европу. На данный момент 86% российского экспорта нефти и 92% газа приходится на страны Европы¹¹.

МЭА в долгосрочном плане прогнозирует незначительный рост потребности Европы в нефти. Согласно оценкам, до 2030 г. ожидается среднегодовой прирост в 0,5%, для

А
Н
А
Л
И
З

газа показатель несколько выше и составляет 1,8%¹², поэтому рынок стран Европы для увеличения российского экспорта иногда оценивается скептически¹³. Однако стоит отметить, что, учитывая падение уровня добычи в европейских странах, импортные потребности могут показать значительный рост.

С другой стороны, в Брюсселе осознают значительную зависимость от поставок из России: 28 и 40% нефти и газа соответственно¹⁴. В свете разногласий в вопросе о транзите с Украиной в январе 2006 г. и Белоруссией в январе 2007 г. Европа усилила попытки диверсифицировать свои источники импорта и снизить зависимость от России.

Энергетическая стратегия России, в свою очередь, также предусматривает диверсификацию экспортных рынков. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) и Южная Азия названы в качестве основных направлений. Эти регионы демонстрируют самые высокие темпы роста на протяжении последних десятилетий, что ведет к трансформации структуры мирового спроса на нефть. Китай, Япония, Южная Корея и Индия указаны в качестве наиболее перспективных стран. Кроме того, Стратегия предусматривает, что «доля стран Азиатско-Тихоокеанского региона в экспорте российской нефти возрастет с 3% в настоящее время до 30% в 2020 г., а природного газа – до 15%»¹⁵. Наиболее привлекательным партнером здесь является Китай.

ЗНАЧИМОСТЬ КИТАЯ

Для устойчивого развития Поднебесной, как и любой стране, необходимы ресурсы. Рост ВВП находится в тесной зависимости от потребления энергоресурсов, поэтому основной стратегической целью китайского правительства является установление прочных внешнеторговых отношений со странами, которые могут обеспечить Китай углеводородами.

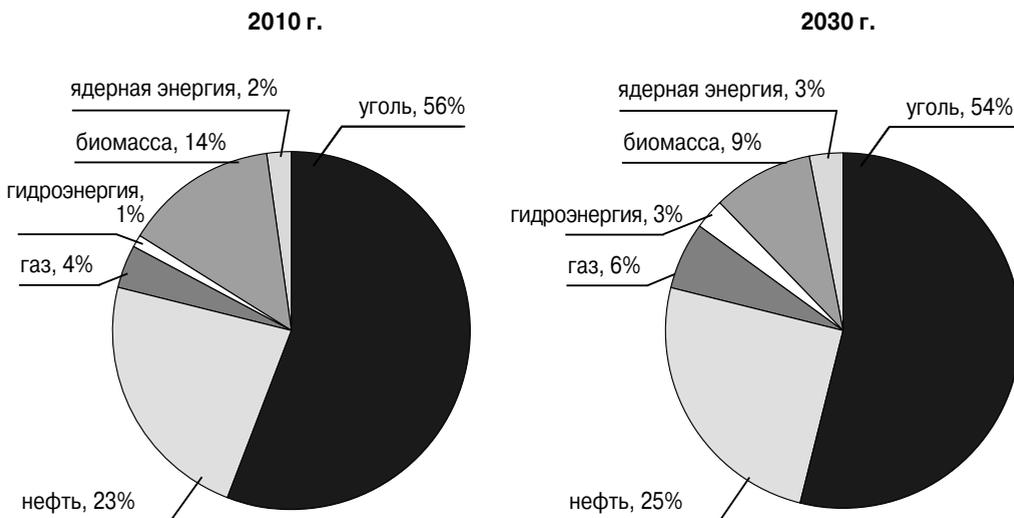
Для Китая 1993 г. стал переходным с точки зрения энергетической политики. Именно в этот год КНР из нетто-экспортера нефти превратилась в ее нетто-импортера¹⁶. Потребление нефти в стране за последние 40 лет увеличилось более чем в 25 раз и составляет 8,55% мирового¹⁷. В 2003 г. Китай обеспечил 18% роста мирового спроса на нефть и стал вторым после США потребителем энергии, обогнав Японию. И если в 2003 г. потребность Китая в нефти составила чуть больше 6 млн баррелей в день, то в 2006 г. показатель достиг почти 7 млн. В 2007 г. рост составил 5,2%¹⁸.

Собственных ресурсов Китаю не хватает. И хотя руководством постоянно отмечается, что страна почти полностью обеспечивает себя и импортирует лишь 6% от необходимого объема, для нефти показатели значительно больше названного значения¹⁹. Так, если в 1998 г. зависимость Китая составила 23%, в 2003 г. – 37%, то сейчас более половины потребностей в нефти покрывается за счет импорта²⁰. В 2006 г. Китай импортировал 138,84 млн т нефти – на 16,9% больше, чем в 2005 г.²¹. По долгосрочным прогнозам МЭА, в 2030 г. Китай будет потреблять 13,3 млн баррелей ежедневно, из них придется импортировать порядка 10 млн. Таким образом, зависимость возрастет до 74%²².

Между тем в настоящее время доминирующим элементом в энергобалансе КНР является уголь. И хотя, по прогнозам, его доля будет снижаться, а доля нефти и газа возрастать, он все равно сохранит лидирующие позиции (см. *График 1*).

Так как Китай является крупнейшим в мире производителем угля, то энергетическая безопасность для Китая – это, в первую очередь, нефтяная безопасность. Надежные и безопасные поставки нефти – неперемнное условие энергетической безопасности страны, что в свою очередь должно обеспечить общую безопасность государства. Для реализации этого положения в качестве одной из мер Китай инициировал строительство государственной базы стратегических запасов нефти. 29 января 2007 г. в эксплуатацию была введена первая такая база, расположенная в г. Нинбо в провинции Чжэцзян. Как отмечают аналитики, скорейшее создание режима стратегических запасов нефти является необходимой мерой по обеспечению страны нефтью на случай возможных перебоев в снабжении²⁴.

График 1. Прогноз энергобаланса Китая в 2010 и 2030 гг.²³

Источник: IEA, World Energy Outlook 2004

Сейчас более половины китайского импорта нефти приходится на Ближний и Средний Восток: Саудовская Аравия, Оман и Иран. Судан, Ангола и Венесуэла также поставляют значительный объем нефти. По прогнозам, такая зависимость может возрасти до 80% к 2020 г. Для того чтобы диверсифицировать источники импорта, китайские национальные нефтяные компании инвестируют в поиск и разработку месторождений в России, Центральной Азии, Индонезии, Африке и Латинской Америке²⁵.

Большинством экспертов как в Китае, так и за его пределами признается, что Россия может стать наиболее перспективным партнером. В пользу этого говорят два аргумента:

- Взаимодополняемость интересов России и Китая. Россия должна развивать свой Дальний Восток, и именно развитие энергетики, по замыслу авторов Энергетической стратегии, должно обеспечить это. В свою очередь, Китай должен диверсифицировать поставки нефти, так как большая часть нынешних поставок идет из самого беспокойного региона в мире.
- Россия и Китай граничат друг с другом, однако потенциал энергетического сотрудничества, который мог бы обеспечить дешевизну поставок нефти и газа, до сих пор не был реализован. На данный момент поставки нефти в Китай из России осуществляются по железной дороге²⁶.

Важнейшей мерой обеспечения энергетической нефтяной безопасности считаются политика экономической экспансии Китая, участие китайского капитала в поисках, разведке, разработке нефтяных месторождений мира. Здесь также определяются основные географические приоритеты, и первое место снова занимает постсоветское пространство: Россия и Центральная Азия²⁷.

РОССИЯ И КИТАЙ

После нормализации отношений в 1989 г. российско-китайское взаимодействие развивается по нарастающей как в военно-стратегической и политической сферах, так и в области торгово-экономического сотрудничества. По итогам 2007 г. объем торговли между Россией и Китаем превысил 48 млрд долл., в результате чего Россия вышла на седьмое место среди внешнеторговых партнеров Китая²⁸. Темпы роста российско-

китайской торговли превысили показатели развития внешней торговли КНР в целом, однако основное место в российских поставках в Китай занимают сырьевые товары. Россия занимает пятое место среди основных экспортеров нефти в Китай, уступая только Анголе, Саудовской Аравии, Ирану и Оману и поставляя около 8% импортируемых ресурсов.

Сотрудничество в области энергетики является важнейшей составляющей торгово-экономических отношений двух стран. В интервью китайской газете *Женьминь Жибао* министр экономического развития и торговли Г.О. Греф отметил, что для увеличения экспорта нефти в Китай российской стороне необходимо эффективнее осваивать нефтяные ресурсы Восточной Сибири и Дальнего Востока, расширяя при этом каналы экспорта нефти²⁹.

В данном контексте развитие сотрудничества с Китаем по линии энергетики выполняет инструментальную роль. Программа освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока – прямой путь к подъему экономики этого региона. Инфраструктура в данном случае становится средством промышленного развития, давая толчок к освоению месторождений. Развитие газовой и нефтяной промышленности региона предполагает не только традиционное использование углеводородов в качестве топлива, но и создание новой базы выпуска продукции нефте- и газопереработки, нефтехимии. Развитие энергетической инфраструктуры, таким образом, призвано обеспечить одновременно и выход России на топливно-энергетический рынок АТР, и региональное развитие Сибири и Дальнего Востока³⁰.

Сотрудничество с Китаем выглядит довольно перспективным. Однако реальное развитие в этом направлении началось относительно недавно, так как вплоть до визита В.В. Путина в Китай в марте 2006 г. оставались серьезные возражения о целесообразности такого сотрудничества.

Изначально за активизацию энергетического сотрудничества выступал *ЮКОС*. Именно эта компания лоббировала строительство нефтепровода Ангарск – Дацин. Генеральное соглашение о разработке технико-экономического обоснования (ТЭО) этого проекта было подписано еще 8 сентября 2001 г. в Санкт-Петербурге в присутствии премьер-министров двух стран. Однако в качестве приоритетного проекта был назван нефтепровод Ангарск – Находка: попытки Китая направить нефтепровод исключительно на себя не увенчались успехом³¹. Свою роль здесь сыграло уголовное дело, возбужденное против владельцев *ЮКОСа*, а также заявления Японии о готовности финансировать строительство нефтепровода до тихоокеанского побережья.

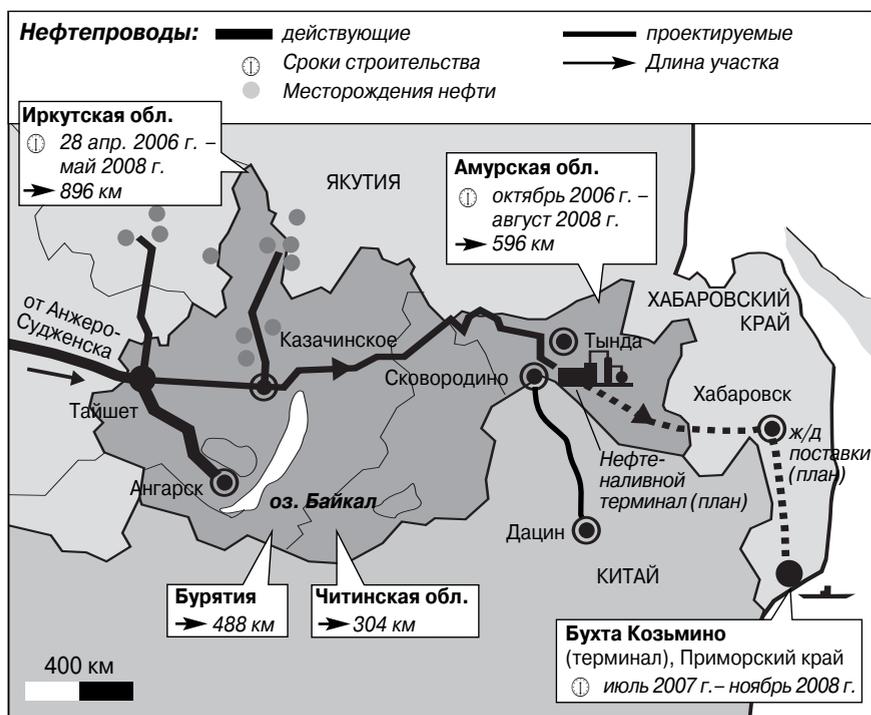
Длительная эпопея с участием нефтяного лобби, правительства и экологов по определению исходного и конечного пункта будущего нефтепровода была закончена в 2004 г., когда *Транснефть* представила проект строительства нефтепровода по направлению Тайшет (Иркутская область) – бухта Перевозная (Приморье). Чуть позднее по экономическим и экологическим причинам трубопровод был удлинён на 50 км до бухты Козьмино (Приморье).

Постановление о проектировании и строительстве нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) 31 декабря 2004 г. подписал председатель правительства РФ М.Е. Фрадков. Программа рассчитана на 2005–2020 гг. *Транснефть* выступает заказчиком проекта строительства нефтепровода ВСТО. Нефтяная магистраль будет проходить по территории Иркутской, Амурской и Читинской областей, а также Еврейской автономной области, Бурятии, Хабаровского края и Приморья (см. *Карту 1*). Инвестиционные затраты на реализацию всей программы строительства нефтепровода ВСТО, по расчетам, должны составить 16 млрд долл.³³

Для реализации проекта магистральных нефтепроводов ВСТО на 2005–2020 гг. предусматривается строительство 4386 км линейной части диаметром 1020 мм и резервуарного парка объемом 4250 тыс. м³. Обозначено четыре этапа реализации проекта с организацией комбинированной трубопроводно-железнодорожной перевозки. На заключительном этапе запланированная транспортировка нефти составит 80 млн т в год³⁴. В настоящее время строительные-монтажные работы ведутся на участках Тайшет – Усть-Кут,

Тында – Сковородино и Усть-Кут – Талаканское месторождение. Завершение первого этапа запланировано на второе полугодие 2008 г.³⁵ Хотя в конце 2007 г. появилась информация о возможном переносе сроков строительства, решение по этому вопросу было отложено на I квартал 2008 г.

Карта 1. Схема проекта нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан³²

Строительство нефтепровода до тихоокеанского побережья приведет к тому, что Россия сможет поставлять нефть в страны АТР. При этом Китаю уделяется значительное внимание: из запланированных 80 млн т 30 млн т может пойти в Китай. Для реализации этих планов ведется строительство ответвления от ВСТО на Китай в районе Сковородино. Ожидается, что строительство ответвления до Дацина будет завершено в 2008 г. Начало транспортировки нефти в китайском направлении намечено на 2009 г.³⁶ Соглашение о строительстве ответвления от между *Транснефтью* и *Китайской национальной нефтяной компании (CNPC)* предусматривает, что сооружение нефтепровода от Сковородино до Дацина стоимостью порядка 436 млн долл. финансируется китайской стороной. Протяженность ответвления на Китай составит 1030 км, мощность первой очереди – 15 млн т³⁷.

Ситуация вокруг строительства этого ответвления весьма симптоматична для российско-китайского энергетического сотрудничества: хотя необходимость в его налаживании была признана достаточно давно, сама практическая реализация шла достаточно медленно. Медленное продвижение объясняется несколькими причинами. Дело здесь не только в опасениях, что строительство трубы на Китай может значительно ограничить экспортные возможности России и привести к диктату на цены со стороны монополиста-потребителя. Япония открыто предлагает не строить ветку на Китай, а направить всю нефть на Тихий океан³⁸.

Еще одно возражение поступает от *Российских железных дорог (РЖД)*. Все поставки российской нефти в Китай сейчас осуществляются по железной дороге. В 2003 г. в Китай и порты Дальнего Востока было перевезено 3,5 млн т нефти. В 2004 г. – 6,4 млн т. В октябре 2004 г. между Россией и Китаем в соответствии с планом действий по реали-

зации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве РФ и КНР на 2005–2008 гг.³⁹ были достигнуты договоренности о доведении объема поставок нефти в 2005 г. до 10 млн т, а в 2006 г. – до 15 млн т. Однако план не был выполнен ни в 2005 г. (фактический объем поставок составил 7,6⁴⁰ млн т), ни в 2006 г. (около 10,3 млн т). А в связи со срывом соглашения на поставку сырой нефти в Китай на сумму в 1 млрд долл., которое должно было быть подписано во время визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Москву 26–28 марта 2007 г., не была достигнута и планка в 15 млн т⁴¹.

Еще одна проблема заключается в падении поставок со стороны российских компаний: фактически их продолжает только *Роснефть*, имеющая обязательства по поставке в Китай до 2010 г. 48 млн т нефти в обмен на кредит в 6 млрд долл. от *CNPC*⁴². Но и *Роснефть* в ноябре 2007 г. рассматривала вопрос о сокращении поставок или как минимум пересмотра цены, так как в данный момент она занижена в несколько раз⁴³.

РЖД активно продвигают идею перевозки нефти в железнодорожных цистернах. Этот проект находит поддержку и в Китае. К примеру, 14 октября 2006 г. на заседании российско-китайской Подкомиссии по сотрудничеству в области энергетики китайская сторона попросила рассмотреть вопрос об увеличении поставок российской нефти в Китай до 40–45 млн т в год. Максимальная расчетная мощность китайского ответвления от трубопровода ВСТО – 30 млн т в год, и *Транснефть* не намерена ее увеличивать, поэтому можно говорить о поставках еще 10–15 млн т нефти в год, но уже по железной дороге⁴⁴. Тем не менее для Китая основным приоритетом все-таки остается нефтепровод.

ВОСТОЧНЫЕ РИСКИ

При всей перспективности китайского рынка существуют и некоторые проблемы. Нежелание Москвы идти на сотрудничество исключительно с Китаем – яркое тому подтверждение. Говоря о рисках восточного направления энергетической стратегии, нельзя не учитывать последствия усиления позиций Китая как основного рынка для российских энергоносителей. Китай позиционирует себя именно так, поэтому вполне могут возникнуть опасения появления еще одной потребительской монополии – теперь уже на Востоке. Кроме того, в российской политической элите есть группы, которые заинтересованы в сотрудничестве с Японией и западными странами больше, чем с Китаем, и которые активно продвигают свою повестку дня.

Еще один нерешенный вопрос – это ценообразование. Китай хочет получить как можно больше по как можно меньшей цене. Пока не подписан договор между Россией и Китаем о принципах ценообразования на нефть. В газовой сфере желание Китая получать голубое топливо по цене значительно меньшей, чем рыночная, также не способствует значительному прогрессу⁴⁵. С другой стороны, Китай ведет активное строительство мощностей для приема сжиженного природного газа на юго-востоке страны. Если КНР готова платить за такой товар значительные деньги, то не совсем понятно, почему (по утверждениям российских чиновников) Китай настаивает на гораздо более низких ценах на переговорах с Россией.

Во многом поэтому неясна ситуация со строительством газопровода «Алтай». Еще 21 марта 2006 г. во время визита в Китай президент России В.В. Путин заявил о намерении российских властей в ближайшее время построить два газопровода в Китай из Сибири. По словам президента, возможно создание новой трубопроводной системы через западную границу РФ и КНР. Как заявил президент, Россия будет поставлять в Китай 60–80 млрд м³ газа в год. Председатель правления *Газпрома* А.Б. Миллер заявил, что стоимость нового газопровода может составить около 10 млрд долл.⁴⁶ При этом ожидается, что газопровод будет запущен в 2011 г.⁴⁷ Этот срок кажется едва ли достижимым.

Кроме того, существуют разногласия в оценках роста энергопотребления в Китае. В первых, стоит учитывать намерения Китая по импорту российской нефти не только для

удовлетворения внутреннего потребления, но и для ее возможного реэкспорта в страны АТР⁴⁸. Во-вторых, оценки взрывного роста нефтепотребления могут быть существенно завышены, так как до половины роста спроса на нефть в 2004–2006 гг. пришлось на дизельные электрогенераторы ввиду нехватки мощностей по производству электричества. Однако такие мощности были построены, что уже привело к снижению темпов роста спроса на нефть⁴⁹.

Наконец, многочисленные прогнозы роста в ближайшее десятилетие, на который рассчитывают российские поставщики, основываются на сегодняшних статистических данных и не учитывают того непростого положения, в котором находится экономика КНР. Если Китай постигнет кризис, подобный азиатскому финансовому кризису 1997 г., это будет означать не только провал проектов по экспорту энергоносителей в эту страну, но и изменение структуры потребления нефти на мировом рынке. В таких условиях, при резком падении спроса и цен, строительство нефтепровода в восточном направлении станет нерентабельным⁵⁰.

Так или иначе, но для Китая Россия является не единственным вектором в его энергетической стратегии. В поисках источников углеводородов Китай все более активно действует в Центральной Азии, где обостряется борьба между российскими, китайскими и западными компаниями.

КИТАЙ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ТА ЖЕ ИГРА С НОВЫМ УЧАСТНИКОМ

Бывший советник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер, ссылаясь на *Большую игру* XIX в., когда Великобритания и Россия соперничали за господство в Центральной Азии, в своем выступлении в Вашингтоне перед Американско-индийским деловым советом в июне 2005 г. заметил, что «*Большая игра* развивается снова». Генри Киссинджер, осуществлявший в начале 1970-х гг. *треугольную дипломатию* Ричарда Никсона в отношении Советского Союза и Китая, утверждал, что «количество энергии конечно относительно спроса». В результате конкуренция за доступ к энергии может стать «вопросом жизни и смерти для многих обществ». Говоря о стоящем 4,5 млрд долл. проекте газопровода из Ирана через Пакистан в Индию, Генри Киссинджер заметил: «Было бы ироничным, если бы направления трубопроводов и их расположение стали современным эквивалентом колониальных споров XIX в.»⁵¹.

Новым игроком в новой *Большой игре* выступает Китай. О его возможном политическом и экономическом доминировании в Центральной Азии заговорили чуть ли не с момента распада Советского Союза. Сейчас уже говорят о мощнейшей экспансии. Выход КНР в основные игроки принципиально меняет соотношение сил. Усилия китайских компаний по закреплению в энергетике Казахстана, Туркмении и Узбекистана бросают вызов России.

Кроме того, Китай далеко не единственный участник игры. Здесь же активно действуют внерегиональные игроки, такие как США, ЕС и западные компании. Так, при активной поддержке США действует нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан. С 1996 г. США пытаются убедить Туркмению присоединиться к проекту Транскаспийского газопровода, поэтому борьба за энергетические ресурсы Центральной Азии идет полным ходом.

КАЗАХСТАН

Широкомасштабная добыча нефти и газа началась в Казахстане после 1991 г. В сравнительно короткие сроки были достигнуты серьезные успехи в развитии отрасли. За последние семь лет добыча нефти была удвоена. В 2006 г. добыча нефти и газоконденсата составила 65 млн т⁵². При этом на экспорт было отправлено, по разным данным, от 50 до 57 млн т⁵³. С увеличением добычи на крупнейших месторождениях к 2015 г. планируется выйти на уровень добычи свыше 3 млн баррелей в день (примерно 150 млн т в год). По оценкам, география нефтедобычи будет выглядеть следующим образом: 1 млн баррелей будет поступать с месторождения Кашаган; около 700 тыс. –

с месторождения Тенгиз; 600 тыс. – с месторождения Курмангазы и около 500 тыс. – с месторождения Карачаганак⁵⁴. Остальной объем нефти придется на более мелкие месторождения.

На данный момент большая часть казахстанской нефти экспортируется по двум нефтепроводам, проходящим через территорию России: Атырау – Самара – 15,6 млн т нефти в 2006 г., Тенгиз – Новороссийск – 24,4 млн т. Кроме того, в направлении Оренбурга – 2,4 млн т⁵⁵.

Что касается добычи, то позиции российских компаний также достаточно сильны. На территории Казахстана работают две крупные российские нефтяные компании: *Лукойл* и *Роснефть*.

Лукойл инвестировал в экономику Казахстана 4,5 млрд долл. Компания участвует в крупных добывающих проектах. В частности, *Лукойл* имеет 5% в проекте по разработке месторождения Тенгиз. Это на данный момент крупнейшее месторождение в стране: в 2005 г. здесь было добыто почти 14 млн т нефти. Также компания имеет 15% акций *Karachaganak Petroleum Operating B.V.*, занимающегося разработкой второго по величине месторождения в республике – Карачаганак. *Лукойл* имеет 50% доли в компаниях по разработке месторождений Кумколь, Алибекмола и Кожасай, Северные Бузачи и Арман. Российская компания полностью контролирует месторождение Каракудук⁵⁶.

Роснефть участвует в двух проектах на территории Казахстана, которые суммарно составляют наибольшую часть ее проектов по разведке и освоению месторождений за пределами России. В июле 2001 г. *Роснефть* приобрела 50% долю в проекте разработки Адайского блока, расположенного в богатом нефтью регионе Атырау на территории Западного Казахстана. Остальные 50% принадлежат китайской компании *Sinorep*. 6 апреля 2005 г. дочернее предприятие компании *Роснефть РН-Казахстан* и компания *КазМунайТениз*, дочернее предприятие Казахстанской национальной нефтяной компании *КазМунайГаз*, подписали Соглашение о разделе продукции и Соглашение о совместной деятельности в целях разведки и разработки месторождения Курмангазы. В совместном проекте 50% принадлежат казахстанскому партнеру, а 25% – *Роснефти*. Фактический собственник остающейся 25% доли пока не определен. *Роснефть* исполняет соответствующие обязательства по этой доле на этапе разведки. Российская Федерация может воспользоваться опционом в отношении этой доли в тот момент, когда на указанном участке будут обнаружены первые экономически рентабельные запасы углеводородов⁵⁷. К концу 2006 г. инвестиции *Роснефти* в проекты на территории Казахстана составили порядка 300 млн долл.⁵⁸

Однако все активнее в Казахстане начинают действовать китайские компании. Причем зачастую это происходит вопреки интересам России и российских компаний. В 2005 г. китайская *CNPC* купила за 4,2 млрд долл. канадскую компанию *PetroKazakhstan* с доказанными запасами 535 млн баррелей нефти, на которую также претендовал *Лукойл*. Когда канадская компания решила уступить свои активы в Шымкентском нефтеперерабатывающем заводе (Южно-Казахстанская область) и Кумкольской группе месторождений (Кызылординская область), российской компании объявленная цена показалась завышенной, поэтому *PetroKazakhstan* был отдан китайцам. Согласно поправкам 2005 г. в закон «О недрах», госкомпания *КазМунайГаз* имела приоритет на выкуп 50% акций, однако *CNPC* выкупила этот опцион⁵⁹.

В ноябре 2006 г. Министерство энергетики и минеральных ресурсов Казахстана заявило о том, что рассматривает заявку китайской государственной инвестиционной компании *China International Trust & Investment Corp. (CITIC)* на покупку нефтяных активов канадской *Nations Energy*. Главный актив компании – месторождение Каражанбас с запасами в 340 млн баррелей нефти и конденсата.

Изначально министр Б.С. Измухамбетов был против сделки с китайцами и призывал принять экстренные меры, чтобы приостановить это соглашение. Между тем китайцы в октябре 2006 г. уже договорились с *Nations Energy* о покупке ее казахстанских активов за 1,91 млрд долл.⁶⁰. После заключения сделки в декабре 2006 г. Китай укрепил свои позиции в нефтегазовом секторе Казахстана.

Однако самым крупным проектом в нефтяной сфере между Китаем и Казахстаном, безусловно, является строительство нефтепровода Атасу – Алашанькоу (Карта 2). Казахстанско-китайский нефтепровод был запущен в эксплуатацию 25 мая 2006 г. Он впервые связал Китай с зарубежными нефтяными месторождениями. Его протяженность составляет более 960 км. Пропускная способность – 10 млн т нефти в год – это примерно столько же, сколько Россия поставляет в Китай по железной дороге. Казахстанская нефть поступает на приграничную станцию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, откуда была проложена дополнительная 250-километровая ветка трубопровода до ближайшего нефтеперерабатывающего завода (НПЗ). Строительство трубопровода из Восточного Казахстана в Западный Китай обошлось в 700 млн долл.

Карта 2. Инфраструктура транспортировки нефти в Центральной Азии⁶¹

При всей значимости проекта как для Китая, так и для Казахстана основной наполнитель нефтепровода – *PetroKazakhstan* – не вышел на достаточный уровень производства. На 2007 г. по нефтепроводу Атасу – Алашанькоу планировалась перекачка 5–6 млн т нефти, но реальные объемы составили 3 млн т⁶². Планы *Роснефти* начать поставки в 2007 г. так и не увенчались успехом: компании не удалось получить разрешение чиновников на прокачку в этом направлении⁶³. Однако на 2008 г. в российском Минпромэнерго есть планы поставлять до 5 млн т через этот нефтепровод⁶⁴.

Кроме того, нефтеперерабатывающие мощности Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, в частности, НПЗ в Душаньцзы, полностью не готовы к приему нефти в объеме 10 млн т в год, поскольку местные НПЗ должны перерабатывать нефть, добываемую в Китае⁶⁵. Так что это вполне может говорить о том, что Китай в первую очередь интересуется резервирование нефти, которая может понадобиться позднее.

В то же время ведутся переговоры о начале строительства второй очереди этого нефтепровода. В конце 2005 г. президент Казахстана Н.А. Назарбаев совершил официальный визит в Китай. Обе стороны подтвердили заинтересованность в более тесном экономическом сотрудничестве, особенно в сфере энергетики. Одним из важных результатов было принятие политического решения о строительстве дополнительных нефтепроводов из Казахстана в Китай с последующей прокладкой газопровода. В частности, были достигнуты принципиальные договоренности о строительстве второй очереди нефтепровода Кенияк – Атасу, что было подтверждено на встрече Н.А. Назарбаева и Ху Цзинтао 18 августа 2007 г.

Вместе с тем в Казахстане пока нет единого мнения в отношении строительства нового участка трубы: часть специалистов считают, что строительство должно вестись на мно-

госторонней основе, с привлечением не только Китая, но и других стран. Другие специалисты отдадут предпочтение двухстороннему казахстанско-китайскому варианту. Капиталовложения могут составить 250–300 млн долл.⁶⁶.

Несмотря на экспансию китайских компаний, позиции России в абсолютных показателях сильны. Однако соотношение начинает меняться. Запуск нефтепровода Атасу – Алашанькоу принципиально меняет архитектуру отношений в регионе. Если раньше Россия, по сути, обладала монополией на транспортировку казахстанской нефти, то теперь у Казахстана появляется реальная возможность для диверсификации своих рынков сбыта. В перспективе можно даже говорить о конкуренции между российскими и казахстанскими компаниями за доступ к нефтепроводу.

Показательна также позиция Москвы в связи с расширением мощностей нефтепровода Каспийский трубопроводный консорциум с 28 до 67 млн т в год, что необходимо для Казахстана в свете планов роста нефтедобычи. Имея 24% долю в консорциуме, Россия очень долго противодействовала расширению и старалась сохранить свою исключительность для транспортировки казахстанской нефти. Кроме того, остро стоит вопрос о повышении транзитных тарифов, которые, по мнению России, неадекватно низки и не дают возможность получать прибыль. Хотя вопрос тарифов до сих пор не урегулирован, сейчас получено принципиальное согласие на расширение мощности до 67 млн т.

В то же время можно отметить положительные тенденции в сотрудничестве российских и китайских компаний в нефтегазовом секторе Казахстана. Так, 5 февраля 2007 г. в Москве состоялось первое заседание Координационного комитета по сотрудничеству между *Роснефтью* и *Sinorec*. Работа комитета, в состав которого вошли по шесть представителей от каждой компании, призвана способствовать реализации Рамочного соглашения о стратегическом сотрудничестве, заключенного компаниями в ноябре 2006 г. В ходе заседания обсуждался широкий круг вопросов, касающихся сотрудничества в сфере разведки и разработки нефтегазовых месторождений и т.д. Это прежде всего относится к реализации совместного проекта на Адайском месторождении. Помимо этого, компании имеют совместный проект в России на базе Венинского блока (проект Сахалин-3). От *Sinorec* поступило предложение по созданию совместного НПЗ на севере Китая⁶⁷. Кроме того, созданное осенью 2006 г. совместное предприятие *Роснефти* и *CNPC Восток Энерджи* в июле 2007 г. приступило к формированию собственной ресурсной базы в России, выиграв первый аукцион на право разработки двух участков недр в Иркутской области⁶⁸.

ТУРКМЕНИСТАН

Туркменистан является крупным игроком в газовой сфере и потенциально крупным экспортером нефти. При этом в вопросах экспорта газа Туркменистан долгое время находился в полной зависимости от России, так как единственный экспортный газопровод шел через территорию России, что позволяло последней в лице *Газпрома* диктовать свои условия.

В декабре 1997 г. был введен в эксплуатацию газопровод Корпедже (Западный Туркменистан) – Курт Куи (Иран) мощностью 13 млрд м³ газа в год, что позволило Туркменистану начать продажу газа в Иран. Контракт с Ираном рассчитан до 2022 г. и предусматривает увеличение поставок до максимальной загрузки трубопровода⁶⁹. Газопровод наполнен лишь наполовину, так как цены не удовлетворяют Туркмению. Кроме того, Иран отказался продолжить маршрут в Турцию и направляет весь газ для внутренних нужд северных районов, экономя собственные ресурсы.

Более серьезным игроком является Китай. Президент Туркменистана С.А. Ниязов и председатель КНР Ху Цзиньтао в апреле 2006 г. в Пекине подписали генеральное соглашение о реализации к 2009 г. проекта газопровода Туркменистан–Китай. Согласно договору, «стороны будут координировать и осуществлять по отдельности и совместно действия, необходимые для скорейшей реализации газопровода Туркменистан – Китай

с учетом требований строительства рынка, а также транспортировать произведенный в Туркменистане природный газ в Китайскую Народную Республику. Китайская Сторона будет закупать у Туркменской Стороны природный газ на границе Туркменистана в объеме 30 млрд м³ в год в течение 30 лет, начиная с начала эксплуатации газопровода Туркменистан – Китай в 2009 году»⁷⁰.

Новое руководство Туркмении не намерено серьезно пересматривать это соглашение, учитывая реальную экономическую выгоду от реализации проекта: газопровод и соответствующая инфраструктура будут строиться за счет китайских партнеров⁷¹, что и было подтверждено 17 июля 2007 г., когда *CNPC* и государственная компания *Туркменгаз* подписали соглашение о реализации ранее достигнутых договоренностей, куда также вошло положение о создании совместного предприятия по разработке газовых месторождений в Туркменистане. Кроме того, строительство газопровода из Туркменистана в Китай обойдется дешевле, чем предполагающийся газопровод с Ковыктинского месторождения через Алтай в Китай, поэтому вполне можно ожидать, что Китай будет активно настаивать на реализации проекта, несмотря на то что к 2009 г. это нереально.

Таким образом, периоду монопольного положения *Газпрома* на туркменском рынке приходит конец. Именно осознание этого, возможно, и повлияло на позицию *Газпрома*, когда он сначала в 2006 г. согласился закупать туркменский газ в 2007–2009 гг. по цене 100 долл. за тыс. м³, а позднее в конце 2007 г. подписал новое дополнение к контракту о поставках газа. Теперь с начала 2008 г. Россия платит не 100, а 130 долл. за тыс. м³, со второго полугодия 2008 г. – 150 долл., а с 2009 г. цена будет формироваться, исходя из рыночных принципов (то есть, скорее всего, продолжит расти). Договоренности будут действовать до 2028 г. В результате российская компания заплатит за туркменский газ значительно больше, чем собиралась, но зато будет контролировать весь экспорт туркменского газа в Европу^{72,73}.

Хотя *Газпром* предлагает цену выше, чем китайские компании, по мнению президента Института энергетической политики В.С. Милова, предпочтение в долгосрочном плане все равно может быть отдано китайцам, так как более тесное сотрудничество с Китаем дает Туркменистану возможность не только для диверсификации экспортных маршрутов, но и для развития инфраструктуры. Кроме того, у китайских компаний гораздо больше шансов получить доступ к разработкам месторождений, чем у *Газпрома*, так как допуск бывшего монополиста экспортных маршрутов к добыче вызывает у туркменского руководства серьезную озабоченность⁷⁴.

В случае успешной реализации китайского проекта и при сохранении существующих темпов роста добычи газа в Туркмении топлива на всех не хватит. А соглашение между Туркменистаном и КНР неявно выражает, что поставка туркменского газа в Китай станет приоритетом для руководства страны. В тексте соглашения говорится, что газ в Китай пойдет с правобережья Амударьи и в случае возникновения необходимости в дополнительных объемах газа туркменская сторона гарантирует поставку газа с других месторождений⁷⁵.

Потеря газового источника может создать проблему для России как главного поставщика газа в Европу. Для Туркмении данный трубопровод дает дополнительный козырь на переговорах с *Газпромом*, который в последнее время все больше зависит от поставок газа из этой центральноазиатской республики.

Данное соглашение может привести к серьезному столкновению интересов Китая и России в Центральной Азии. *Газпром* для выполнения своих обязательств перед Европой может задействовать политические рычаги для оказания давления на туркменское руководство и защиты своих интересов в жизненно важном для него регионе. И в случае если Китай сделает все для претворения соглашения с Туркменистаном в жизнь, то будущее российско-китайского сотрудничества в регионе может быть подвергнуто серьезным испытаниям⁷⁶.

Таким образом, создается новая ситуация, дающая Туркменистану более обширное поле для маневра. Это отражается и в подходе руководства Туркмении к вопросу о заключении контрактов: как правило, речь идет о долгосрочных, но юридически не обязываю-

щих декларациях принципов сотрудничества в сочетании с краткосрочными контрактами с фиксированной ценой, по истечении которых происходят корректировка и заключение нового соглашения. При этом Ашхабад повторяет, что российское направление экспорта туркменского газа было и остается стратегическим, а строительство нового газопровода в Китай никогда не нанесет ущерб сотрудничеству с Москвой⁷⁷.

В таком контексте можно рассматривать заявление президента Туркмении Г.М. Бердымухаммедова во время встречи с президентами России и Казахстана в Ашхабаде 12 мая 2007 г. о намерении участвовать в строительстве Прикаспийского газопровода и модернизации уже существующих газопроводов. Однако лишь 20 декабря 2007 г. Россия, Казахстан и Туркменистан на бумаге закрепили достигнутые в мае договоренности.

УЗБЕКИСТАН

По запасам углеводородов Узбекистан до сих пор находился в тени своих соседей – Казахстана и Туркменистана, но в реальности по запасам нефти и газа он, возможно, и не уступает Туркменистану. Объемы добычи газа в республике сопоставимы с туркменскими – порядка 60 млрд м³, но экспорт невелик – примерно 10 млрд м³, поскольку большая часть газа неэффективно используется на внутреннем рынке⁷⁸.

Основную часть добываемого природного газа Узбекистан экспортирует в соседние страны, а также в Европу транзитом через российскую территорию. Интерес со стороны Китая открывает новые географические перспективы для нефтегазовой отрасли Узбекистана.

В Узбекистане запущен грандиозный по местным меркам проект по разработке нефтегазовых месторождений в узбекском секторе Аральского моря. В состав международного консорциума вошли *Узбекнефтегаз*, а также четыре иностранных компании: китайская *CNPC*, российская *Лукойл*, корейская *Korea National Oil* и малайзийская *Petronas Overseas*. Геологоразведочные работы были начаты в 2006 г.⁷⁹.

В середине июля 2005 г. крупнейшая нефтегазовая компания Китая *Sinopet* обязалась в течение пяти лет инвестировать 106 млн долл. в разведку и добычу нефти в Узбекистане. Документ об этом был подписан в ходе визита в Ташкент вице-преьера Госсовета Китая Ву И. На первом этапе китайцы запланировали вложить 50 млн долл. в реабилитацию нескольких месторождений в Андижанской и Наманганской областях на востоке страны. В этом же регионе Узбекистана *Sinopet* проведет геологоразведочные работы на общую сумму 56 млн долл.⁸⁰.

Китайские компании намерены опередить Россию, а также нефтяные и газовые компании других стран. Кроме того, появление в Узбекистане является частью стратегии китайских нефтегазовых компаний по расширению своего присутствия в странах Центральной Азии и укреплению в них своих позиций.

В ответ на эту деятельность активизировал свои усилия и российский бизнес. Во время визита премьер-министра М.Е. Фрадкова в Ташкент в начале марта 2007 г. при активном участии *Газпрома* и *Лукойла* обсуждались перспективы российско-узбекского сотрудничества в нефтегазовой сфере. Накопленные инвестиции *Газпрома* и *Лукойла* в нефтегазовую отрасль Узбекистана уже превысили 2,5 млрд долл.⁸¹. Инвестиции российских компаний ориентированы на то, чтобы в обозримом будущем существенно повысить экспорт узбекского газа. На 2007 г. *Газпром* заключил контракты на покупку до 13 млрд м³ газа. В дальнейшем реализация проекта *Лукойла*⁸² позволит экспортировать из республики еще около 10 млрд м³.

На этих же переговорах не обошлось и без разговоров о Китае. Представитель *Газпрома* пытался убедить Узбекистан сотрудничать прежде всего с Россией, а не с Китаем, так как последний «меньше заплатит»⁸³. Но, как и в случае с Туркменистаном, можно предположить, что этот аргумент окажется не главным при выборе партнера.

Ответ Китая не заставил себя ждать. В начале мая 2007 г. Узбекистан и Китай подписали соглашение о строительстве газопровода протяженностью 530 км, который позволит ежегодно поставлять в КНР до 30 млрд м³ узбекского газа. Соглашение еще предстоит наполнить реальным сотрудничеством, но уже сейчас оно становится политическим козырем в руках Ташкента на переговорах с Москвой.

Так, в конце ноября 2007 г. *Газпром* получил предложение от Узбекистана начать переговоры о повышении в 2008 г. цены на узбекский газ, которая сейчас составляет 100 долл. за тыс. м³. Узбекская сторона намерена перейти при формировании цены от региональных к мировым параметрам, а стремление Узбекистана повысить цену своего газа увязано с тем, что *Газпром* согласился на повышение цены туркменского газа.

СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?

Отношения России и Китая в нефтегазовой сфере имеют значительный потенциал, так как потребление нефти и газа в Китае будет, по всем прогнозам, расти, и России может достаться солидная доля на китайском рынке. Реализация Россией проекта ВСТО позволит реально диверсифицировать рынки сбыта за счет выхода на перспективный рынок АТР. Тем не менее Китай может оказаться далеко не единственным получателем российской нефти. Более того, ситуация со строительством ответвления нефтепровода на Китай до конца не ясна. Строительство ветки является козырной картой российского руководства. Если Китаю так нужна российская нефть, то это вполне можно использовать для получения уступок с китайской стороны по широкому кругу вопросов. Помимо варианта поставки нефти по трубе, Россия может продолжить поставки нефти по железной дороге или по уже построенному нефтепроводу в Центральной Азии. Однако в ситуации, когда *Роснефть* поставляет *CNPC* нефть в обмен на взятый ранее кредит по цене в несколько раз ниже рыночной, есть попытки затормозить такое сотрудничество вообще и найти схемы, которые были бы более прибыльными для России. Переформулирование условий, безусловно, не радует нашего восточного соседа.

Можно отметить, что сейчас имеются тенденции, позволяющие говорить о росте соперничества между Россией и Китаем. Проект строительства ВСТО можно рассматривать как стратегически антикитайский: опасаясь *поползновений* на территории Сибири и Дальнего Востока со стороны Китая в будущем, Россия пытается укрепить эти регионы, дав им толчок к экономическому развитию, который должен произойти в результате полномасштабных инвестиций в энергетическую инфраструктуру региона. С этой точки зрения становится ясным нежелание России выбрать Китай в качестве эксклюзивного партнера для поставки энергоресурсов на Дальнем Востоке, то есть к опасениям монополии одного потребителя добавляются соображения геостратегического порядка.

Так или иначе, но, выстраивая отношения стратегического партнерства с Китаем, Россия должна руководствоваться в первую очередь собственными интересами при уважении интересов партнера. Поэтому на первый план должна выходить задача не экспорта нефти в Китай только ввиду перспективности рынка, а усиления единства страны. В этом контексте создание единой энергосистемы, подключение новых месторождений к существующей системе транспортировки является приоритетом, так как дает возможность гибкости при выборе экспортных маршрутов.

Говоря о стратегическом партнерстве, можно сказать, что российско-китайские отношения, при всей своей высокой степени интенсивности на политическом и военно-стратегическом уровнях, проходят проверку в экономической сфере. Именно нефтегазовая сфера может стать тем местом, где будет происходить проверка российско-китайского стратегического партнерства. При сохранении нынешних тенденций отношения между странами в нефтегазовой области будут все сильнее походить на *стратегическое соперничество*, которое разворачивается, прежде всего, в Центральной Азии.

В какой-то степени именно затягивание вопроса со строительством нефтепровода в Китай толкает нашего соседа на более активную политику в Центральной Азии. И пока Китай показывает себя достаточно успешным игроком, используя желание местных

элит снизить влияние России и предлагая альтернативные маршруты экспорта углеводородов. Он умеет находить подходы и договариваться, что реально было продемонстрировано при подписании соглашений летом 2007 г. Российские же инициативы пока не уходят дальше декларации намерений.

Очевидно, что Россия при всем желании не в состоянии самостоятельно контролировать ресурсы в регионе. Поэтому имеет смысл проводить политику поиска баланса с ключевыми игроками. Представляется, что для российского руководства взаимодействие с Китаем кажется более предпочтительным, чем взаимодействие с США. Однако России и Китаю предстоит найти механизм согласования интересов в экономической сфере, доказать, что стратегическое партнерство существует не только на декларативном уровне.

Не менее важна деятельность на уровне экономических единиц. И здесь имеются положительные тенденции. Российские и китайские компании реализуют совместные проекты в России, Китае и Центральной Азии.

При всей перспективности отношения России и Китая в нефтегазовой сфере носят характер *соперничества-сотрудничества*, и то, в какую сторону сдвинется баланс, зависит от гибкости сторон и желания идти на взаимовыгодное сотрудничество.

Примечания

¹ За ценные комментарии, высказанные при написании работы, автор благодарит советника Первого департамента Азии МИД РФ Г.В. Зиновьева, старшего советника ПИР-Центра Г.М. Евстафьева, президента Института энергетической политики В.С. Милова, руководителя Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований РАН Т.А. Митрову, президента ПИР-Центра В.А. Орлова, начальника Международного института энергетической политики и дипломатии Центра стратегических исследований и геополитики в области энергетики МГИМО(У) МИД РФ А.В. Сафаряна, советника Посольства России в Казахстане Д.С. Третьякова, исполнительного директора ПИР-Центра А.В. Хлопкова.

² Regional Share of Proven Oil Reserves. World Energy Outlook 2004. International Energy Agency. P. 91.

³ Гончаренко А.В. Мировая энергетика: взгляд на десять лет вперед. *Россия в Глобальной Политике*. 2006, Ноябрь – Декабрь. № 6. <http://www.globalaffairs.ru/numbers/23/6687.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁴ Элементы подтасовки фактов содержались в послании Дж. Буша о положении страны. *Прайм-Тасс*. 2007, 29 января. <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=657988&ct=news> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁵ European Union Profile. The US Department of Energy Statistics. Energy Information Administration. http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/European_Union/Profiles.html (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁶ 1 баррель = 0,136 т нефти (в 1 т нефти примерно 7,3 барреля).

⁷ Proved Oil Reserves. BP Statistical Review of World Energy 2006. P. 6. http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2006/STAGING/local_assets/downloads/pdf/oil_section_2006.pdf (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁸ Сенинский Сергей. Где перерабатывать сырье – определяет капитал, а не география. *Радио Свобода*. 2007, 19 февраля. <http://www.svoboda.com/Article/2007/02/19/20070219113815817.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁹ Россия сократила экспорт нефти в 2007 году. *Взгляд*. 2008, 9 января. <http://www.vz.ru/news/2008/1/9/136537.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

¹⁰ Энергетическая стратегия России на период до 2020 г., утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 г. № 1234-р. <http://www.minprom.gov.ru/docs/strateg/1> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

¹¹ Данные Международного энергетического агентства, опубликованные в журнале *Эксперт*. Кокшаров Александр, Рубанов Иван. Предложение, от которого можно отказаться. *Эксперт*. 2006, 23 октября. № 39(533). http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/39/energeticheskoe_partnersvo_es_i_rossii/ (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

- ¹² World Energy Outlook 2004. International Energy Agency. P. 251.
- ¹³ Милов Владимир, Селивахин Иван. Проблемы энергетической политики. Рабочие материалы Московского Центра Карнеги. 2005, № 4.
- ¹⁴ Миловзоров Андрей. Дурман российского газа отравляет жизнь Европе. *Утро.ru*. 2005, 5 июля. <http://www.utro.ru/articles/2005/07/05/455218.shtml> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ¹⁵ Энергетическая стратегия России на период до 2020 г.
- ¹⁶ China Energy Data, Statistics and Analysis – Oil, Gas, Electricity, Coal. The US Department of Energy statistics, Energy Information Administration. <http://www.eia.doe.gov/cabs/China/Full.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ¹⁷ Гончаренко А.В. Мировая энергетика: взгляд на десять лет вперед. *Россия в Глобальной Политике*. 2006, Ноябрь – Декабрь. № 6. <http://www.globalaffairs.ru/numbers/23/6687.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ¹⁸ Oil Market Report. International Energy Agency. 2007, December 14. <http://omrpublic.iea.org/omrarchive/14dec07full.pdf> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ¹⁹ Министр финансов КНР о вопросе энергетики и ископаемых. *Женьминь Жибао Он-Лайн*. 20 ноября 2006. <http://russian.people.com.cn/31518/5060369.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ²⁰ World Energy Outlook 2004. International Energy Agency. P. 263.
- ²¹ Павлов Владимир. Китай ищет нефть. 2007, 5 марта. <http://www.rbcdaily.ru/2007/03/05/world/267380> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ²² World Energy Outlook 2004. International Energy Agency. P. 266.
- ²³ По данным World Energy Outlook 2004. International Energy Agency. P. 264.
- ²⁴ Китайское правительство реализует план создания баз стратегических запасов нефти в стране. *Синьхуа*. 2007, 29 января. http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-01/29/content_381626.htm (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ²⁵ World Energy Outlook 2004. International Energy Agency. P. 267.
- ²⁶ Железнодорожные перевозки считаются экономически неэффективными. *Транснефть* заявляла, что тариф на прокачку 1 т нефти по строящемуся нефтепроводу Восточная Сибирь – Тихий океан до Сковородино составит 38,8 долл. См.: Дербилова Екатерина. Дорогая энергия Транснефти. *Ведомости*. 2006, 21 августа. А по данным ведущего научного сотрудника Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН Игоря Томберга стоимость аналогичных перевозок железнодорожными цистернами составляет от 42 до 66 долл. в зависимости от маршрута. См. подробнее: Томберг Игорь. Между трубой и рельсами. *Фонд Стратегической Культуры*. 2006, 13 ноября. <http://www.fondsk.ru/article.php?id=395> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ²⁷ Бергер Яков. Выступление на круглом столе, посвященном энергетической стратегии Китая. Московский Центр Карнеги. 2004, 19 февраля. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/69912.htm> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ²⁸ Увеличился товарооборот России и Китая. *Независимая Газета*. 2008, 18 января.
- ²⁹ Интервью министра экономического развития и торговли РФ Г.О. Грефа. *Женьминь Жибао Он-Лайн*. 2006, 11 сентября. <http://ru2.mofcom.gov.cn/aarticle/chinanews/200611/20061103677679.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ³⁰ Христенко Виктор. Прорыв на Восток. *Прайм-Тасс*. 2006, 6 марта. <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?topicid=1&id=228&ct=G8Summit> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ³¹ Премьер-министр России называет проект строительства нефтепровода Ангарск – Дацин тактическим, а проект Ангарск – Находка стратегическим. 2003, 17 декабря. http://russian.people.com.cn/200312/17/rus20031217_85634.html (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ³² Источник: Минпромэнерго. <http://www.minprom.gov.ru/appearance/interview/27/getpic2.gif>
- ³³ Нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан обойдется в \$16 млрд. *Regnum*. 2005, 2 марта. <http://www.regnum.ru/news/415532.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

³⁴ Там же.

³⁵ Планы строительства нефтепровода ВСТО не менялись. 2007, 1 марта. http://www.rosnadzor.ru/review_of_press2831.html (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

³⁶ Ответвление от ВСТО в Китай достроят в 2008 году. Экспертный канал *АмурПолит.ру. ИД ФедералПресс*. 2007, 6 декабря. http://www.fedpress.ru/80/econom/tek/id_78579.html (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

³⁷ Подписан протокол о строительстве ответвления ВСТО на Китай. Экспертный портал *Восточный Нефтепровод*. 2007, 19 июля. <http://www.vstoneft.ru/news.php?number=444> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

³⁸ Подписан 16 октября 2004 г.

³⁹ Голубкова Елена. Стратегический торг. *РБК Daily*. 2007, 13 февраля. <http://www.rbcdaily.ru/2007/02/13/tek/265675> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁴⁰ Томберг Игорь. Между трубой и рельсами. *Фонд Стратегической Культуры*. 2006, 13 ноября. <http://www.fondsk.ru/article.php?id=395> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁴¹ Соглашение о поставках Роснефтью в Китай нефти пока не подписано. *РИА Новости*. 2007, 27 марта. <http://rian.ru/economy/comprany/20070327/62685815.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁴² Томберг Игорь. Между трубой и рельсами. *Фонд Стратегической Культуры*. 2006, 13 ноября. <http://www.fondsk.ru/article.php?id=395> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁴³ Подобедова Людмила. Китай лишают российской нефти. *РБК Daily*. 2007, 15 ноября. <http://www.rbcdaily.ru/2007/11/15/tek/303065> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁴⁴ Томберг Игорь. Между трубой и рельсами. *Фонд Стратегической Культуры*. 2006, 13 ноября. <http://www.fondsk.ru/article.php?id=395> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁴⁵ Milov Vladimir. Neo-Con Plans and the Sober Reality. *Russia in Global Affairs*. 2006, October – December. № 4. <http://eng.globalaffairs.ru/numbers/17/1071.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.). Для Китая предложение высокой цены за газ экономически нецелесообразно, так как уголь составляет большую часть в энергобалансе страны, а рост доли газа прогнозируется лишь до 6% к 2030 г. На переговорах о поставках газа из России в 2005 г. Китай настаивал на цене 40 долл. за м³. При более высокой цене дешевле потреблять собственный уголь.

⁴⁶ Маршрут газопровода «Алтай» будет определен в сентябре этого года. *Regnum*. 2006, 7 апреля. <http://www.regnum.ru/news/667858.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁴⁷ Экспортный газопровод «Алтай» пройдет по 6 регионам Сибири. *Regnum*. 2007, 24 января. <http://www.regnum.ru/news/771202.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁴⁸ Томберг Игорь. ЭнергодIALOG Россия – Китай и визит В. Путина в Пекин. *Фонд Стратегической Культуры*. 3 марта 2006. <http://www.fondsk.ru/article.php?id=90> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁴⁹ Milov Vladimir. Neo-Con Plans and the Sober Reality. *Russia in Global Affairs*. 2006, October – December. № 4. <http://eng.globalaffairs.ru/numbers/17/1071.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁵⁰ Томберг Игорь. ЭнергодIALOG Россия – Китай и визит В. Путина в Пекин. *Фонд Стратегической Культуры*. 3 марта 2006. <http://www.fondsk.ru/article.php?id=90> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁵¹ China's oil consumption... Editorial article. *Washington Times*. 2006. April 20. <http://washington-times.com/op-ed/20060419-093142-9219r.htm> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁵² Сейдахметова Ботагоз. Большая нефтяная зависимость. *Новое Поколение*. 2007, 2 марта, № 8 (456). <http://www.nP.kz/2007/08/rmir1.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁵³ Сухова Ольга. США хотят обвести Россию вокруг нефти. *РИА Новости*. 2006, 18 сентября. <http://www.rian.ru/review/20060918/53999694.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.); Сейдахметова Ботагоз. Большая нефтяная зависимость. *Новое Поколение*. 2007, 2 марта, № 8 (456). <http://www.nP.kz/2007/08/rmir1.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁵⁴ Сухова Ольга. США хотят обвести Россию вокруг нефти. *РИА Новости*. 2006, 18 сентября. <http://www.rian.ru/review/20060918/53999694.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

- ⁵⁵ Сейдахметова Ботагоз. Большая нефтяная зависимость. *Новое Поколение*. 2007, 2 марта, № 8 (456). <http://www.nP.kz/2007/08/rmir1.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁵⁶ Разведка и добыча за рубежом. *Лукойл*. http://www.lukoil.ru/static_6_5id_255_.html (последнее посещение – 20 января 2008 г.); Калабин Василий. ГАЗные поиски. *Центрально-Азиатский Интернет-Журнал Оазис*. 2007, январь, № 2 (46). <http://ca-oasis.info/oasis/?jrn=47&id=360> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁵⁷ Информация по разведке и добыче Роснефти. <http://www.rosneft.ru/Upstream/Exploration/ExplorationAssets/Kazakhstan/> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁵⁸ Калабин Василий. ГАЗные поиски. *Центрально-Азиатский Интернет-Журнал Оазис*. 2007, январь, № 2 (46). <http://ca-oasis.info/oasis/?jrn=47&id=360> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁵⁹ Перцев Дмитрий. Кашаган-сяо. *Газета*. 2007, 15 февраля. <http://www.gazeta.kz/art.asp?id=87023> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁶⁰ Куликов Сергей. Удар в подбрюшье. *Независимая Газета*. 2006, 29 ноября. http://www.ng.ru/economics/2006-11-29///5_udar.html (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁶¹ Источник: Якунин В.И., Порфирьев Б.Н., Арбатов А.А., Белова М.А., Сулакшин С.С., Фейгин В.И. Энергетический вектор восточной геополитики России: Выбор путей транспортировки нефти на Дальний Восток, в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. М., 2006. С. 91.
- ⁶² Российская нефть потечет в Китай мимо железной дороги. *Независимая Газета*. 2007, 27 ноября.
- ⁶³ Екатерина Дербилова. «Роснефть» не пускают в Китай. *Ведомости*. 2007, 15 января.
- ⁶⁴ Российская нефть потечет в Китай мимо железной дороги. *Независимая Газета*. 2007, 27 ноября.
- ⁶⁵ Нефтепровод из Казахстана в КНР в 2007 г. не выйдет на проектную мощность. 2007, 9 февраля. <http://nomad.su/?a=4-200702090315> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Роснефть и Синорес обсуждают планы совместной деятельности по проекту «Сахалин-3» и в Казахстане. *Агентство Бизнес-Новостей*. 2007, 7 марта. http://www.abnews.ru/tem.php?tax1=9&news_id=54130 (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁶⁸ Колесникова Екатерина. Тяжелая доля китайцев. *RBC Daily*. 2007, 1 августа. <http://www.rbcdaily.ru/2007/08/01/tek/285467> (последнее посещение – 8 августа 2007 г.).
- ⁶⁹ Лукин Олег. Противогаз Туркмени. *Нефтегазовая Вертикаль*. 2006, № 1. http://www.turkmenistan.ru/?page_id=6&lang_id=ru&elem_id=7646&type=event&sort=date_desc (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁷⁰ Генеральное соглашение о реализации проекта газопровода Туркменистан – Китай. Подписано 3 апреля 2006 г. http://www.turkmenistan.ru/?page_id=5&lang_id=ru&elem_id=7965&type=event&sort=date_desc (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁷¹ Сытпаев Досым. Китай на проводе. *Независимая Газета*. 2007, 22 января. http://www.ng.ru/courier/2007-01-22/19_china.html (последнее посещение – 20 января 2008 г.). К тому же Пекин уже предоставил Туркмении долгосрочный льготный кредит в 300 млн долл. сроком на 20 лет под 3% годовых. Он пойдет на реконструкцию производственного объединения Марьязот и строительство стекольного комбината. Это первый долгосрочный иностранный кредит, который получила Туркмения за последние годы.
- ⁷² Томберг Игорь. Борьба за газ Центральной Азии вступила в новую фазу. *Фонд Стратегической Культуры*. 2006, 11 сентября. <http://www.fondsk.ru/article.php?id=271> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁷³ Туркменский газ подорожал. Газовая дубинка на этот раз не в российских руках. *Globalrus*. 2007, 29 ноября. www.globalrus.ru/news/784524/ (последнее посещение – 20 января 2008 г.).
- ⁷⁴ Встреча автора с В.С. Миловым. 2007, 12 апреля.
- ⁷⁵ Генеральное соглашение о реализации проекта газопровода Туркменистан – Китай. Подписано 3 апреля 2006. http://www.turkmenistan.ru/?page_id=5&lang_id=ru&elem_id=7965&type=event&sort=date_desc (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁷⁶ См. подробнее: Чарыяров А. Перспективы сотрудничества Туркмении и Китая. 2007, 1 февраля. <http://www.easttime.ru/analytic/1/2/105.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁷⁷ Россия и Туркменистан подтвердили взаимные обязательства в газовой сфере. 2007, 15 февраля. <http://www.podrobnosti.ua/economy/energetical/2007/02/15/396623.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁷⁸ Красинская Анастасия. Все газопроводы ведут в Китай. *РБК Daily*. 2007, 3 мая. <http://www.rbcdaily.ru/2007/05/03/tek/274494> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁷⁹ Узбекистан ждет инвесторов с Востока. *Институт по освещению войны и мира*. 2007, 25 февраля. http://iwpr.net/?arc_state=henirca2005&l=ru&s=f&o=257352 (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Наумов Игорь. Газовый ключ к Ташкенту. *РБК Daily*. 2007, 7 марта. <http://www.rbcdaily.ru/2007/03/07/tek/267648> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁸² Узбекистан увеличит поставки природного газа Газпрому. 2007, 19 февраля. <http://www.oilru.com/news/40856/> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

⁸³ Лавров Андрей. Узбекистан не торопится в газовую ОПЕК. *Газета*. 2007, 8 марта. № 42. <http://gzt.ru/business/2007/03/08/200013.html> (последнее посещение – 20 января 2008 г.).

Юрий Морозов, Сорен Бо Бойесен¹

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И НАТО В ОБЛАСТИ СОВМЕСТНОГО МИРОТВОРЧЕСТВА

Миротворческая деятельность является одним из важнейших элементов национальной и коллективной безопасности многих стран мира, направленной на стабилизацию обстановки в *горячих точках* планеты.

В 2008 г. мировое сообщество отмечает 60-ю годовщину со дня первой миротворческой миссии ООН (миссия была учреждена 29 мая 1948 г. как Орган ООН по наблюдению за соблюдением условий перемирия). Россия же значительно отстала от мирового сообщества в области миротворчества – в том же 2008 г. будет отмечаться лишь 35-летие участия России в ооновских миротворческих миссиях².

На региональном уровне в 1995–2003 гг., впервые после холодной войны, преодолев лед отчуждения, миротворческие силы России совместно со странами НАТО и с другими государствами мира участвовали в стабилизации обстановки на Балканах. Воинские контингенты Российской Федерации и стран Альянса приобрели уникальный опыт взаимодействия в ходе операций IFOR/SFOR и KFOR на территории бывшей Югославии, потенциал которого можно использовать в будущем. Тем более что в начале XXI в. на евроазиатском континенте продолжает существовать ряд неурегулированных конфликтов (на Кипре, в Косово, в Приднестровье, в Грузии, Нагорном Карабахе и Афганистане).

Ряд неурегулированных конфликтов находится на постсоветском пространстве, где Россия практически в одиночестве пытается завершить их мирное урегулирование³. В настоящее время процесс мирного разрешения конфликтов в Молдове/Приднестровье, Южной Осетии/Грузии/Абхазии застопорился, реальных подвижек в области улучшения обстановки в этих конфликтных зонах постсоветского пространства не наблюдается. А *тлеющий* конфликт вокруг Нагорного Карабаха вновь может возобновиться, что приведет к нестабильности ситуации на Кавказе и в Прикаспийском регионе. Поэтому тенденции развития военно-политической обстановки на постсоветском пространстве в XXI в. объективно обуславливают целесообразность перехода от проведения самостоятельных операций России к действиям в рамках совместного миротворчества с региональными европейскими организациями/союзами, в которые Россия не входит.

Авторами статьи предлагается конкретная схема совместного миротворчества России и НАТО, которая может послужить определенной моделью для формирования направлений сотрудничества с другими организациями безопасности на региональном уровне. При этом главным условием реализации предлагаемой схемы сотрудничества на практике будет наличие *политической воли сторон*, участвующих в урегулировании конфликтов.

А
Н
А
Л
И
З

СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТОВ В РАМКАХ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Следует отметить, что соответствующие международно-правовые нормы миротворчества развиваются и изменяются в связи с расширением диапазона проведения операций. Эти правила в основном соответствуют основным принципам Устава ООН и при контроле за действиями миротворцев со стороны Совета Безопасности (СБ) ООН, поскольку без его согласия не может быть принято никакого легитимного решения, особенно о применении принудительных мер с использованием военной силы. К сожалению, в рамках существующей системы коллективной безопасности миротворчество не свободно от ряда существенных недостатков, таких как: длительность процедур принятия и компромиссный характер ключевых решений в области урегулирования конфликтов; зависимость их реализации от политической конъюнктуры, дисбаланса национальных и групповых интересов стран – участниц миротворческих операций; отсутствие потенциала быстрого реагирования; проблемы, связанные с планированием и управлением операциями; слабость системы материально-технического обеспечения и финансирования миротворческих операций; отсутствие *стратегии выхода* из затянувшихся и теряющих положительные перспективы операций и ряд других недостатков.

Характерной чертой новых миротворческих концепций становится их приспособление к решению задач *управления кризисами*. По существу, происходит слияние действий по поддержанию мира, принуждению к миру и собственно ведения войны в единый *спектр конфликта*, при котором миротворческие силы имеют возможности адекватной деэскалации вооруженного насилия.

Вследствие тенденции к ужесточению вооруженных конфликтов, смещению основной их массы во внутригосударственную плоскость происходит отход от принципов традиционного миротворчества. А это ведет к расширению области применения военной силы в рамках миротворческих операций. При этом международное сообщество все чаще вынуждено вмешиваться во внутригосударственные конфликты, предотвращая *гуманитарные катастрофы* и дестабилизацию обстановки в регионах, прилегающих к этим конфликтным зонам.

Для стабилизации обстановки в регионах мира все чаще стали проводиться операции по *принуждению к миру*, организуемые в соответствии с Уставом ООН, но в которых главенствующая роль принадлежит не ООН, а *коалиции заинтересованных стран* во главе со страной-лидером или региональной структурой безопасности. Такие операции проводились Россией на постсоветском пространстве и НАТО на Балканах (IFOR/SFOR и KFOR). Таким образом, расширению сферы миротворческой деятельности способствует и такой фактор, как *регионализация* миротворческих акций.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Характерной чертой развития теории и практики миротворчества стала его *регионализация*, связанная с тем, что ООН уже не справляется со своевременным предупреждением/ликвидацией назревающих или разразившихся локальных военных конфликтов. О своем праве на ведущую роль в деятельности по поддержанию и восстановлению мира и безопасности в регионах планеты заявили авторитетные региональные организации – ЕС, ОБСЕ, НАТО, СНГ. Так, например, структуры ЕС привлекались к блокаде бывшей Югославии (1994 г.) и к операции в Косово (с 1999 г.). До 1 июля 2001 г. ЕС/Западноевропейский союз (ЗЕС) проводили три операции на Балканах: Наблюдательная миссия ЕС (с июля 1991 г.) в бывшей Югославии; Многонациональный консультативный комитет помощи для Албании (с мая 1997 г.); Миссия ЗЕС по оказанию помощи по разминированию в Хорватии (с мая 1999 г.). По мандату ООН ЕС проводил операции и в Палестине (Хеврон), и в Конго. Также усилилась активность в области миротворчества и Африканского союза (операция в Дарфуре совместно с ООН).

Очевидно, усиление активности региональных организаций в этой области будет продолжаться в краткосрочной и среднесрочной перспективе XXI в.

Очевидно и другое – в XXI в. военно-политический климат в евроазиатском регионе во многом будет определяться состоянием отношений между Россией и структурами безопасности, куда входит Россия (ОБСЕ, СНГ, ОДКБ, ШОС), с одной стороны, и западными структурами безопасности (ЕС, НАТО), с другой стороны. Накоплен определенный положительный опыт сотрудничества обеих сторон в миротворческой деятельности, наметились точки соприкосновения в военной и экономической сферах, а также в различных областях гуманитарной деятельности. Однако отношения между ними еще не приняли необратимый характер сближения и партнерства. Поэтому процесс поиска путей повышения эффективности регионального миротворчества в XXI в. еще далеко не завершен и неоднозначен. Он демонстрирует как положительные, так и отрицательные черты.

С развитием и регионализацией миротворчества как никогда остро встает проблема единого понимания его сущности. Следует констатировать, что, несмотря на относительную унификацию концептуальных подходов и соответствующего понятийного аппарата миротворчества в рамках ООН и региональных организаций и объединений, в настоящее время не существует единой, строго выверенной и согласованной терминологии, единого международно-принятого понятийного аппарата, описывающих элементы, категории миротворчества.

Так, в связи с бурной эволюцией практического миротворчества получили широкое хождение такие понятия, как *коалиционное миротворчество*, *полицейские операции*, *гуманитарная интервенция*. Кроме того, даже экспертному сообществу трудно разобраться в терминах, используемых в отношении миротворческих сил. Например, на постсоветском пространстве действуют *коллективные, смешанные и совместные* миротворческие силы, на Балканах – *многонациональные силы, силы по выполнению мирных соглашений, силы стабилизации, силы для Косово* и т. д.

Недостаточная разработанность, а по отдельным сферам и направлениям отсутствие в рамках региональных организаций единых подходов к миротворчеству не позволяет сформировать эффективно действующую модель евроазиатской безопасности, создает опасные прецеденты неконтролируемого вмешательства, порождает определенный антагонизм в отношениях между государствами в регионе.

Поэтому актуальной задачей в XXI в. является необходимость кодификации международного миротворчества во всех его многообразных проявлениях. Она должна стать результатом скоординированной работы ООН, региональных организаций и отдельных стран, активно участвующих в миротворческом процессе, с тем чтобы восполнить юридические пробелы, снижающие эффективность миротворческой деятельности, позволяющие под видом миротворчества нарушать общие принципы Устава ООН.

МИРОТВОРЧЕСТВО РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Особенности миротворческих операций России на территории СНГ во многом определялись специфическими условиями внутригосударственных вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР в весьма специфический, или же *ранний*, период после окончания холодной войны, когда еще существовали объективные трудности и препятствия к развертыванию многосторонних миротворческих операций на постсоветском пространстве. Поэтому в период дезинтеграции СССР миротворческие операции РФ носили *реактивный характер*, осложненный отпечатками субъективных отношений между Россией и странами СНГ. Миротворческие силы России зачастую формировались на базе воинских частей, расположенных в зонах конфликтов бывшего СССР⁴. Также следует отметить, что до 1992 г.⁵ Россия никогда не направляла свои войска для участия в миротворческих операциях под эгидой ООН или другой организации.

Угрозы национальной безопасности, связанные с локальными военными конфликтами по периметру границ, заставили Россию экстренно создавать нормативно-правовую базу миротворчества и практически параллельно развертывать операции по поддержанию мира, овладевая теорией и практикой всех аспектов миротворческой деятельности

по урегулированию конфликтов, адаптировать мировой опыт к конкретным условиям, сложившимся в конфликтных регионах постсоветского пространства.

В целом, характерными чертами и одновременно проблемами миротворческих операций на постсоветском пространстве являются:

- ❑ отсутствие прямого мандата ООН для операций на постсоветском пространстве и ограниченное участие стран СНГ (в Таджикистане) в миротворческих операциях по мандату Содружества или делегирование своих полномочий России (в Абхазии). При учреждении операции не назначается глава миссии. По этой причине ослаблен политический контроль со стороны учреждающего операцию органа;
- ❑ проведение операций без мандата Содружества (в Южной Осетии и Приднестровье) с нетипичным, но эффективным привлечением *лояльных* контингентов самих конфликтующих сторон;
- ❑ нечеткое выполнение требований *равноудаленности* и поддержка миротворцами одной из сторон конфликта на отдельных этапах операций, *размытость* граней между операциями по поддержанию мира и силовому принуждению к миру (в Таджикистане);
- ❑ разрыв между военной, политической и экономической составляющими операций, вынужденное взятие военными на себя некоторых экономических задач постконфликтного урегулирования.

Одна из главных проблем российского миротворчества на территории СНГ состоит в том, что, остановив насилие более 10–15 лет назад, конфликтующие стороны и их посредники крайне незначительно продвинулись по пути политического урегулирования имеющихся противоречий. И в Абхазии, и в Южной Осетии, и в Приднестровье миротворческие силы разъединили противоборствующие стороны и не допускают возобновления военных действий. Эти конфликты *законсервированы*. В то же время реальностью остаются нестабильная обстановка в этих регионах, разрушенная экономика и системы жизнеобеспечения, нарушенные транспортные связи, сотни тысяч беженцев и перемещенных лиц живут на чужбине.

К сильным сторонам миротворческой деятельности России следует отнести⁶:

- ❑ рациональная структура и схема расположения миротворческих сил, которая позволяет обеспечить соблюдение прекращения огня и других положений соглашений;
- ❑ достаточный уровень подготовки личного состава, который учитывает специфику выполнения миротворческих функций в зонах проведения операций и соблюдение основополагающих принципов ООН, предъявляемых к миротворцам;
- ❑ обеспечение прекращения военных действий сторон, своевременное предупреждение военных провокаций, недопущение действий незаконных вооруженных и бандитских формирований, участие в пресечении транзита оружия, боеприпасов и наркотиков, разминирование местности, обеспечение частичного возвращения беженцев, выполнение отдельных задач по социальной и экономической реабилитации районов конфликтов;
- ❑ рациональное взаимодействие между российскими миротворцами и миссиями ООН и ОБСЕ по основным направлениям стабилизации обстановки в текущих операциях на оперативно-тактическом уровне и осуществление *разделения труда* в зоне их действия;
- ❑ развитие и укрепление правовой базы миротворчества на основе практики проводимых операций, переход к все большему учету стандартов и требований ООН.

В целом, признавая существующие несоответствия нормам, принятым в ООН, необходимо отметить, что опыт проведения операций на территории СНГ с участием российских миротворцев подтвердил право на жизнь данного подхода. В подтверждение этого можно привести высказывание бывшего Генерального Секретаря ООН Бутроса Гали: «...Для достижения успеха и отражения меняющихся потребностей сообщества государств методы для осуществления операций по поддержанию мира приходится все время изобретать заново... сегодня имеется столько видов операций по поддержанию мира, сколько и видов конфликтов». На наш взгляд, нельзя считать устоявшейся и закрепленной за операциями под эгидой ООН классическую практику миротворческих операций. Действия в Афганистане, Сомали и бывшей Югославии показали, что в практике операций ООН проявляются новые тенденции, сближающие их с практикой операций в СНГ.

Одним из направлений улучшения миротворческой деятельности России явилось создание 1 февраля 2005 г. 15-й отдельной мотострелковой бригады, которая предназначена для участия в международных миротворческих операциях по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности по решению Правительства РФ. Общая численность бригады составляет: военнослужащих – 2158 человек, гражданского персонала – 23 человека.

УРОКИ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ НА БАЛКАНАХ ПОД ЭГИДОЙ НАТО

По сравнению с *замороженными* конфликтами на постсоветском пространстве многонациональные миротворческие силы (с участием России) под эгидой НАТО и по мандату ООН, наделенные большими полномочиями, особенно в праве применения военной силы, стали надежным гарантом выполнения мирных соглашений на Балканах. К началу XXI в. цели миротворческих операций в бывшей Югославии были в основном достигнуты. Их главным итогом, характеризующим результативность действий многонациональных оперативных сил (МОС), явилось прекращение гражданской войны в Боснии и Герцеговине, Хорватии и в Косово⁷.

Окончание боевых действий было намного более важным событием, чем просто прекращение огня. Оно способствовало процессу реформ и восстановления, в ходе которого был создан потенциал самоуправления, проведено частичное уничтожение оружия и боеприпасов, стали более эффективно преследовать и предавать суду военных преступников. Благодаря этому бывшие воюющие стороны смогли приступить к развитию диалога, используя структуры и инструменты демократического процесса, содействовать продвижению по пути к восстановлению мира. Так, динамизм НАТО позволил совершить *гладкий переход* от операции Альянса к операции ЕС⁸.

Вместе с тем миротворческие силы под эгидой НАТО на Балканах явились в определенной степени и заложниками политической ситуации, сложившейся в результате взаимодействия многих факторов, которые необходимо учитывать в будущем. Основными из них являются:

- стремление одной стороны (этнической общины) добиться доминирующего положения в рамках единого государства (например, косоваров по отношению к сербам в Косово);
- различие взглядов руководства бывших конфликтовавших сторон (БКС) на сущность основных проблем мирного урегулирования конфликтов и путей их урегулирования (например, хорватов и боснийских сербов в Боснии и Герцеговине, различия во взглядах Белграда и Приштины на будущее Косово);
- несбалансированный подход международных и неправительственных организаций к оказанию различных видов помощи этническим общинам (конфессиям), зачастую порождавших недоверие к деятельности этих организаций.

Не до конца решенной остается проблема беженцев на Балканах. После подписания соответствующих договоров руководителями БКС темпы возвращения беженцев к местам их прежнего проживания увеличились незначительно. Одна из основных проблем с беженцами – это не столько возвращение из западноевропейских стран (откуда они совершенно не спешат возвращаться), сколько проблема полумиллиона сербских беженцев со всей бывшей Югославии в самой Сербии – им уделяется мало международного внимания, даже в чисто гуманитарном плане, они плохо интегрированы экономически, и возвращаться им некуда.

Среди наиболее распространенных причин, из-за которых МОС зачастую не достигали поставленных задач операций, можно выделить следующие: миротворцы утрачивали доверие и согласие БКС; воинские контингенты в силу различных, нередко не зависящих от них причин выполняли более широкие задачи по сравнению с теми, которые ставились в первоначальном мандате на проведение операции. Это приводило к соответствующему увеличению состава военных сил миссий⁹.

Анализ практики проведения операций МОС показал необходимость дополнительного исследования вопросов соотношения применения военных и невоенных мер по выполнению мирных соглашений, тылового обеспечения и системы предоставления национальных воинских контингентов.

Следует также отметить, что даже при наличии мощной группировки МОС гражданский компонент миссий по планируемыми срокам нередко не достигал успеха в решении задач соглашений невоенными средствами. Причины неуспеха в деятельности международных организаций и неправительственных организаций (НПО) в операциях на Балканах сводятся к следующему:

- ❑ международные организации за годы своей деятельности на Балканах не смогли организовать тесно взаимосвязанную с военным компонентом МОС инфраструктуру, способную эффективно влиять на развитие обстановки и скоординировать деятельность многочисленных НПО в зонах конфликтов, хотя их вклад в экономическую реабилитацию районов, пострадавших в ходе военных действий, был гораздо весомее по сравнению с действиями миротворцев на постсоветском пространстве;
- ❑ без поддержки со стороны МОС решение комплекса задач по стабилизации обстановки невоенными средствами было обречено на низкую результативность, что отвлекало МОС от выполнения своих (типично военных) задач;
- ❑ результаты зачастую бессистемной практической деятельности НПО на Балканах (в частности, в Боснии и Герцеговине) так и не смогли обрести достаточного авторитета среди местного населения, особенно у сербского.

Все это увеличивало сроки достижения целей соглашений, вело к росту числа жертв среди состава миротворческих сил, вынуждало СБ ООН продлевать мандаты на проведение операций.

К основным военным аспектам проблем, выявленным в ходе проведения миротворческих операций НАТО совместно с Россией, следует отнести:

- ❑ наличие национальных нормативно-правовых ограничений применения воинских контингентов, что приводило к неопределенности в организации согласованного боевого применения войск (сил) в регионе;
- ❑ частичные проявления двойных стандартов со стороны миротворцев по отношению к БКС¹⁰, порождающие недоверие в искренности намерений МОС;
- ❑ разрыв единого *ствола управления* российским контингентом на оперативном уровне управления¹¹;

- ❑ несоответствие понятий и терминов, штабных процедур, принятых в национальных вооруженных силах стран, не входящих в НАТО, стандартам и процедурам Альянса;
- ❑ разница в требованиях, предъявляемых к подготовке личного состава, вооружения и военной техники национальных контингентов, ведущая к усложнению расчетных сроков и степени выполнения поставленных задач;
- ❑ проблемы совместимости средств управления войсками и оружием вооруженных сил НАТО и других стран, не входящих в Альянс;
- ❑ наличие языкового барьера, обуславливающего трудности в вопросах взаимодействия национальных подразделений.

Очевидно, как положительный, так и отрицательный опыт совместного миротворчества на Балканах необходимо учитывать в будущем. В первую очередь это касается системы подготовки и основ применения отдельной миротворческой бригады России.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВМЕСТНОГО МИРОТВОРЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН АЛЬЯНСА

К перспективным направлениям сотрудничества России и НАТО в области миротворчества можно отнести прежде всего подключение России к процессу планирования миротворческих учений НАТО и ее более весомое участие в самих учениях, так же как участие представителей НАТО в процессе планирования и проведения учений российской стороной. Создание специализированной (политической) группы для оказания помощи при планировании *легенды учений*. Это может стать механизмом, способствующим исключению возможности принятия сценариев учений, которые могут косвенно носить провокационный характер.

Не менее важным кажется планирование возможности выделения Россией и НАТО миротворческих сил *повышенной боевой готовности* с целью быстрого реагирования в случае необходимости на кризисные ситуации в регионах мира, представляющих общий интерес, а также формирование основ совместного управления, материально-технического обеспечения и поддержки взаимодействия совместной миротворческой деятельности. В более отдаленной перспективе возможно создание совместной бригады Россия-НАТО¹², придание этой совместной бригаде статуса *миротворческой* и использование ее возможностей при проведении миротворческих акций на общем геополитическом пространстве объединенными усилиями.

Следует отметить, что в настоящее время для России по политическим мотивам тема практического сотрудничества в области совместного миротворчества с Альянсом в Афганистане или на Балканах не является приоритетом. Однако в перспективе возможно расширение сотрудничества в этой области, например, на постсоветском пространстве (содействие разрешению карабахского конфликта) и на Африканском континенте, включая операции по поддержанию мира и миростроительство, определение конкретных сфер сотрудничества в области антикризисного реагирования или действия при чрезвычайных обстоятельствах и ликвидации очагов катастроф и стихийных бедствий. Сотрудничество также возможно и в других нестабильных или потенциально опасных районах мира.

Однако на этом пути есть немало проблем, которые могут затормозить усилия Альянса и России по обеспечению мира и безопасности на общем геополитическом пространстве совместными усилиями. В обобщенном виде их можно свести в группу вопросов, требующих ответов в ближайшей перспективе.

Пойдут ли государства – члены Альянса на участие в совместной миротворческой операции в регионе, где нет их национальных интересов, подчиняясь только существующим союзным договорам и хартиям? Захотят ли страны, где назревают/происходят локальные внутренние военные конфликты, допустить вмешательство внешних сил в сфе-

ру их внутренней деятельности? Как быть с непризнанными, но *де-факто* существующими государственными образованиями, появившимися в результате локальных военных конфликтов (например, Абхазия, Приднестровье, Нагорный Карабах)?

И, наконец, главный вопрос – готов ли Брюссель, взяв на себя ответственность совместного регионального миротворчества, реально сотрудничать с Россией в этой области? На этот же вопрос должна ответить и Москва.

Ответы на эти вопросы потребуются для формирования реального механизма сотрудничества между Россией и НАТО в области совместного миротворчества, в котором возможно объединение их усилий (или их перераспределение).

Несмотря на сложность решения поставленных вопросов, у сторонников интеграции в области миротворчества есть аргументы, свидетельствующие об объективной необходимости объединения усилий в интересах стабилизации обстановки на общем геополитическом пространстве.

Во-первых, государства, региональные организации и союзы в начале XXI в. столкнулись с видами угроз и опасностей, парирование которых исключает применение военной силы в ее традиционных формах и способах. Вместе с тем, в некоторых ситуациях использование военной силы для прекращения боевых действий конфликтующих сторон было и будет просто необходимым в рамках проведения миротворческих операций¹³.

Во-вторых, у организаций/союзов и России есть не только законодательные/нормативно-правовые акты в области миротворчества, но и соответствующие силы для их выполнения¹⁴.

В-третьих, как уже отмечалось, и у стран НАТО, и у России есть опыт проведения самостоятельных миротворческих операций, а у миротворческих контингентов этих стран есть опыт совместных действий при проведении операций¹⁵.

И, наконец, в-четвертых, в современных условиях для локализации конфликтов на евроазиатском пространстве, все чаще стали использоваться миротворческие силы *коалиций заинтересованных стран*, а не всей организации/союза, способные быстро реагировать на конфликтогенную обстановку в регионе.

Таким образом, приведенные факты служат аргументом в пользу углубленного сотрудничества между Россией, ЕС и НАТО в области совместного миротворчества.

ОБЩИЕ УГРОЗЫ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Одним из возможных вариантов развития процессов урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве может стать трансформация текущих операций России, СНГ и ОБСЕ, ООН в комплексные многоаспектные операции при широком участии в них военного, полицейского и гражданского персонала других государств, организаций/союзов. Очевидно, что смена существующих миротворческих операций на многонациональные миротворческие миссии по мандату ООН/ОБСЕ до полного политического урегулирования кризиса могла бы дать толчок к урегулированию большинства существующих проблем.

Кроме того, полиэтничность и многоконфессиональность неурегулированных конфликтов начала XXI в. на Балканах и на постсоветском пространстве, со свойственными им феноменом разделенных народов, невозможностью возвращения беженцев к местам их прежнего проживания в условиях нерешенных социально-экономических проблем, таят в себе потенциал повышенной опасности для многих стран Евразии. Этот потенциал *подогревается* нерешенной проблемой соотношения права нации/национальности на самоопределение и сохранения единства государственной целостности. Анализ тенденций развития обстановки в этих регионах показывает, что они взаимосвязаны, имеют много общих черт и представляют потенциальную военную угрозу национальным интересам как Российской Федерации, так и странам, входящим в Альянс.

Существующие общие угрозы в области безопасности представляют собой не только вызовы для региональной стабильности, но и возможность для НАТО переоценить содержание своих отношений с Россией в области миротворчества с учетом взаимозависимости в обеспечении жизненно важных интересов безопасности.

Несмотря на определенные расхождения в подходах стран НАТО и России к проведению операций, можно утверждать, что в перспективе их сотрудничество в области совместного миротворчества может стать одним из краеугольных камней обеспечения безопасности в мире. Тем более что Россия в своей миротворческой деятельности не проявляет стремления к *самоизоляции*, она выступает за более весомое участие международных организаций в урегулировании конфликтов, исходя из того, что они угрожают не только национальной, но региональной и глобальной безопасности. Это связано с тем, что национальные, в том числе базовые, интересы государств евроазиатского региона¹⁶ могут быть подвержены воздействию разнообразного спектра угроз, которые формируются в результате того или иного развития военно-политической обстановки и могут проявляться в политической, военно-политической и силовой формах. Причем ни одна страна, даже очень сильная, не способна справиться с новыми угрозами в одиночку, а потому здесь нужны совместные усилия многих стран.

ВОЗМОЖНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕКУЩИХ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Одним из возможных вариантов развития процессов урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве может стать трансформация текущих операций России, СНГ и ООН в комплексные многоаспектные операции при широком участии в них военного, полицейского и гражданского персонала других государств, в частности из стран – участниц НАТО и ОБСЕ (например, в Грузии и Молдавии). Очевидно, что смена существующих миротворческих операций на многонациональные миротворческие миссии по мандату ООН/ОБСЕ до полного политического урегулирования кризиса могла бы дать толчок к урегулированию большинства существующих проблем. Акцент в выполнении будущих задач было бы целесообразно нацелить на обеспечение гарантий достигнутых сторонами договоренностей в военно-политической и экономической областях, на реализацию миротворческо-полицейских функций в зонах безопасности. Такие подходы соответствуют правилам формирования и задействования миротворческих контингентов ООН на завершающем этапе миростроительства в зонах конфликтов.

Кроме того, власти в Молдавии и в Грузии, а также другие акторы, участвующие в мирном урегулировании *законсервированных* конфликтов, склоняются к мнению о необходимости более весомого участия ОБСЕ и НАТО в урегулировании конфликтов. Если же будет достигнуто согласие всех сторон, участвующих в построении мира, то на постсоветском пространстве, помимо российских миротворцев, могут появиться и миротворческие контингенты НАТО или в перспективе ЕС. Смещение акцентов от поддержания мира к миростроительству позволит использовать накопленный потенциал сотрудничества для принятия более эффективных мер по обеспечению организованного возвращения беженцев и перемещенных лиц, экономической реабилитации регионов, пострадавших в ходе боевых действий.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВМЕСТНОГО МИРОТВОРЧЕСТВА

Можно утверждать, что основы для совместного миротворчества России и региональных организаций/союзов в XXI в. реально существуют. Так, например, главы государств и правительств стран – членов НАТО и России договорились о сотрудничестве в области кризисного регулирования¹⁷. Также было принято решение о создании и дальнейшем развитии базовой Концепции совместных миротворческих операций России/НАТО¹⁸. Первый документ в этой области был разработан Рабочей группой Совета Россия-НАТО (СРН) в 2002 г., который можно взять за основу для подобных документов в области сотрудничества России с другими региональными организациями.

Россия не является ни членом НАТО, ни членом ЕС, но, учитывая схожесть нормативно-правовых актов НАТО и ЕС в области миротворчества, их совпадающие интересы на общем геополитическом пространстве, представляется возможным использовать нижеприведенные военно-политические основы и направления подготовки совместных операций в рамках развития взаимоотношений России и ЕС в области миротворчества на региональном уровне.

Военно-политические аспекты сотрудничества носят прагматический характер и поэтому могут использоваться на практике. Они затрагивают, помимо прочего, процедуры участия на равноправной основе в консультациях, планировании, принятии решений, политическом контроле и стратегическом руководстве совместными миротворческими операциями России и НАТО во всем спектре миротворческой деятельности. Решения по этим вопросам должны приниматься консенсусом в каждом конкретном случае. Совместные операции Россия/НАТО как для России, так и для НАТО рассматриваются как один из вариантов проведения миротворческих операций. Они не влекут никаких прямых последствий для текущих операций на постсоветском пространстве, Балканах и в Афганистане¹⁹.

Совместная миротворческая операция под эгидой СРН может потребовать применения военной силы, как это предусмотрено Уставом ООН. В дополнение к этому по требованию любого члена СРН для операции может быть запрошен мандат СБ ООН. В любом случае применение силы должно соответствовать положениям международного права, включая Устав ООН и решения СБ ООН, в соответствии с положениями и принципами хельсинкского Заключительного акта и Хартии европейской безопасности ОБСЕ²⁰. Кроме того, предполагается, что совместная миротворческая операция будет проводиться на основании прямо выраженного согласия принимающего государства и сторон конфликта, если иное специально прямо не предусмотрено соответствующим мандатом СБ ООН²¹.

Совместная операция должна быть транспарентна настолько, насколько это возможно, принимая во внимание оперативные требования операции, включая необходимость обеспечения безопасности личного состава, принимающего в ней участие.

ВОЗМОЖНЫЙ АЛГОРИТМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ И ПЛАНИРОВАНИЕ ОПЕРАЦИЙ

Базируясь на опыте работы в структурах ООН, НАТО и Генерального штаба вооруженных сил РФ, авторы статьи предлагают следующий алгоритм принятия решений и планирования операций. Предполагается, что рабочим механизмом и основным военно-политическим органом для консультаций, сотрудничества, совместных решений и совместных действий вооруженных сил России и государств – членов НАТО будет СРН. В его рамках Россия и государства – члены НАТО будут регулярно обсуждать области, представляющие общий интерес, а также угрозы и риски для общей безопасности. Итоговая цель консультаций должна состоять в раннем выявлении признаков развивающегося кризиса, предотвращении его эскалации и разрешении конфликтов мирными средствами.

Так, в условиях назревающего военного кризиса на региональном уровне Россия и государства – члены НАТО должны обмениваться информацией, рассматривать совместные заявления об их позиции по отношению к кризисной ситуации. В случае необходимости можно предпринимать и другие совместные меры по предотвращению конфликтов. Эта деятельность должна осуществляться с надлежащим учетом мероприятий других международных организаций, действующих в области превентивной дипломатии. В частности, в контексте назревающего кризиса основное внимание должно быть сосредоточено на предотвращении условий эскалации военного конфликта. В связи с этим возникает объективная необходимость в улучшении способов обмена разведданными по назревающему кризису.

В перспективе представляется целесообразным в рамках Рабочей группы СРН по миротворчеству разработать механизм объединенного воздействия на конфликтующие сто-

роны, прежде всего, дипломатическими методами с целью обеспечения мира и стабильности превентивными средствами. Также необходима и активная совместная поддержка представителей/организаций конфликтующих сторон, стремящихся не допустить перехода назревающего конфликта в его активную фазу с использованием военной силы и ее продолжения.

Планирование операций может осуществляться в Совместном многонациональном штабе с соблюдением соответствующих мер для равноправного российского участия в планировании. СРН может запрашивать экспертное мнение представителей военных органов управления сторон по стратегическим вариантам применения войск/сил, на базе которого будет проводиться военно-политическая оценка перспектив миротворческой операции. Согласованная военно-политическая оценка конфликтной ситуации в регионе будет являться основой для планирования операции.

Исходя из этого, Совет должен издать соответствующую иницилирующую директиву с поручением военным структурам России и НАТО разработать концепцию операции (или несколько), основанной на избранных вариантах/сценариях военных ответов совместными усилиями. В этом контексте СРН может учредить консультативный орган, например, Военно-политический комитет для консультирования Совета по военно-политическим вопросам, а с началом операции – для рассмотрения ее различных аспектов с целью подготовки рекомендаций и проектов решений для СРН²².

В последующем военно-политическое руководство России и государств – членов НАТО должно рассмотреть разработанную и одобренную органами военного управления концепцию совместных операций. По мнению авторов статьи, содержание этой концепции должно включать: конечные цели и краткое описание планируемой операции, ее задачи, систему управления, вопросы всестороннего обеспечения и контроля над подготовкой и ходом операции, согласованное планирование акций в военной и гражданской области, план работы со СМИ и международным сообществом и стратегию завершения операции.

Если Россия и государства – члены НАТО на политическом уровне придут к консенсусу относительно концепции операции и возможности ее проведения, они могут поручить военным структурам России и НАТО разработать детальный оперативный план применения совместных миротворческих сил (СМС). Желательно, чтобы одновременно с этим или еще до утверждения оперативного плана, был бы санкционирован процесс приведения национальных миротворческих сил в готовность к их применению.

Россия и государства – члены НАТО должны рассмотреть в Совете разработанный военными структурами оперативный план, включающий детальные предложения по проведению операции, ее конечной цели, задачам, вопросам и процедурам командования и контроля, правилам применения военной силы. При этом Россия и государства-члены НАТО должны договориться по положениям Соглашения о статусе сил и об обмене письмами с принимающим силы государством²³.

Издаваемая исполнительная директива Совета уполномочит военные структуры России и государств – членов НАТО приступить к выполнению положений оперативного плана. При этом будет необходимо отдельно согласовать процедуры формирования миротворческих сил и передачи полномочий единому органу управления, а также санкции на использование одобренных правил применения военной силы²⁴. Совет также должен осуществлять всеобъемлющий и непрерывный политический контроль и стратегическое руководство совместными миротворческими акциями России/НАТО, в частности, для обеспечения наиболее эффективной координации между политическими и военными органами сторон, участвующими в операции²⁵. Обзор/пересмотр оперативного плана может осуществляться под руководством и с одобрения Совета параллельным методом работы. СРН также должен иметь право отменить любой оперативный план в случае, если операция будет заменена альтернативным планом.

В случае необходимости через своего Генерального секретаря Совет может проводить консультации с ООН и с другими международными организациями. Должен быть предусмотрен и порядок информирования мировой общественности о совместной миротворческой операции.

В ходе проведения операции штабные структуры оперативно-тактического уровня России и НАТО должны представлять в Совет доклады на регулярной основе. Эти доклады могут включать: ситуационные доклады и сводки разведанных с такой согласованной в оперативном плане частотой, которая требуется для данной операции; специальные доклады по отдельным аспектам операции по запросу Совета или по инициативе военных структур России и НАТО.

Таким образом, для принятия решения об участии России и стран НАТО и ЕС в будущих совместных миротворческих операциях не только в Евразии, но и в других регионах мира важно учитывать следующие факторы:

- ❑ наличие в регионе реальной угрозы международному миру и безопасности;
- ❑ оценку целесообразности применения совместных миротворческих сил как наиболее подходящего средства разрешения кризиса, увязку учреждаемой операции с политическим процессом урегулирования конфликта;
- ❑ согласие правительств (конфликтующих сторон во внутреннем конфликте) на учреждение операции, наличие переговорного процесса между сторонами конфликта и перспектив его мирного урегулирования;
- ❑ точный и определенный мандат на проведение данной операции и степень воздействия национальных войск (сил) в операциях в других регионах мира и наличие сил и средств, финансовых возможностей для участия в учреждаемой операции;
- ❑ безопасность миротворческого контингента, и степень риска для него, и соответствие национального представительства в командовании миротворческих сил роли и численности воинского контингента в учреждаемой операции.

Военное вмешательство должно носить выборочный характер и осуществляться только там, где могут серьезно пострадать интересы безопасности. Во всех случаях цена и риск при привлечении войск, сил и средств должны быть тщательно проанализированы и приведены в соответствие с важностью поставленных целей.

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ МИРОТВОРЧЕСТВА

С учетом балканского опыта совместных действий многонациональных миротворческих сил к возможному механизму реализации основных направлений сотрудничества в области совместного миротворчества можно отнести: создание и развитие системы совместного мониторинга развития военно-политической обстановки в конфликтных регионах мира; совершенствование общей и национальной нормативно-правовой базы миротворческих сил, системы планирования и управления совместными миротворческими контингентами; развитие взаимодействия между военными и гражданскими компонентами миротворческих сил на различных уровнях и этапах проведения совместных операций; оценку эффективности применения миротворческих сил в ходе выполнения этапов операции.

Эффективность процесса совместного международного контроля и управления ситуацией в потенциальном конфликтном регионе зависит от многоуровневой межгосударственной системы мониторинга военно-политической обстановки на общем геополитическом пространстве. Очевидно, такая система может базироваться на единых организационно-методических принципах и объединять в своей функциональной структуре информационно-аналитические органы и технические средства получения информации различной национальной принадлежности.

Анализ операции многонациональных сил на Балканах подтверждает необходимость унификации правил ведения миротворческой операции, разработанных еще *до начала совместных действий*. Представляется целесообразным, чтобы унифицированные пра-

вила были согласованы не только с Уставами и положениями ООН и НАТО, но и с положениями национальных нормативно-правовых актов, которыми первоначально руководствуется каждое государство – участник операции. Очевидно, здесь должна быть соблюдена и обратная связь.

Первым шагом на пути к совместному миротворчеству после заключения соответствующих соглашений о совместных действиях на общем геополитическом пространстве может стать разработка проекта Концепции миротворческой деятельности на региональном уровне с привлечением международных экспертов ООН, ОБСЕ, СНГ и НАТО, ЕС и отдельных стран. Следующим шагом после национальной и международной экспертизы этого документа стал бы учет его основных положений в национальных законодательных актах. Параллельно с разработкой Концепции возможна унификация и доработка соответствующей национальной нормативно-правовой базы в области совместного миротворчества. Одновременно целесообразно уточнить (разработать) систему совместных практических мер превентивной деятельности в потенциальных конфликтно-генных районах с целью недопущения и предотвращения споров и конфликтов, ведущих к вооруженному противостоянию.

Одним из шагов на пути к совместному миротворчеству является совершенствование механизма принятия решений о проведении совместных миротворческих операций при безусловно равном участии соответствующих представителей национальных органов управления в коллегиальном планировании. Параллельно с совершенствованием механизма принятия решений целесообразно провести комплекс мероприятий по созданию интегрированной системы управления военным и гражданским компонентами совместных миротворческих сил на региональном и субрегиональном уровнях.

В области совместного миротворчества весьма важной явилась бы реализация комплекса мероприятий по формированию и поэтапному внедрению инвестиционных программ, обеспечивающих подготовку и совместное применение миротворческих сил. Очевидно, эта задача является наиболее сложной, но крайне необходимой для повышения результативности совместного миротворчества. Однако и эта проблема может быть решена за счет политической воли и желания сторон и их соответствующего экономического вклада в совместную миротворческую деятельность.

Как следствие выполнения предыдущих задач объективно необходимы выработка единых стандартов для проведения базовой и специальной подготовки для национальных миротворческих сил и создание общих региональных учебных центров на базе существующих национальных центров для совместной подготовки частей и подразделений миротворцев.

ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ ДЛЯ СОВМЕСТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Для повышения эффективности взаимодействия в будущих совместных миротворческих операциях членам СРН необходимо более детально изучить существующие системы подготовки миротворцев и возможности для координации учебных программ. Представляется целесообразным также учитывать и накопленный миротворческий опыт совместных действий. Это необходимо для последующего оказания взаимопомощи в подготовке миротворцев, в том числе путем организации совместных курсов или скоординированных инициатив в области их обучения. В программах обучения миротворцев на национальном уровне необходимо принимать во внимание имеющиеся возможности программы Партнерства ради мира, а также соответствующие рекомендации, согласованные в ранее одобренных СРН документах²⁶.

Для практики совместного миротворчества большое значение будет иметь начальная подготовка войск/сил к выполнению миротворческих функций, которая по своему содержанию должна быть достаточно разносторонней и может включать: совершенствование индивидуальной подготовки; проведение командно-штабных тренировок и учений; сборы и занятие по организации выполнения наиболее сложных задач.

Особое внимание в ходе индивидуальной подготовки целесообразно уделять уяснению миротворцами военно-политической ситуации в зоне конфликта, истории его возникновения и хода развития, знанию нравов и обычаев местного населения, вопросам правового обеспечения, умению вести переговоры с местным населением и использованию переводчиков.

РАЗВИТИЕ ОСНОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ВОЕННЫМИ И ГРАЖДАНСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ СМС

Учитывая вовлеченность в совместную миротворческую операцию различных гражданских организаций и воинских формирований, взаимодействие между ними до начала операции предлагается осуществлять на трех уровнях:

- **стратегический уровень взаимодействия** предполагает разработку мандата на проведение операции и согласование усилий политического, военного и гражданского руководства СМС с конфликтовавшими сторонами. Главная роль в этом, очевидно, должна принадлежать политическому органу (СРН), ответственному за проведение операции;
- **оперативный уровень взаимодействия** предполагает согласование усилий гражданского и военного компонентов СМС по отдельным этапам операции. Очевидно, здесь *пальма первенства* должна принадлежать военным органам (так как операции, как правило, начинаются с военной фазы стабилизации обстановки и управления конфликтом);
- **тактический уровень** предполагает организацию взаимодействия органов управления, частей и подразделений СМС, а также привлечение представителей бывших конфликтующих сторон (соответствующего уровня) при решении частных задач миротворческой операции.

Как представляется, на этапе планирования совместной миротворческой операции ее военные и гражданские аспекты должны быть тесно взаимосвязаны по целям, срокам и привлекаемым силам и средствам.

Важным предварительным условием для эффективного сотрудничества является необходимость четко и рационально распределить задачи среди различных организаций, участвующих в выполнении мандата миротворческой операции и мирного соглашения. Поэтому необходимо как можно раньше, на этапе планирования, наладить взаимодействие между организацией, дающей мандат, то есть ООН, региональными и гражданскими организациями, странами, выделяющими воинские контингенты, и НПО и сохранять это взаимодействие на протяжении всей операции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ближайшей перспективе Россия, проводя сложные внутригосударственные преобразования, кровно заинтересована в сохранении стабильности в мире. Возникновение вооруженных конфликтов как межгосударственных, так и внутри государств в непосредственной близости от границ России постоянно вынуждает принимать различные шаги в политической, экономической и, особенно, в военной областях для их мирного разрешения. Поиск форм и методов решения таких конфликтов является одной из основных задач российской геополитики в области миротворчества в обозримой перспективе, в которой невозможно предугадать, будет ли *вечный мир* характерной чертой XXI в., или, как и в предыдущем веке, его ждут военные потрясения. Но очевидно одно – уже сегодня целесообразно ввести структурные изменения в существующие механизмы сохранения мира и стабильности на региональном уровне. Без определенных практических шагов в области миротворчества попытки самостоятельно решать задачи по обеспечению безопасности на региональном уровне обречены на низкую эффективность.

На евроазиатском пространстве представляется возможным завершить урегулирование конфликтов с использованием общего механизма миротворчества, предложенного в статье. Для этого нужны: политическая воля сторон, участвующих в урегулировании; совпадающие интересы государств на общем геополитическом пространстве и существующие угрозы им, наличие возможностей их предотвращения/ликвидации совместными усилиями; соответствие практики миротворчества реально складывающейся обстановке в зоне конфликта; унификация нормативно-правовых основ России и региональных организаций в области миротворчества.

Можно предположить, что на этом пути будут определенные трудности и проблемы. Однако уклонение или неучастие России в миротворческой деятельности не только лишит ее возможности влиять на развитие событий на международной арене, но и, в более широком плане, скажется на российском авторитете в мировом сообществе. Каждый шаг по объединению усилий России и региональных организаций/союзов при формировании вышеперечисленных основ совместного миротворчества станет очередным вкладом в фундамент глобальной и региональной безопасности при противодействии общим вызовам и угрозам совместными усилиями.

Примечания

¹ Мнение, выраженное авторами в статье, может не совпадать с официальными взглядами Российской Федерации и НАТО по вопросам миротворчества.

² Это случилось в 1973 г., когда по решению правительства СССР, в соответствии с резолюцией СБ ООН, на Ближний Восток была направлена первая группа советских офицеров. В их задачи входило наблюдение за прекращением огня в зоне Суэцкого канала и на Голанских высотах после окончания военных действий.

³ Так, урегулирование конфликта в Таджикистане проводилось в основном российскими миротворцами. Участие других воинских контингентов из стран Содружества, несмотря на мандат СНГ, было чисто символическим. В Абхазии коллективные миротворческие силы Содружества представлены только Россией, а в Приднестровье и в Южной Осетии операции проводятся опять-таки силами РФ на основе двусторонних соглашений с Молдовой и Грузией соответственно, без мандата СНГ.

⁴ Например, на базе 201-й мотострелковой дивизии, расположенной в Таджикистане, или десантных подразделений вооруженных сил СССР, расположенных в Абхазии.

⁵ Год ввода российских миротворцев в зону грузино-югоосетинского конфликта.

⁶ Эти сильные стороны российского миротворчества неоднократно отмечались в ходе полевых интервью представителей бывших конфликтовавших сторон и экспертами ООН и ОБСЕ, участвующими в наблюдательных миссиях в зонах конфликтов на постсоветском пространстве.

⁷ Более подробно см.: Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. М., 2001. С. 375.

⁸ По оценке адмирала ВМС США в отставке Грегори Дж. Джонсона. С 2001 по 2004 г. он возглавлял региональное командование ОВС НАТО «Юг», которое впоследствии было переименовано в Командование ОВС НАТО в Неаполе. В те годы он отвечал за все балканские операции НАТО.

⁹ По английской терминологии, так называемая *ползучесть сил миссии*/Mission Creep effect.

¹⁰ Так, представители миротворческих контингентов из мусульманских стран зачастую чрезвычайно *благосклонно* относились к единоверцам из БКС или косоварам, западных стран – к хорватам, а российские миротворцы были склонны негласно поддерживать сербов.

¹¹ Это было связано с тем, что реликты холодной войны еще оказывали свое влияние на процессы принятия военно-политических решений, поэтому в вопросах управления российскими миротворцами даже при решении оперативно-тактических задач в зоне их ответственности была принята долговременная (через Брюссель и Москву) и сложная процедура управления.

¹² Как это предлагалось при администрации президента США Билла Клинтона.

- ¹³ Об этом, в частности свидетельствуют законодательные акты, которыми руководствуются страны – участники организаций/союзов и России.
- ¹⁴ На Западе это оперативные силы НАТО и силы быстрого реагирования ЕС, в СНГ – коллективные миротворческие силы, в ОДКБ – силы быстрого реагирования, в России – миротворческие силы.
- ¹⁵ В частности, операции IFOR, SFOR, KFOR на Балканах.
- ¹⁶ В том числе: суверенитет, территориальная целостность, социально-политическая стабильность общества, конституционный строй, стратегическая стабильность в системе мирового сообщества, свободный доступ к жизненно важным экономико-стратегическим зонам и коммуникациям и др.
- ¹⁷ Эта договоренность была достигнута на встрече в Риме 28 мая 2002 г.
- ¹⁸ Решение базировалось на основополагающем акте 1997 г., в котором указано, что СРН в случае достижения консенсуса в ходе консультаций будет принимать совместные решения и осуществлять совместные действия в каждом конкретном случае, включая участие на равноправной основе в планировании и подготовке совместных операций, в том числе миротворческих операций под руководством СБ ООН или под ответственностью ОБСЕ.
- ¹⁹ Политические аспекты базовой концепции, изложенные в данном документе, не применяются к исключительным операциям НАТО, операциям, ведомым НАТО с участием партнеров, или операциям с участием России и других государств.
- ²⁰ В рамках сотрудничества члены СРН договорились, что потенциальные поставщики войск/сил оставляют за собой право на рассмотрение правового статуса своих миротворческих сил еще до дачи согласия на проведение любой совместной миротворческой операции России/НАТО.
- ²¹ Мандат миротворческой операции является юридической основой размещения и деятельности миротворческого контингента. В нем, в идеале, формулируются цели и задачи миротворческих сил, в том числе: состав и структура международных вооруженных сил, привлекаемых к выполнению операции; ее сроки выполнения; определение системы управления операцией; ответственность международной организации, выполняющей миротворческую операцию, и правительства, на территории которой она проходит, и некоторые другие основополагающие установки. Мандаты большинства миротворческих операций, а именно тех, которые проводились от имени ООН, представляют собой резолюции СБ ООН. В большинстве случаев мандаты ООН действуют довольно короткое время – от 3 до 6 месяцев, что позволяет достаточно гибко реагировать на изменения обстановки, корректировать состав миротворческого контингента и его задачи.
- ²² Другие комитеты и группы Совета, такие как Подготовительный комитет, а также военные структуры России и НАТО могут также быть вовлечены в этот процесс.
- ²³ Представители Международного секретариата Совета, консультируясь с российскими представителями, могут выступать перед принимающим СМС государством от имени РФ и НАТО.
- ²⁴ Для применения военной силы командующий операцией должен пользоваться всей необходимой оперативной гибкостью в соответствии со складывающейся обстановкой.
- ²⁵ В дополнение к этим процедурам, СРН, принимая во внимание экспертное мнение сторон, может рассмотреть: одобрение назначаемого командования и принятие к сведению назначенного командующего операцией; поручения соответствующим органам России и НАТО о разработке ряда мер кризисного регулирования для достижения конечной политической цели операции; решения о реструктуризации, сокращении и прекращении операции.
- ²⁶ Таких как: «Гуманитарная помощь в ходе совместных усилий России и НАТО в миротворческих операциях», «Изъятие оружия в ходе совместных усилий России и НАТО в миротворческих операциях под руководством ООН или под ответственностью ОБСЕ», «Роль миротворческих сил в безопасном и устойчивом возвращении беженцев и внутренне перемещенных лиц, включая защиту лиц, относящихся к меньшинствам», а также в других документах, которые будут разработаны Рабочей группой СРН по миротворчеству в будущем.

Сергей Маркедонов

Сергей Романенко

КОСОВО: ПРЕЦЕДЕНТ ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИЕ?

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: A role model?

Добрый день, Сергей!

Спасибо за согласие участвовать в нашем разговоре. Для нас обоих не секрет, что во время политических переговоров и научных дискуссий о возможном определении статуса Косово и путях если не разрешения, то смягчения конфликта составной частью позиций их участников является ответ на два вопроса – во-первых, является ли *случай Косово* прецедентом, то есть принципом и моделью, которые можно будет использовать для разрешения других подобных ситуаций, связанных с процессом национального самоопределения, и, во-вторых, повлияет ли он и в какой мере на их развитие в других европейских (и не только европейских) странах.

Ответ на этот вопрос – во всяком случае, пока – стал водоразделом между официальной позицией Сербии и поддерживающей ее Россией, с одной стороны, и США и большинством стран ЕС – с другой. Выбор ответа является ключевым для определения дальнейшей логики аргументации.

В ситуации с Косово, на мой взгляд, речь в первую очередь идет о процессе национального самоопределения, усложненного проявлениями этнического насилия с обеих сторон, о процессе национального самоопределения двух этнических общностей, издавна совместно проживающих на одной территории и рассматривающих ее как свою родину.

Кроме того, мне представляется, что значение проблемы Косово искусственно преувеличено – каждая из сторон делает это, исходя из собственных политических целей.

*Ваш,
С. Романенко*

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Balkanization

Здравствуйте, Сергей!

Благодарю Вас за реплику, которая поднимает сразу несколько фундаментальных вопросов, как прикладного, так и методологического характера. Прежде всего, вопрос о *прецедентности* Косово.

А
К
И
М
Е
П
О

На мой взгляд, ответ на этот вопрос не так сложен, как кажется на первый взгляд. Те, кто хочет увидеть в Косово прецедент, увидят его. И будут интерпретировать косовское самоопределение соответствующим образом. И формальная юриспруденция тут совсем ни при чем. Пытаться в этом случае апеллировать к логике или к историческим (равно как и социологическим, этнологическим) фактам бесполезно. Тех, кто использует этот казус для решения политических задач, не убедят выводы аналитиков. Как говорится, у нас разные задачи.

В связи с этим так и хочется сказать: для того, чтобы не существовало *казуса Косово*, не надо было столь активно и в одностороннем порядке поддерживать и подталкивать самоопределение в бывшем автономном крае Сербии. Надо было думать о том, *как слово наше отзовется*. Отзовется на тех же Балканах или на Южном Кавказе. Теперь уже поздно приводить рациональные (и во многом обоснованные) аргументы про то, что *под одну гребенку* этнополитические конфликты во всем мире не разрешаются.

Тем не менее, я хотел бы отметить именно *потенциальную прецедентность* Косово. Тот факт, что косовское самоопределение фактически является этнонациональным по своей природе (борьбу за него, а также политические дивиденды от его успешной реализации получают не все этнические общины бывшего автономного края в составе Сербии, а косовары-албанцы), заставляет лидеров других сепаратистских (в особенности этносепаратистских) движений рассматривать *косовский казус* как некий прецедент.

Это Косово существует в политической идеологии и практике *де-факто* государств Евразии (Абхазии, Приднестровья, Южной Осетии и Нагорного Карабаха). Их лидеры и главы непризнанных МИДов наперебой убеждают внешних наблюдателей в том, что их республики имеют гораздо больше оснований на получение независимости, чем Косово. Фактически мы можем говорить о *балканизации* постсоветского пространства. В данном случае под *балканизацией* следует понимать инструментальное использование косовского прецедента в борьбе за этнополитическое самоопределение. Следует также отметить, что, несмотря на негативное отношение к этому подходу со стороны США и большинства стран ЕС, лидеры СНГ-2 вряд ли откажутся от *прецедентного Косово*.

К слову сказать, сравнение с Косово и с *косовским прецедентом* используют и лидеры европейских этнонационалистических движений (басков, каталонцев, корсиканцев). Не зря в публикации лондонской *Times* обозреватель Джереми Пейдж и Ричард Бистон сделали смелый прогноз о появлении к 2020 г. 11 новых государств на территории сегодняшнего Евросоюза.

С уважением,
Сергей Маркедонов

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: Re: Balkanization

Сергей,

Вы поставили вопрос, грозит ли *косовизация* (вероятно, это современный синоним *балканизации*, о которой Вы пишете, ее частный случай) всему остальному миру или же мы просто подгоняем под эту модель все существующие ныне этнополитические конфликты? А дело это отнюдь не безопасное: невозможно с научной и контрпродуктивно с практической точки зрения сводить все многообразие этнополитических конфликтов в Европе, да и мире в целом к ситуации, сложившейся на одной небольшой территории на юго-востоке Европы. Разговоры как о *прецедентности* случая Косово, так и его *уникальности* в значительной мере носят абстрактный характер, с одной стороны, и исходят из крайне упрощенного понимания современных этнополитических процессов, с другой.

Сторонники обоих подходов лишь возводят в абсолют (хотя всяк по-своему) данную конкретную исторически сложившуюся, ограниченную пространственно и хронологически ситуацию. Однако *демонизировать* Балканы и считать исключительно этот регион средоточием всех мировых противоречий и негативным примером для всей Европы было бы неверно.

Вы справедливо заметили, что «в данном случае под *балканизацией* следует понимать инструментальное использование *косовского прецедента* в борьбе за этнополитическое самоопределение». Однако я к этому добавил бы и борьбу геополитических интересов, как написали бы в старину, *великих держав*. Если говорить о внешнем факторе, то однозначная поддержка извне идеи независимости, фактически – моноэтничной государственности, тем более самопровозглашенной, означает поддержку национально-радикальных течений с обеих сторон, в то время как требуется поддержка умеренных, склонных к нахождению взаимопонимания группировок – что и было провозглашено при создании нынешней *тройки* – Россия, ЕС, США. Однако и однозначная поддержка извне целостности Сербии также стимулирует национальный радикализм с обеих сторон.

И еще. Почему среди многих этнополитических конфликтов последних 20 лет исключительно Косово рассматривается как *пример для подражания* и чуть ли не *двигатель* или первопричина всех остальных конфликтов? Нельзя ли, например (если в принципе говорить о *прецеденте*), вспомнить *бархатный развод* Чехии и Словакии, недавнее соглашение в Северной Ирландии, мирный распад СССР, наконец?

Возможно, повторюсь, но все этнополитические конфликты имеют одну **природу**, но разные **причины**. Поэтому говорить о фатальном влиянии Косово на другие регионы мне представляется необоснованным. Если мы встанем на ту точку зрения, что произошедшее в одной стране обязательно должно повториться в других, то далеко зайдем.

Ваш,
СР

А
К
И
М
Е
П
О
Л

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Pavlov's dog or sine ira et studio

Еще в первом письме, Сергей, Вы пишете про то, что «значение проблемы Косово искусственно преувеличено – каждая из сторон делает это, исходя из собственных политических целей». Это верно. Но я бы развил Ваш тезис дальше. Значение самопровозглашения Косово (равно как и *унилатерализма* в его признании) также преувеличено.

Тогда давайте рассуждать без эмоций. Что, сегодня (до всяких признаний и самопровозглашений) непонятно, что Косово – это *албанская этническая собственность* и у Сербии нет никаких реальных ресурсов для *сербизации*? Что принципиально нового даст нам *день икс*? Думаю, что российская дипломатия могла бы вести себя более сдержанно и рационально. Позиция могла бы выглядеть таким образом: до тех пор, пока Совбез ООН не признал Косово, нельзя говорить о признании государственной независимости этой территории.

В конце концов, сегодня 24 государства, признающие Тайвань, не признают КНР. И ничего, живет же Пекин, не нервничает по пустякам. И уж, конечно, признание Косово США или Великобританией не должно превращать нас в *собаку Павлова*, которая на уровне рефлексов должна признать *де-факто* государства СНГ. Мы не заинтересованы, конечно, в том, чтобы Тбилиси использовал силу для восстановления юрисдикции над Абхазией и Южной Осетией. Более того, в случае такого развития событий Россия могла бы использовать симметричные меры (учитывая тот факт, что любая эскалация конфликтов на юге Кавказа автоматически затрагивает российский Северный Кав-

каз, Северную Осетию и четыре адгоязычных субъекта в западной части региона). Но признание независимости де-факто государств не только автоматически противопоставляет нас США и ЕС, но и создает потенциально опасные прецеденты. В данном случае я не хочу повторять выводы о возможной сецессии Татарстана или Чечни. Сегодня для этого нет никаких реальных предпосылок.

Достаточно почитать хотя бы известный сайт «Кавказ-центр», где недавно прошла информация о ликвидации Чеченской Республики Ичкерия и превращении ее в один из вилаетов Кавказского эмирата.

Но ситуация в мире стремительно меняется, и созданный однажды прецедент может сработать в будущем. И не всегда в наших интересах. Тут можно вспомнить и про право сецессии, гарантированное Конституцией Советского Союза. В 1960–1970-е гг. сама апелляция к нему казалась фантастикой. Но в конце 1980-х гг. это стало фактом реальной политики. В связи с этим России надо бы быть более гибкой, не привязывать свою политику к Косово или к Абхазии, сохранять возможность потенциального выбора и сохранения свободы рук. Иначе мы сами свяжем себе руки, станем *Косово-зависимой державой*.

Искренне,
Сергей М.

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: Aliens and violence

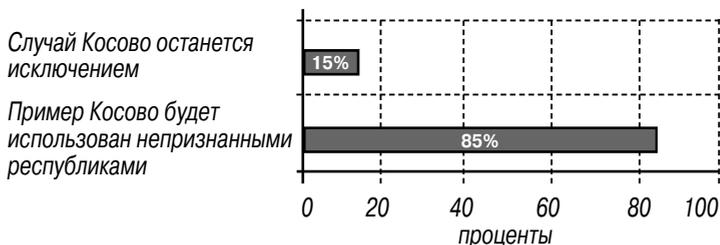
Тогда давайте попробуем разобраться, в чем же суть и особенности косовской ситуации (независимо от того, оказывает она влияние на других или нет). Прежде всего, это последствие внутреннего кризиса государства, ныне уже прекратившего свое существование, – этнотерриториальной Социалистической Федеративной Республики Югославии, который обострился в конце 1980-х гг., и ее наследницы – Союзной Республики Югославии, распавшейся в 2006 г. Кроме того, это кризис и собственно сербской государственности, который сложился после двух мировых войн и резко обострился с приходом к власти Слободана Милошевича в конце 1980-х гг. К сожалению, он и сегодня далек от разрешения.

Статус Косово – это и проблема целостности полиэтничного государства, каковым является Сербия. Перед Белградом стоит нелегкий вопрос, с которым рано или поздно сталкивается каждое полиэтничное и многонациональное государство: как сохранить свою целостность – методами централизации, унификации и силового подавления или же предоставлением максимальной, в том числе и национальной, свободы?

В известном смысле *наоборот* та же проблема стоит и перед национальным движением косовских албанцев: как осуществить свое самоопределение и добиться создания национальной государственности вплоть до обретения государственной независимости в полном объеме и национального суверенитета – путем ли сохранения «своей» тер-

В случае провозглашения независимости Косово, станет ли это прецедентом для решения проблем непризнанных территорий?

В опросе принимали участие посетители Интернет-представительства ПИР-Центра. Опрос проводился период с 20 октября 2007 г. по 20 января 2008 г.

ритории и государственности в составе полиэтничного государства (автономия, федерация, конфедерация и т.д.) или же обязательным отделением, используя и методы вооруженной борьбы?

Албанцы, проживающие вне территории независимой суверенной Албании, составляют национальное меньшинство в Сербии (на территории Косово они являются абсолютным большинством), Македонии, Черногории и Греции. У них, так же как и у других народов Балканского региона, идет процесс национального самоопределения. Поэтому кризис объективно имеет и региональное измерение.

Парадокс развития ситуации в Косово состоит в том, что межэтнический конфликт порожден сугубо внутренними причинами, прежде всего историческим процессом национального самоопределения. Однако в его разрешении (в какой форме – иной вопрос) решающую роль играет внешний фактор, который – путем проведения новых границ – ведет к созданию новой внутренней конфликтности в будущем. В этом отношении *механика* урегулирования межэтнических и межгосударственных отношений не претерпела изменений с Берлинского конгресса 1878 г.

Кроме того, нельзя не упомянуть и две неизменные черты балканского политического сознания. Во-первых, политика рассматривается преимущественно сквозь призму этнического самосознания – как взаимоотношения между этническими общностями, которые являются единственным субъектом права. Во-вторых, каждое национальное движение (и созданное или создаваемое им государство) стремится добиться полного совпадения границ своего этноса (часто безосновательно сильно преувеличенных) с границами *своего* государства, что рассматривается как обретение *справедливости* с исторической, социальной и национальной (а зачастую – и конфессиональной) точки зрения.

Обе стороны воспринимают Косово как исключительно *свою* этническую территорию без *чуждого* – иноэтничного – населения. В нынешнем дискурсе национальной идеологии и психологии для одной – сербской – стороны отделение Косово стало бы национальной трагедией, а для другой – албанской – такой же трагедией неотделение. Ни одна из сторон не воспринимает Косово как **полиэтничную** территорию и государственное образование.

В этих обстоятельствах дополнительным негативным фактором является этническое насилие, использованное обеими сторонами, и воспоминание о нем. Воспоминание о насилии и преступлениях (как индивидуальных, так и массовых, зачастую не расследованных и не наказанных) является элементом национального самосознания и исторической памяти и, следовательно, – фактором политики. У обеих сторон – как национальных движений – в силу специфики их исторического развития отсутствует консенсусная и демократическая культуры. Поэтому до сих пор демократические по форме процедуры (выборы, референдумы и т.д.), равно как и политические переговоры, остаются для обеих сторон лишь формой продолжения конфликта, а не поиском компромисса.

В значительной мере это является последствием как государственного террора со стороны сербского государства по отношению к албанскому национальному движению, так и антигосударственного террора со стороны албанского национального движения в Косово и его протогосударственных структур.

Сергей Романенко

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Brothers in arms

Сергей,

В последнем Вашем письме Вы рассматриваете сразу несколько сюжетов. Это и восприятие Косово извне (в политологическом и политическом сообществе), и поиск общего и особенного в рассмотрении *косовского вопроса*, и проблема этнического наси-

лия в конфликтах на Балканах (точнее сказать, его абсолютизация всеми участниками югославской трагедии). По поводу общего и особенного не хотелось бы повторяться, об этом мы с Вами подробно поговорили. Добавлю лишь, что гипертрофированное восприятие экс-сербской автономии как некоего паттерна обусловлено еще и банальным европоцентризмом. В конце 2007 г., например, индейцы племени лакота из пяти американских штатов заявили о необходимости отделения от США, однако практически никакого резонанса (даже на веб-сайтах завязтых антиамериканистов) эта новость не получила.

Думаю, что сецессия Квебека также не вызвала бы столь бурной реакции, как все хитросплетения вокруг Косово. Отсюда и многочисленные фактические ошибки. Косово представляется (даже в экспертных выступлениях) как первый после Хельсинки-1975 случай нарушения принципа нерушимости границ (как будто не было Эритреи, Бангладеша, Восточного Тимора). Что ж, придется признать лишь тот факт, что Европа по-прежнему формирует главную повестку дня. И тут я согласен с Вами – мало что изменилось со времен Берлинского конгресса.

Мне хотелось бы сосредоточиться на проблеме этнического насилия, которой Вы уделили столь много внимания. Хочу согласиться с Вами, что внутренние проблемы (внутриполитическая динамика вообще) намного более важны для последнего балканского кризиса, нежели геополитические игры вокруг *пороховой бочки Европы*. Не было бы внутренних предпосылок, смешно было бы говорить о *деструктивной роли внешних сил*. Однако нельзя не заметить, что бездарное прожектерство *великих держав* вокруг Балкан, как в прошлом, так и в настоящем (не дай Бог, чтоб и в будущем!), поощряло это этническое насилие.

Увы, и тогда, и сейчас конъюнктура, сиюминутные интересы *великих мира сего*, инструментально использующих те или иные этнополитические движения, укрепляют практику и теорию *этнической чистоты*. И здесь мы с Вами подходим к важнейшей проблеме, обозначенной Антуаном де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Германия и Австрия должны нести ответственность за *хорватских демократов*, США за *косовских борцов за свободу*, а Россия за *православных братушек-сербов*. Неадекватность представлений великих держав о том, что такое Балканы, неумение просчитывать (что, было непонятно, к чему приведет ускоренное признание Хорватии в 1991 г. или Косово в 2008 г.?) существенным образом укореняют этническое насилие. Поддержка *сильными мира сего* того или иного движения создавала (создает и будет создавать) неверные интерпретации и завышенные ожидания на самих Балканах. Если США, ЕС, Россия за нас, значит, нам все можно, все наши грехи (в виде этнических чисток) спишутся.

СМ

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: One size fits all?

Уважаемый Сергей,

Давайте вернемся к вопросу о переносе косовского опыта, ведь это имеет непосредственное отношение к России, и именно поэтому мы должны сначала для себя решить, насколько и по каким параметрам постсоветское пространство сопоставимо с постюгославским, а регион Юго-Восточной Европы с Восточной Европой.

Присутствующие в нашей массовой печати и публицистике сравнения (вернее – отождествления) постюгославских и постсоветских проблем далеко не всегда бесспорны и корректны. Это же, впрочем, относится и к часто проводимым параллелям между Косово и другими подобными регионами.

С чем только не сравнивают Косово! Вот простой перечень: с Боснией и Герцеговиной (хотя оба региона принадлежат постъюгославскому пространству, равно как и Македония, я поостерегся бы проводить между ними прямые параллели без существенных оговорок), с Южной Осетией, Абхазией и Приднестровьем (на мой взгляд, и эти три конфликта имеют довольно значительные отличия друг от друга), с Кипром, с Басконией, Шотландией, Бельгией, Корсикой и т.д. А теперь еще делегация Сербии на встрече с делегацией Косово в присутствии известной *тройки* предложила использовать опыт Гонконга.

На мой взгляд, с чисто правовой, в данном случае – абстрактной – точки зрения, если мы говорим об автономии и самоопределении вообще, – эти *случаи* сравнивать можно. Равно как можно видеть в каждом из них пример для других. Однако анализ исторических, этнологических, да и политических реалий решительно против этого восстает. Я думаю, мы еще поговорим о причинах, по которым кажется весьма сомнительным распространение опыта Косово на вышеупомянутые территории-проблемы. Скажу только, что каждый из этих конфликтов имеет свои причины, свою форму, логику и темпы развития, свои внешнеполитические условия. Поэтому разрешение каждой из этих исторически обусловленных конфликтных ситуаций тоже будет иметь свой неповторимый облик. Даже если все страны дружно проголосуют в ООН за то, что их надо *одним аршином мерить*.

На мой взгляд, такова логика истории. Формально-юридическое признание прецедентности одного из этих случаев не поможет разрешению конфликтов, не позволит разнообразные историко-этнополитические условия *подогнать* под одну упрощенную универсальную схему.

С. Романенко

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: It's the end

В связи с этим становится ясно, что как бы ни определилась судьба Косово, финальное решение не станет *концом истории* косовского кризиса. Этот кризис просто перейдет в иную фазу. Во-первых, он не получит консенсуса ни между ведущими мировыми акторами (США, КНР, ЕС, РФ), ни между соседями бывшего автономного края. Скорее наоборот, при любом *окончательном решении* мы увидим множественность интерпретаций и фактически непредсказуемые последствия. Кто просчитывал сценарии реакций на это самоопределение среди албанцев Македонии и Черногории, сербов в Республике Сербской в Боснии и Герцеговине, в республиках СНГ-2, среди европейских этно-сепаратистов?

Косово можно рассматривать как некий тест для мирового сообщества. Заявлять а priori без всякой доказательной базы на основе одной лишь политической целесообразности, что Косово имеет право на признание, а Нагорный Карабах или Абхазия не имеют, – значит порождать *вкусовщину* в глобальном масштабе. Было бы целесообразно (в связи с Косово и не только) представителям *элитного клуба* начать выработку критериев признания до сих пор не признанных государственных образований.

Первым критерием признания непризнанных образований могла бы стать их государственная состоятельность. Вторым критерием могла бы стать способность метрополии контролировать *мятежную территорию* любыми другими путями, кроме таких, как депортация или этническая чистка.

Другими словами, реинтеграция должна признаваться невозможной, если она влечет за собой военный конфликт. Третьим критерием могло бы стать наличие демократических процедур в непризнанных образованиях. Скорее всего, и Косово, и республики *параллельного СНГ* еще далеки от многих перечисленных выше критериев, хотя по некоторым параметрам можно говорить о позитивной динамике. В любом случае, адек-

ватное и безопасное (по своим последствиям) решение по Косово должно опираться на некие общие *правила игры*. Разделяемые если не всеми, то большинством государств. Иначе *косовизация* станет одним из ведущих международных политических трендов.

С. Маркедонов

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: Two-edged sword

В чем я с Вами полностью согласен, Сергей, так это в том, что, учитывая печальный опыт конца XIX–XX вв., дезинтеграция должна признаваться невозможной, если она влечет военный конфликт. Трагический парадокс проблемы Косово состоит в том, что и сохранение Косово в составе Сербии, и самопровозглашение независимости являются актом этнического насилия; в том, что не только насильственное выделение, но и насильственное сохранение народа, населяющего определенную территорию и составляющего на ней большинство, в границах многонационального государства также ведет к самовоспроизводящемуся в последующих поколениях военному конфликту, к террористическим атакам, в которых страдает мирное население. Не получается ли так, что национальное угнетение возможно, оправдано, легализовано, если оно санкционировано *международным сообществом*? Может ли государство, угнетающее часть своего населения, считаться демократическим? Требовать демократичности от **стремящихся** к независимости территорий мы считаем нормальным. А как же требования демократичности по отношению к властям **существующих** государств, из которых они хотят выделиться? Почему мы не требовали демократичности от Слободана Милошевича, но требуем ее от Хашима Тачи?

Я совершенно согласен с тем, что необходима выработка неких общих правил мирного изменения границ, которые, несомненно, будут происходить. Однако когда начинаешь определять эти правила, сразу же возникают вопросы, которые касаются отнюдь не только Косово. Первый: что такое *государственная состоятельность*? Второй: кто будет определять степень ее зрелости? Разве сейчас мы не слышим утверждения некоторых отечественных *политологов*, что-де ни Украина, ни Грузия не состоялись как государства, что фактически равнозначно призывам к их разделу (и военному конфликту!). Это – как раз и есть пример той самой *вкусовщины* (назовем это так), о которой Вы пишете ранее.

«Наличие демократических процедур»...Я целиком за, но как совместить, например, нынешнюю общеевропейскую концепцию демократических ценностей с отечественной *суверенной демократией*?

С. Романенко

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Follow the guidelines

Сергей,

Обо всем по порядку. Сначала о состоятельности государства, его зрелости, критериях их определения и той роли *политологов*, о которых Вы упоминаете. Ведь не *политологи* же будут принимать решения о признании того или иного государства! Это должно делать *мировое сообщество* (о механизмах и формах такого сообщества можно спорить, это – отдельная тема). Влиять на принятие решений *политологи* могут.

Для определения состоятельности государства можно предложить конкретные критерии (контроль над территорией, например, институционализация власти, переход высшей

власти от одного лидера к другому без путчей и революций). И в этом плане Грузия и Украина представляют диаметрально противоположные примеры. Официальный Киев осуществляет свою юрисдикцию и над Донбассом, и над Крымом. В Киеве несколько лидеров государства сменилось на основе демократической процедуры.

Грузия – другое дело. Ни разу в этой стране высшая власть не переходила из рук в руки посредством выборов. И потом, признание того, что государство не состоялось, далеко не всегда означает призывов к его разделу или аннексии. Достаточно иногда просто ответственной и квалифицированной помощи. Проблема лишь в том, чтобы именно ответственность была краеугольным камнем миротворческой политики.

Что же касается демократии, то требовать ее надо, бесспорно, от всех сторон (и отделившихся, и претендующих на территориальную целостность). Вместе с тем, следует понимать, что эта демократия не будет напоминать современную европейскую или американскую систему. В данном случае важен вектор, тренд. *Ускорение* здесь тоже не годится. А потому, наверное, было бы более корректно на первом этапе требовать от властей конфликтующих сторон хотя бы предсказуемости и законности.

Ваш,
СМ

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: Let's be honest

Сергей,

Вы в чем-то правы, но эти рассуждения, к сожалению, больше относятся к сфере теории. На самом деле надо смотреть правде в глаза: нынешний акт драмы Косово завершен. Формально итог был подведен на Совете Безопасности, где все стороны остались на своих позициях со всеми их слабостями. По сути, любое решение – и самопровозглашенная независимость, и сохранение Косово в составе Сербии – это этническое насилие, которое может привести к обострению обстановки. Причем не обязательно этому официально будут способствовать власти Белграда и Приштины. Мне довелось прочитать интервью с одним из белградских политологов, который считает, что надо опасаться не Сербской радикальной партии Николича – Шешеля, которая так или иначе действует в рамках закона.

Наибольшую опасность, по его мнению, представляет улица, толпа. Разного рода полуправильные экстремистские военизированные организации, которые существуют как с сербской, так и с албанской стороны. Там решимость отстаивать *свое Косово* переходит все рациональные границы, и именно их деятельность может послужить поводом для кровопролитных событий. Их размеры и последствия будут зависеть от решительности действий как официальных властей, так и международного воинского контингента.

Воля как сербских, так и косовско-албанских политиков – соответственно сохранить целостность Сербии или же добиться независимости Косово – во многом зависит не только от их личных взглядов и личных качеств. На данный момент общественное мнение не позволит ни тем, ни другим отказаться от занятых позиций. За это они могут очень дорого заплатить.

Что сможет противопоставить Сербия стремлению албанцев Косово к отделению? Во-первых, сейчас ведутся дебаты относительно того, предоставляет ли резолюция СБ ООН 1244 возможность обретения Косово независимости с точки зрения международного права. Единства на этот счет нет ни у международных, ни у сербских экспертов и политиков.

Во-вторых, уже довольно продолжительный срок сербские политики разных направлений и рангов выступали с разными вариантами реакции Сербии на возможное само-

А
К
И
М
Е
П
О

провозглашение независимости. Эти варианты охватывают весь спектр мер – от решительных до вполне умеренных. Первые включали в себя даже некие военные действия, экономическую и энергетическую блокаду Косово и разрыв отношений с теми странами, которые признают независимость Косово.

Однако опасность для самой Сербии и нереалистичность подобных шагов стали совершенно очевидны. Страна оказалась бы в изоляции, утратив политические контакты, необходимые для отстаивания ее интересов, которые отнюдь не ограничиваются Косово. Страна оказалась бы вовлеченной в новый вооруженный конфликт, победить в котором у нее нет никаких шансов, причем конфликт вызвал бы раскол в сербском обществе, значительная часть которого воевать не желает. Страна показала бы себя как ненадежный экономический партнер, исключив себя из международной торговли и обмена. Белград, видимо, будет пытаться добиться возобновления каких-то контактов с Приштиной, хотя очевидно, что после самопровозглашения независимости и признания ее США и большинством стран ЕС шансов на это будет крайне мало, если не будет совсем.

Ваш,
С. Романенко

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Responsibility and new barbarians

Как мне кажется, Сергей, Вы подняли очень важный вопрос об ответственности. И, увы, понятие ответственности не стало ни для Балкан, ни для Кавказа ключевым. Только *великие державы* вместо солидарного сдерживания *нового варварства* используют это варварство в побивании друг друга. А значит, и для этнического насилия есть, увы, перспективы.

Сегодня на Западе существует иллюзия, что *европеизация Сербии* как приз за утрату Косово приведет Белград на *столбовую дорожку цивилизации*. Однако абсолютное игнорирование сербских интересов сегодня приведет почти неизбежно к росту этнического национализма, оправданию этнического насилия как единственно возможного пути разрешения проблем. Конечно, такой вариант будет убийственным для Сербии. Такой вариант стал бы сложным вызовом и для США и ЕС. Но ведь просчитывать такие сценарии нужно!

Вместо этого нас убаюкивают словами о том, что открытие Брюсселя для сербских бюрократов решит все вопросы. Повторимся, сегодня у Сербии нет реальных ресурсов для инкорпорирования бывшего автономного края. И самое главное, у ее элиты нет реального представления о том, как жить вместе с албанцами в одной стране, строить полиэтничное сообщество. Но ведь и у косоваров нет стремления к компромиссам, есть одно лишь желание *гнуть свою линию до конца*. При этом одна неконструктивная позиция осуждается, а другая столь же неконструктивная поддерживается. Не здесь ли и основа для усиления представлений об этническом насилии как об эффективном средстве? Если у нас есть позиция, с ней не считаются на переговорах, от нас отмахиваются, как от назойливых мух. Так, может быть, при использовании силы с нами будут считаться? Думаю, что такой вопрос задают себе очень многие в Белграде.

В этом плане Косово ставит очень важный вопрос для миротворческих стратегий вообще. На мой субъективный взгляд, ни один переговорный процесс не может быть успешным, если стороны не ведут торг, обмен *нажитым непосильным трудом*. В косовской ситуации торга не видно. Как не видно его в случае с Абхазией или Южной Осетией. Все заранее предопределено, статус фактически становится главным вопросом переговоров, и к нему *подводят* (не всегда, заметим, аккуратно) конфликтующие стороны.

СМ

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: Lesson for Russia

Все это так, но согласитесь, что в ближайшее время шаг, о котором думают все, – получение от официального Белграда согласия на независимость Косово – вряд ли возможен. Даже если предположить, что его поддержит хотя бы некоторое большинство граждан Сербии, многие его не воспримут, что самое важное – в силовых структурах, где еще немало сторонников Слободана Милошевича и Воислава Шешеля. Поэтому любая власть в Белграде по-прежнему будет вынуждена балансировать между двумя реальностями: политико-психологическим настроением значительной части своих граждан и сложившейся, не в последнюю очередь в результате действий Слободана Милошевича, внешней обстановкой и настоятельными объективными интересами страны, подталкивающими ее в *Европу*. Хотя на этом пути Косово не единственное препятствие – упомянем лишь известную проблему сотрудничества с трибуналом в Гааге, требующим выдачи прежде всего Радавана Караджича и Радко Младича.

Не поможет этому даже возможное *вето* России в СБ ООН. Ни вернуть Косово под юрисдикцию Сербии, ни изменить этнический состав населения края оно не сможет. Оно лишь осложнит отношения России с США и странами ЕС, причем отнюдь не только по вопросу о Косово. Фактически оно может стать еще одним камнем, брошенным в здание ООН, поскольку усилит тенденции к поискам решений вне этой организации.

Но сама косовская драма еще далека от завершения. Важно – и это должно быть общей целью – чтобы она не превратилась в трагедию. Поэтому представляется, что *великим державам*, наконец, стоит сломать традицию, сложившуюся еще в конце XIX в., – использование противоречий между ними балканскими политиками, причем, как правило, наиболее максималистских настроений. Обольщаться их поддержкой не стоит. А совместная позиция поддержки умеренных прагматиков, ищущих компромисс, как раз и может способствовать формированию системы долгосрочной безопасности, в чем заинтересованы все – *от мала до велика*.

Границы государств еще будут меняться. Поэтому главная стратегическая задача международного сообщества на данном этапе – пусть это прозвучит несколько романтично – добиваться в каждом конкретном случае того, чтобы это происходило мирным путем.

И еще один аспект *прецедентности* Косово. На мой взгляд, в первую очередь учет опыта Косово важен для России и должен состоять в том, чтобы последняя учла печальный опыт Сербии Слободана Милошевича – государства многонационального и не повторила ее ошибок. Кроме того, *косовский вопрос* не должен ни в коем случае становиться предметом и орудием риторики политических спекуляций в России, когда под видом внешнеполитической информации распространяется идеология и психология межнациональной вражды, которая – независимо от субъективного желания ее инициаторов и носителей – представляет собой реальную угрозу существованию России как государства.

Сергей Романенко

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Both are worse

Вы, Сергей, пишете про *печальный опыт* Слободана Милошевича в бывшей Югославии. Не хочу быть адвокатом «Слобо», у него их хватает и в нашем Отечестве, и в Сербии. Но было бы, по крайней мере, необъективно сваливать на него всю ответственность на то, что случилось в начале 1990-х гг. на Балканском полуострове.

В не меньшей степени в югославской трагедии виновны Франьо Туджман, Алия Изетбегович, Агим Чеку или нынешний триумфатор парламентских выборов в Косово Хашим Тачи. В балканской трагедии обвинять надо не личности, а этнический национализм, этнократию и интеллектуальный расизм как политические принципы. Югославию разгромили не столько личности, сколько принципы, *принципы крови*.

Изучая уроки Балкан, в России нужно критиковать не *ксенофобию русских* или *ксенофобию мигрантских общин*, а ксенофобию и расизм как принципы. Пора перестать выбирать между сербским или албанским этническим национализмом, ксенофобией русского большинства или этнических меньшинств. Как говорил один видный теоретик по национальному вопросу, «оба хуже».

С. Маркедонов

Павел Баев

ВИРТУАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вопрос о реальном содержании геополитической конкуренции между Россией и США в Центральной Азии может показаться наивным, а на фоне антагонизма на всем *западном фронте* российской политики – даже злокозненным. Еще до *сигнальной* мюнхенской речи слова о *партнерстве* давались В.В. Путину с видимым трудом, а в течение последнего года его президентства за ними уже явно слышался зубовой скрежет. Решительно ниспровергая модель *однополярного мира*, которая по серьезному академическому счету является абстракцией, несущей минимум смысловой нагрузки, российское руководство в сущности ополчилось на всю систему взаимодействия с Западом, опирающуюся на посылку о наличии массива общих и совпадающих интересов. Уточненные оценки выявили принципиальное расхождение коренных интересов, поэтому *партнеры* обернулись противниками, стремящимися потеснить, подсадить, подрвать или, как минимум, обсчитать.

Выяснение отношений со вновь обретенными неприятелями пошло на языке таких рискованных жестов, как *боевое патрулирование* дальней авиации, но, с точки зрения геополитики, разговор этот был сугубо беспредметным, поскольку продвинуть сферу российского влияния на Запад не представляется возможным хоть Приднестровьем, хоть даже бы и Тузлой. На Кавказе обозначилась пауза, которую залетные ракеты только подчеркивают, а вот в регионе Центральной Азии, которому более привычное название Средняя Азия уже как-то не идет, интрига закручивается тугими узлами, которые мы и попытаемся слегка распустить.

О НИЩЕТЕ ГЕОПОЛИТИКИ И АФГАНСКОМ ПРОКЛЯТИИ

С советских времен геополитика считается наукой сомнительного свойства, но удивительным образом некоторые ее установки, причем именно из наиболее сомнительных, как, например, имманентное стремление великих держав к территориальной экспансии, вошли в набор аксиом, которыми оперирует практическая политика. Африка или Латинская Америка оказались за пределами горизонта геополитики, лишь формально претендующей на глобальность, но Евразия остается ее главным полигоном, несмотря на очевидную абсурдность классического постулата о том, что держава, контролирующая Алтай, Хакассию и Горную Шорию, с неизбежностью становится властелином мира¹.

На протяжении 1990-х гг. Средняя Азия оставалась далеко в стороне от событий, которые формировали политический облик Евразии, будь то балканские войны, ближневосточный мирный процесс или финансовый кризис, поразивший *азиатских тигров* в 1997 г. Даже Москва, осуществив прямую интервенцию в гражданскую войну в Таджикистане и добившись ее окончательного прекращения, не могла вразумительно обосновать эту нелегкую роль наличием осязаемых национальных интересов². Ситуация резко изменилась с наступлением путинско-бушевского десятилетия, и дело было не столько в повышенном

И
И
А
Т
Н
Е
М
М
К

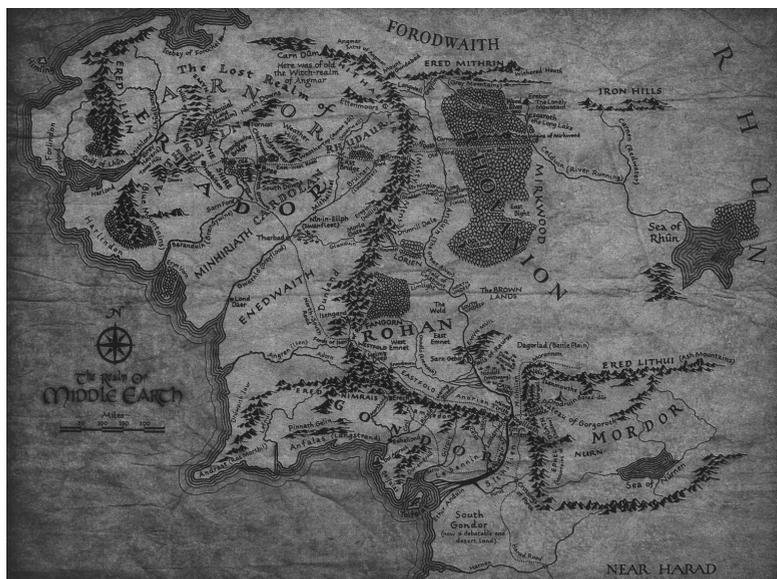
внимании к каспийским нефтегазовым сокровищам (см. Энергетическая политика России в Центральной Азии и на Каспии. *Индекс Безопасности*. 2007, № 3), сколько в немыслимой ранее военной операции США и НАТО в Афганистане.

Появление авиабаз США в Таджикистане и Узбекистане перевернуло все представления о безысходной маргинальности региона, который вдруг оказался в подлинном смысле слова *Центральной Азией* и настоящим эпицентром событий глобального значения. Свидетельство Г.А. Явлинского о почти единодушном предпочтении околоремлевскими политиками варианта с отказом в поддержке США в войне против терроризма представляется вполне достоверным, хотя и не подтверждено никем из *отказников*³. Путинское решение, вынужденное во многом радостной готовностью среднеазиатских лидеров принять американские войска, явно шло вразрез с мнениями, преваляровавшими в его ближнем кругу и обширной свите. Представления о *враждебном кольце баз* переплетались с подозрениями насчет превращения этих баз в центры подготовки спецопераций, ведущих к *цветным революциям*, формируя тревожную картину геополитического отступления⁴.

Памятное *шанхайское предупреждение* о временном характере американского военного присутствия было продиктовано именно этими опасениями проигрыша в острой конкуренции, а *выдворение* базы США из Узбекистана превратилось в триумф российской политики⁵. Характерно, что американские эксперты в области евразийской геополитики резко поставили в упрек администрации Джорджа Буша потерю Узбекистана⁶. Но стойкие геополитические иллюзии мешают трезво оценить, является ли каждый проигрыш США автоматическим выигрышем для России, а призыв очертить пространство для сотрудничества иссяк бесследно⁷.

Если отжать всю воду мутноватых рассуждений о *центрах силы*, *гравитационных полях* и *векторах противоборства* и временно вынести за скобки углеводороды и трубопроводы, то в сухом остатке геополитических построений остается проблема, нерешаемость которой многократно эмпирически доказана, – Афганистан. Напрашивается гипотеза, что этот перекресток горных систем и *жестоковых племен* (по Бродскому) и есть тот самый макиндеровский *пуп земли*, недостижимость контроля над которым и задает непрерывность борьбы за мировое господство. Российские геополитики в мундирах и в штатском сейчас предвкушают предъявление очередного доказательства, напрочь забыв весьма здравые доводы о том, что НАТО взвалил на себя бремя решения проблемы *Талибана*, которую России было не поднять⁸.

Карта 1. Средиземье. Карта из трилогии Джона Толкиена «Властелин колец».

Оставаясь на скучной платформе политического реализма, невозможно найти рациональное зерно в искренней уверенности в том, что поражение НАТО в Афганистане станет безусловной победой России. Масштабы бедствия, которое вырисовывается с возрастающей отчетливостью, могут далеко превзойти ту угрозу, нависавшую над регионом в самом начале путинского президентства, когда Москва пыталась спасти последний оплот Северного Альянса в Паншерской долине и даже обещала авиаудары⁹. Отражать вызовы такой интенсивности у России нет ни желания, ни возможностей, из чего с очевидностью следует целесообразность поддержки усилий НАТО по стабилизации режима, который, как ни парадоксально, является самым демократичным во всем обширном регионе. Поэтому сегодняшний курс состоит из зондирования возможности подсунуть НАТО в качестве партнера сюрреалистическую Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и намеков на вероятное решение о ликвидации ключевой базы США в Манасе¹⁰. Прагматизма в такой политике нет ни на грош, но ожидание того, что *афганское проклятие* ударит по НАТО посильнее, чем *ресурсное проклятие* по России, по-человечески понятно.

ОБ АВТОРИТАРНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВАЛИВАЮЩЕЙСЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Решительное усиление в политике США увязывания национальных интересов с распространением демократии с начала второго президентского срока Джорджа Буша на фоне триумфа *оранжевой революции* привело к появлению самостоятельного фронта в Центральной Азии, на котором обе *противоборствующие* державы не только изображали, но и видели друг друга в искривленной перспективе. Из Вашингтона политика Москвы виделась неоимперским контрнаступлением, сопровождаемым выкорчевыванием всех робких ростков институтов гражданского общества. Кремль, медленно отходя от *украинского шока*, был уверен в осуществлении серии *спецопераций* США, нацеленных на подрыв влияния России путем устранения ее союзников.

На деле объективное расхождение политических интересов совсем не обязательно вело к их столкновению, поскольку обе *высокие конфликтующие стороны* во главу угла ставили стабильность. Руководство США настаивало на том, что в среднесрочной перспективе стабильность может быть обеспечена только путем постепенного проведения демократических реформ, тогда как Россия ориентировалась преимущественно на ближайшую перспективу и видела стабильность как укрепление правящих режимов.

Общий знаменатель, таким образом, наличествовал, но разногласия не сводились к вопросу о том, что лучше: «мелкие, по три рубля – и сегодня» или «крупные, по пять – но послезавтра». Для Вашингтона стабилизация через демократизацию давала единственную надежду выбраться из трясины ближневосточных конфликтов, а для Москвы авторитарная стабилизация была доказательством верности собственного курса и жизнеспособности *путинизма*. Оба подхода содержали немалый элемент риска, поскольку демократизация в краткосрочной перспективе может вызывать резкие кризисы, как, например, в Палестине в результате победы на выборах радикалов из ХАМАС, тогда как коррумпированный деспотизм ведет к аккумуляции протеста и неожиданным взрывам недовольства, причем не только в среднесрочной перспективе, но и в реальном времени¹¹. Москве в таких закономерных, но непредсказуемых системных срывах удобно было видеть и разоблачать козни *демократизаторов*, но в целом достаточно очевидно, что ее контрреволюционный курс оказался результативным превыше всех ожиданий¹².

Вашингтону пришлось вносить коррективы и успокаивать взволнованных *авторитариев* правильной ориентации, от Хосни Мубарака до И.А. Алиева, что никаких революций больше не предвидится. Важным рубежом в этой коррекции стал вояж вице-президента США Дика Чейни, который в Вильнюсе строго предупредил Россию о пагубности свертывания демократии, а в Астане заверил Н.А. Назарбаева, что никаких претензий к качеству его демократии в Вашингтоне нет. Нет необходимости возвращаться к тому, как *товарищу волку* был дан отпор по всем суловским канонам, но, возможно, есть смысл напомнить об уточнении Майкла Макфола, что применение двойных стандартов «не означает, что побуждение к демократии всего лишь камуфляж для *настоящих* американских интересов. Наоборот, два импульса – моральный и материальный – вот уже

С материалами по энергетической безопасности в Центральной Азии Вы также можете ознакомиться в разделе «Проекты – Центральная Азия» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/centralasia>

200 лет не очень уютно сосуществуют в американской внешней политике»¹³. Можно привести и мнение, высказанное *The New York Times*: «И как бы лицемерно ни выглядел Чейни, поучая кого бы то ни было о правах человека, как раз перед визитом в Казахстан, где он обхаживал прези-

дента Назарбаева, едва ли являющегося образцом добродетели, – это не значит, что он был не прав»¹⁴.

Во время как позиция США становилась более гибкой (по мере того как идеологизированные *неокконы* сдавали свои позиции), в политике России, напротив, нарастали элементы жесткости и *принципиального* антиамериканизма. Вместо того, чтобы спокойно разобраться в причинах *тюльпановой* квази-революции в Киргизстане весной 2005 г., к которой ни администрация США, ни *вечные подозреваемые* из международных неправительственных организаций не имели даже косвенного отношения, Москва просто сбросила ее со счетов как *недоразумение* и перестала обращать внимание на дальнейшие спазмы политического кризиса в этой стране¹⁵. Ставка была сделана на закрепление политической солидарности на уровне *самодержцев* путем культивирования системы диалогов, неизменно замыкающихся на Москву, в которых проблемы демократизации, прав человека и тому подобной *бестактности* отсутствовали в принципе. Ни малейшего отклика не находили предыдущие эксперты о том, что «поддержка лиц, которые сейчас находятся у власти, – это не стабилизация. Это просто поддержание *статус-кво* и не более того»¹⁶. Между тем сиюминутные успехи такого курса с неизбежностью оказываются преходящими.

Как только тот или иной *суверенный султан* начинал чувствовать себя хозяином положения, опека России становилась ему в тягость, тем более что особых экономических выгод она не сулила. Так, таджикский президент Э.Ш. Рахмонов, обязанный Москве каждым гвоздем своего трона, ничтоже сумняшеся разорвал контракт на возведение Рогунской ГЭС, который был символом возвращения России в Центральную Азию¹⁷. Такая неуправляемость союзников, казалось бы, накрепко привязанных многочисленными оргструктурами, каждый раз оказывается сюрпризом для российского руководства, которое предпочитает не обращать внимания на постепенное превращение Таджикистана в наркотранзитное государство¹⁸.

Еще менее управляемыми оказываются риски, связанные с нарастанием общественного протеста против авторитарного стиля правления, который эволюционирует в направлении грубого произвола и создает почву для роста экстремизма различных оттенков. *Андижанские события* мая 2005 г. хотя и не получили продолжения, но оставили мало места для сомнений в глубоком кризисе, развивающемся в Узбекистане¹⁹. Киргизия фактически переживает распад государственности, усугубляемый расцветом наркобизнеса, что не находит ни конкретного отклика, ни хотя бы серьезного внимания в Москве, предпочитающей делать вид, что речь идет о клановых *разборках*. Вполне вероятная вспышка возмущения крайне вялой детуркменбашизацией в Туркменистане, несомненно, взволнует *газоозабоченный* Кремль куда больше, но реальных рычагов влияния от этих волнений не возникнет.

Суть проблемы заключается в том, что, претендуя на роль регионального гаранта безопасности, Россия не имеет ни возможностей ее эффективно сыграть в случае подлинной необходимости, ни желания нести обременительную ответственность за судьбу дружественных тиранов, ни хотя бы понимания проблем, стоящих перед обществами постсоветских *станов*, попавших в тупик авторитарной стагнации. Аккуратное взаимодействие с США и ЕС могло бы разрядить многие отчетливо тикающие социальные *фугасы* в Центральной Азии, как, например, оскудение водных ресурсов или упадок системы образования, но Москве выдавливание западных конкурентов представляется более выигрышным вариантом. Успехи здесь действительно налицо, но победное шествие может обернуться прогулкой по минному полю той же самой Ферганской долины, которая является историческим сердцем и демографическим ядром региона, но оказалась в то же время проблемной периферией для трех далеко не состоявшихся госпроектов. Такая идеологическая зашоренность Кремля и его политокрестностей остается труднообъяснимой, но подводит к определенному выводу.

О ТЩЕТЕ И СУЕТЕ ШАНХАЙСТВА

Вопрос о том, может ли Китай быть главным стратегическим партнером России в Центральной Азии, требует отдельного обстоятельного разговора, но анализ надуманных и искусственно нагроможденных противоречий между Москвой и Вашингтоном подводит к варианту ответа в духе товарища Сухова: «Это вряд ли». Нет необходимости излагать официальную версию образцового сотрудничества, которую В.В. Путин еще летом 2006 г. ярко развернул для Валдайского клуба политологов²⁰. Но даже невооруженным взглядом западника видно, что версия эта вызывает сомнения даже у тех специалистов, которые по идее должны бы были ее творчески развивать. Так, А.В. Лукин, с удовлетворением отмечая, что «политические позиции США в Центральной Азии, в особенности после осложнения их отношений с Узбекистаном, значительно подорваны», признает необходимость «направлять экономическую активность Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в более конструктивное русло, разъясняя преимущества широкого и комплексного подхода к экономическому сотрудничеству, который в большей степени отвечал бы общим интересам»²¹. Выполнимость таких рекомендаций, мягко говоря, проблематична, но характерно, что ощущение неблагоприятности в отношениях с Китаем усиливается не только среди маргинальных либералов и патриотов с геополитическими устремлениями, но и в *правоверном политическом мейнстриме*²².

Главным источником этих ощущений выступает, естественно, каспийский газ, который объективно является первой позицией российских интересов. Пуск маломощного нефтепровода из Казахстана (Атасу – Алашанькоу) можно было игнорировать, но прорыв Китая в Туркменистан минувшим летом стал ударом куда более весомым, чем все транскаспийские и транскаспийские прожекты, конструируемые в Вашингтоне. Помимо газопровода, Китай получил прямой доступ к добыче газа на новых месторождениях, чего Газпром за все время привилегированного партнерства добиться не смог и о чем В.В. Путин лишь в самых общих и ни к чему не обязывающих словах договаривался в мае – и не вышел на продолжение разговора в сентябре²³. Шанхайский энергетический клуб оказался для Китая зоной наибольшего благоприятствования в инвестпроектах.

Неоднозначная ситуация вырисовывается и в сфере безопасности, где беспрецедентные военные учения «Мирная миссия-2007» должны были продемонстрировать готовность к совместному отпору *экстремистам*, которые действовали по сценарию, на удивление похожему на вторжение в Дагестан летом 1999 г.²⁴ Китай при этом хотел развернуть больше тяжелой техники, но Москва решила, что советский размах ей пока не по плечу, однако российское пожелание привлечь к учениям ОДКБ не нашло понимания в Пекине. Разногласия могут показаться *техническими*, но за ними стоит отсутствие реальной готовности к совместному воспроизведению той памятной путинской победы в горах или пустынях Центральной Азии. Китай при этом показал, что готов идти намного дальше России в осуществлении миссий, далеких от мира, против тех, кого дружественные ханы решат назначить экстремистами. Москву явно пугает перспектива миротворческой интервенции в Киргизии, подобной успешной, но крайне тяжелой и в сущности безвыигрышной операции в Таджикистане, тогда как Пекин вполне в состоянии навести там *синьцзянский порядок*.

Укрепление Китая выглядит неостановимым, и действительно намного полезнее иметь его в союзниках и двигаться вместе, чем пытаться ему противостоять и строить редуты сдерживания. Важно только по привычке не уверовать в собственную пропаганду и не упускать из вида кардинальное расхождение интересов, в первую очередь энергетических. Важно также осознавать, что курс на доминирование, подразумевающий жесткую привязку центральноазиатских стран к России, идет вразрез с их национальными интересами, требующими избегать односторонней зависимости²⁵.

Примечания

¹ Блестящий анализ современных течений в геополитике Евразии можно найти в статье Kotkin Stephen. Mongol Commonwealth: Exchange and Governance Across the Post-Mongol Space. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8, № 3, Summer. P. 487–531.

² Толковый *разбор полетов* сделан в работе Jonson Lena. The Tajik War: A challenge to Russian Policy. *Discussion Paper 74*, London: Royal Institute of International Affairs. 1998, March.

- ³ Явлинский Г. А. Дверь в Европу находится в Вашингтоне. *Общая Газета*. 2002, 16 мая.
- ⁴ Примером может служить хотя бы статья Соловьев Вадим, Иванов Владимир. Военно-базовая удавка: США по-прежнему стремятся окружить Россию по периметру. *Независимое Военное Обозрение*. 2004, 27 февраля. Взвешенная оценка попыток Москвы восстановить свое влияние дана в статье Roy Allison. Strategic Reassertion in Russia's Central Asia Policy. *International Affairs*. 2004. Vol. 80, № 2, March. P. 277–293.
- ⁵ Плугатарев Игорь. Возвращение блудного Узбекистана. *Независимое Военное Обозрение*. 2006, 15 сентября.
- ⁶ Daly John, Meppen Kurt, Socor Vladimir and Starr Frederick. Anatomy of a Crisis: US-Uzbekistan Relations, 2001–2005. *Silk Road Paper*, Washington: Johns Hopkins University SAIS, 2006, February.
- ⁷ Trenin Dmitri. Southern Watch: Russia's Policy in Central Asia. *Journal of International Affairs*. 2003. Vol. 56, № 2. Spring. P. 119–131.
- ⁸ Овчинский Владимир. Афганистан без коалиции. *Россия в Глобальной Политике*. 2007, январь – февраль. С. 27–34.
- ⁹ Михайлов Андрей, Сокут Сергей, Горностаев Дмитрий. Талибов достать будет трудно. *Независимая Газета*. 2000, 24 мая.
- ¹⁰ Верхотуров Дмитрий. Другой Афганистан. *Эксперт*. 2007. № 22, 11 июня; Bruusgaard Kristin Ven and Jeppesen Morten. The Unrealistic Case of NATO-CSTO Cooperation: Explanations and Prospects. *FFI Report*. Oslo. 2007, June.
- ¹¹ Сжатый анализ этих рисков дает Георгий Дерлугьян в статье «Нальчик как российский Андижан». *Известия*. 2005, 18 октября.
- ¹² Baev Pavel. Turning Counter-Terrorism Into Counter-Revolution: Russia Focuses on Kazakhstan and Engages Turkmenistan. *European Security*. 2006. Vol. 15, № 1, March. P. 3–22.
- ¹³ Макфол Майкл. Конец партнерства: Что хотел сказать Дик Чейни вильнюсской речью. *Коммерсант*. 2006, 11 мая.
- ¹⁴ Criticizing Russia with Good Reason. *New York Times*. 2006, July 1–2.
- ¹⁵ Содержательный анализ этого кризиса можно найти в работе Marat Erika. *The Tulip Revolution: Kyrgyzstan One Year After*. Washington: Jamestown Foundation, 2006.
- ¹⁶ Натаров Евгений. С любовью без России. *Газета.ру*. 2007, 6 сентября. http://www.gazeta.ru/comments/2007/09/06_x_2132267.shtml (последнее посещение – 16 января 2008 г.).
- ¹⁷ Без России, без Дерипаски. *Эксперт*. 2007, 3 сентября. № 32.
- ¹⁸ Эта тенденция проанализирована в статье Cornell Svante. The Narcotics Threat in Greater Central Asia: From Crime-Terror Nexus to State Infiltration. *The China and Eurasia Forum*. 2006, February. P. 37–68.
- ¹⁹ Об этом подробно свидетельствует последний из серии докладов по Узбекистану, подготовленной Международной Кризисной Группой, см. *Uzbekistan: Stagnation and Uncertainty. Asia Briefing No. 67*. Brussels: International Crisis Group. 2007, 22 August <http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=5027&l=3> (последнее посещение – 16 января 2008 г.).
- ²⁰ Николай Злобин, впрочем, усомнился: «Но вообще мне показалось, что восточное направление для Путина – вторичное по сравнению с европейским». См.: Искендеров Петр. Путин – нетипичный политик. *Время Новостей*. 2006, 11 сентября.
- ²¹ Лукин Александр. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? *Россия в Глобальной Политике*. 2007, май – июнь. С. 92.
- ²² Любопытный диалог на эту тему ведут Дмитрий Тренин и Виталий Цыгичко в статье «Китай для России: товарищ или господин?». *Индекс Безопасности*. 2007, № 2. С. 147–156.
- ²³ Кокшаров Александр. Голубая мечта Гурбангулы. *Эксперт Online*. 2007, 20 июля; Мирзаян Геворг. Энергетическое яблоко раздора. *Эксперт Online*. 2007, 27 июля.
- ²⁴ Литовкин Дмитрий. Бросок на Чебаркуль. *Независимое Военное Обозрение*. 2007, 3 августа.
- ²⁵ Данный материал подготовлен в рамках проекта ПИР-Центра «Стратегические риски и вызовы в Центральной Азии», который осуществлялся в 2007 г. при финансовом содействии Посольства Швейцарской Конфедерации в Российской Федерации.

Владимир Шустов

ДОВСЕ: ПОХОРОНИТЬ ИЛИ РЕАНИМИРОВАТЬ?

В середине 2007 г. развернулась острая полемика вокруг Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), который предусматривает серьезное ограничение обычных вооруженных сил на огромном пространстве от Атлантики до Урала. Вовлеченными в нее оказались политики, военные, дипломаты и публицисты. Обсуждался не какой-нибудь частный вопрос, связанный с функционированием соглашения или его отдельными положениями, а кардинальная проблема – быть или не быть договору, который, как уже прочно закрепилось, является *краеугольным камнем европейской безопасности*. Ответ на этот вопрос пока так и не ясен, поэтому хотелось бы оглянуться назад и посмотреть, как развивался сюжет с ДОВСЕ в течение последних нескольких лет, а также предложить свое видение будущего этого соглашения.

ТРУДНОЕ, НО ВЫНУЖДЕННОЕ РЕШЕНИЕ РОССИИ

Начало всему положил важный шаг, предпринятый Россией. Прошло уже без малого 17 лет со дня подписания ДОВСЕ. В мире произошли огромные перемены и в политической, и в военной области. Они не могли не повлиять на договоренности, затрагивающие интересы безопасности государств. И вполне естественно интересы безопасности Российской Федерации.

Договор был заключен между двумя группами государств – участниками Организации Варшавского Договора (ОВД) и НАТО. Он предусматривал два групповых уровня вооружений – общее количество для ОВД и для НАТО. Внутри военных союзов общие квоты сокращений делились по согласованию между странами – участниками этих союзов. Однако впоследствии, когда ОВД была распущена, многие положения ДОВСЕ перестали отражать сложившуюся реальность.

Этот анахронизм необходимо было устранить. В результате сложных и длительных переговоров было выработано Соглашение об адаптации Договора, то есть о приведении его в соответствие с новой обстановкой. Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина ратифицировали адаптированный ДОВСЕ. Однако их партнеры уклонились от того, чтобы последовать этому примеру под малоубедительными доводами, не имеющими отношения к содержанию этого соглашения. Между тем некоторые положения этого обновленного текста в свою очередь также устарели и выпадают из контекста сегодняшней военно-политической ситуации. Поэтому после его ратификации всеми государствами-участниками они должны быть уточнены, поскольку речь в Договоре идет о весьма чувствительных аспектах национальной безопасности.

Позиция западных стран вынудила Россию поставить в принципиальном плане вопрос о судьбе ДОВСЕ и своем дальнейшем участии в нем, если страны НАТО будут продол-

жать отказываться от ратификации адаптированного Договора и игнорировать ее озабоченность.

26 апреля 2007 г. президент Российской Федерации заявил о целесообразности в случае отсутствия прогресса в переговорах с западными партнерами объявить мораторий на исполнение Россией ДОВСЕ, пока все государства-участники не ратифицируют Соглашение об адаптации и не начнут строго выполнять его, на деле внося свой вклад в сокращение вооружений.

Не получив должного ответа с западной стороны, 28 мая 2007 г. Россия предприняла следующий шаг в развитие своей позиции. Она обратилась к депозитарию Договора (Нидерландам) с просьбой о созыве Чрезвычайной конференции с целью рассмотрения исключительных обстоятельств, относящихся к Договору, и их влияния на действие этого соглашения. Россия рассчитывала, что на Конференции будет проведено серьезное обсуждение ситуации вокруг Договора, сложившейся за последние годы. Она выражала надежду на то, что партнерами будет проявлена политическая воля к поиску взаимоприемлемого компромисса, который позволит преодолеть кризис ДОВСЕ.

К сожалению, страны НАТО предпочли слово в слово повторить свои позиции в оправдание нежелания ратифицировать адаптированный текст Договора и перейти к его дальнейшей модернизации.

Это вынудило Россию принять в одностороннем порядке кардинальное решение. 13 июля 2007 г. был подписан Указ Президента РФ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров». О принятом решении были проинформированы обе палаты Федерального собрания. В Государственную думу был внесен проект соответствующего закона. Он был принят осенью 2007 г.

США и их союзники по НАТО встретили с явным неудовольствием шаг, предпринятый Россией. В американский сенат был внесен проект резолюции, призывавший руководство России пересмотреть свое решение о приостановлении действия ДОВСЕ. В проекте говорилось: «Объявление президента Путина о том, что Россия намеревается приостановить выполнение ДОВСЕ, вызывает разочарование и является шагом назад для безопасности Европы и американо-российских отношений»¹. Авторы этого документа призвали направить Москве «решительный сигнал о том, что Соединенные Штаты не собираются закрывать глаза» на ее действия. Председатель комитета по иностранным делам палаты представителей Конгресса США Томас Лантос заявил, что «Россия использует антиамериканизм и антизападничество для того, чтобы вызвать нестабильность». По его словам, «приостановка Россией своих обязательств по ДОВСЕ никому не идет на пользу»².

Не осталась в стороне от критики России и американская администрация. Помощник государственного секретаря США по европейским и евразийским делам Дэниел Фрид утверждал, что впервые за долгие годы над ДОВСЕ нависла угроза. «США и их союзники по НАТО и другие европейские страны, – подчеркивал он, – намерены встать на защиту режима ДОВСЕ и помочь сохранить его в том виде, в котором он существует, начиная с 1990 г., что явилось огромным успехом и послужило краеугольным камнем европейской безопасности. Он действовал настолько успешно, что его положения уже давным-давно считаются само собой разумеющимися и даже забыты широкими слоями общественности, которые полагают, что безопасность Европы гарантирована от угрозы применения обычных вооружений»³.

На основе этого заявления можно сделать вывод, что США, которые не ратифицировали адаптированный ДОВСЕ, были вполне удовлетворены тем, что старый Договор продолжает существовать. Их также устраивало, что Россия добросовестно выполняла условия этого соглашения, особенно в той его части, которая предусматривает обмен военной информацией и допуск западных инспекторов на российские военные объекты.

И напрасно в Вашингтоне выразили недоумение по поводу решения, принятого Россией. С ее стороны давно делались предупреждения, что не может бесконечно длиться такое положение, при котором в течение 7 лет западные партнеры не давали Соглашению об адаптации вступить в силу.

РОССИЯ ДАВНО ДОБИВАЛАСЬ ВСТУПЛЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ОБ АДАПТАЦИИ В СИЛУ

В Заключительном акте Стамбульской конференции 1999 г., на которой и был согласован адаптированный договор, зафиксировано обязательство всех государств-участников «оперативно предпринять усилия для содействия завершению всех национальных процедур ратификации с тем, чтобы Соглашение об адаптации вступило в силу как можно скорее»⁴.

С тех пор было проведено две конференции участников ДОВСЕ по рассмотрению действия Договора (2001 и 2006 гг.), на которых это обязательство подтверждалось. Однако, как и призывы России, оно не повлияло на позицию стран НАТО.

В 2001 г. Россия обратилась к участникам конференции с предложением не предпринимать ничего, что могло бы подорвать Договор. К таким шагам, как разъясняла российская делегация, можно было бы отнести, в частности, следующее: выход из ключевых соглашений в области ядерных вооружений и их нераспространения; нарушение сложившегося соотношения военных потенциалов в Европе и отдельных ее регионах; применение силы и угрозы силой в международных отношениях без соответствующего решения Совета Безопасности ООН; непродуманная блоковая политика. В российском заявлении отмечалось, что возможный прием стран Балтии имел бы отрицательные последствия для основных положений ДОВСЕ, особенно касающихся фланговых ограничений.

Однако вопреки всем предупреждениям российской стороны страны НАТО по-прежнему связывали начало ратификации с различными условиями. В качестве первого из них было требование к России вписаться во фланговые ограничения. К концу 2001 г. Россия вышла на этот рубеж, несмотря на сложную ситуацию на Северном Кавказе.

С 2002 г. странами НАТО стало выдвигаться в качестве главного требования для ратификации «полное выполнение Россией стамбульских обязательств по Грузии и Молдавии». Что имелось в виду под формулой «полное выполнение»? На этот вопрос наши партнеры по переговорам внятного ответа не давали. Их разъяснения не касались вооружений, оговоренных в ДОВСЕ, выходили за рамки Договора (базы, военное имущество и т.п.) и относились к сфере двусторонних отношений с упомянутыми странами. Вместе с тем шаг за шагом круг подобных требований расширялся. Представители Молдавии стали настаивать на том, что частью стамбульских обязательств России является изъятие с последующей ликвидацией или вывозом на российскую территорию всех обычных вооружений, имеющихся у приднестровской стороны. Грузия запросила вывода с объектов бывшей российской базы Гудаута не только российских миротворцев из состава коллективных сил по поддержанию мира СНГ, но и российских военных пенсионеров и членов их семей.

В середине 2006 г. на конференции по рассмотрению действия Договора представители стран НАТО вновь повторяли формулу, что ДОВСЕ в его нынешнем виде по-прежнему служит *краеугольным камнем европейской безопасности* и действует удовлетворительно. Одновременно они заявили еще раз, что ратификация Соглашения об адаптации ДОВСЕ станет возможной только «после полного выполнения Россией стамбульских обязательств» по прекращению своего военного присутствия в Грузии и Молдавии.

В ответ российская делегация указала, что Договор во многом устарел и утратил связь с реальной действительностью. Его ограничения, в том числе групповые и зональные, оказались размытыми в результате расширения НАТО. Что касается условий ратифика-

ции Соглашения об адаптации, то Россия выполнила все относящиеся к ДОВСЕ договоренности.

Нельзя не согласиться с экспертами российского МИДа, отмечавшими, что ситуацию, которая сложилась вокруг соглашения об адаптации ДОВСЕ, следовало признать критической. Его участники стояли перед выбором – либо скорейшее введение в действие Соглашения с последующим присоединением к ДОВСЕ новых участников и возможностью дальнейшего совершенствования этого документа, либо неминуемая и, возможно, скорая кончина Договора.

Россия настойчиво добивалась ратификации ДОВСЕ всеми подписавшими его странами. Одним из последних шагов в этом направлении и явилось ее уже упоминавшееся предложение от 28 мая 2007 г. о созыве Чрезвычайной конференции с целью рассмотрения исключительных обстоятельств, относящихся к ДОВСЕ, и их влияния на действие Договора.

Такая конференция проходила в Вене с 12 по 15 июня. Иногда можно было услышать вопрос: почему российская сторона столь поздно и неожиданно выступила с подобной инициативой? Как представляется, ответ заключается в том, что она проявляла терпение и выдержку, полагая, что страны НАТО в конечном итоге займут более реалистическую позицию и пойдут на ратификацию. Однако эти расчеты не оправдались.

Партнеры России ошибались, когда исходили из того, что она больше других нуждается в Договоре, который олицетворял собой разрядку в отношениях с Западом, и что параллельно с бесконечными дискуссиями о его адаптации можно постепенно наращивать военный потенциал вдоль ее границ.

Руководитель российской делегации на Чрезвычайной конференции А.И. Антонов подчеркнул: «Попытки использовать заинтересованность России в сохранении и совершенствовании режима ДОВСЕ в качестве средства давления на нее по не относящимся к Договору вопросам не дадут никаких результатов. Россия заинтересована в этом режиме в той же степени, что и другие его участники – не меньше и не больше»⁵.

Делегация России представила проект «Основных положений Заключительного документа» Чрезвычайной конференции. В нем предлагалось провести меры, которые вывели бы из тупика переговоры об адаптации ДОВСЕ. Они сводятся к следующему:

- Вовлечение Латвии, Литвы и Эстонии в договорное поле ДОВСЕ. Эти страны вошли в НАТО, но ограничений на вооружения не имеют и могут продолжать их наращивать.
- Понижение разрешенных для стран НАТО уровней вооружений, которые регулируются по ДОВСЕ. Это необходимо для компенсации потенциала, приобретенного Альянсом в результате двух волн расширения.
- Принятие политического решения об отмене фланговых ограничений для территории России.
- Разработка общего понимания термина «существенные боевые силы» и проявление соответствующей сдержанности в период до его согласования. Этот термин взят из основополагающего акта между Россией и НАТО, где говорилось, что стороны будут воздерживаться от размещения таких сил у себя. Для России главным был отказ от размещения «существенных боевых сил» на территории стран Восточной и Центральной Европы. Американские войска бригадного уровня, появившиеся в этом регионе, для России как раз и являются «существенными боевыми силами».
- Вступление в силу или, по крайней мере, начало временного применения Соглашения об адаптации не позднее 1 июля 2008 г.
- Разработка условий присоединения к ДОВСЕ новых участников и дальнейшая модернизация Договора⁶.

К сожалению, на конференции Заключительный документ не был принят. Западная сторона уклонилась от поиска конструктивных решений. Это и вынудило Россию через месяц объявить о приостановке своего участия в выполнении ДОВСЕ.

Некоторые журналисты обращались к российской делегации с вопросом, а не противоречит ли такое решение самому Договору. Ведь в нем говорится лишь о праве государств выйти из Договора. На это российские представители отвечали, что Россия считает возможным ограничиться приостановлением действия ДОВСЕ до выполнения всеми его участниками условий, обеспечивающих его необходимую модификацию. Эта мера является менее жесткой, чем выход из Договора. Она вполне соответствует принципу общего международного права: если разрешено большее (выход из договора), то и меньшее (приостановление его действия) считается разрешенным.

Так или иначе, но 12 декабря 2007 г. мораторий стал реальностью.

Очевидно, что такое состояние вечно продолжаться не может, поэтому хотелось бы попытаться ответить на главный вопрос о целесообразности существования ДОВСЕ.

ДОВСЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Успешная разработка и вступление в силу Договора были встречены с одобрением не только европейскими, но и другими государствами. В течение десятилетий Европа была регионом, где с наибольшей остротой и напряженностью проявлялось соперничество двух крупнейших военно-политических группировок. Это делает понятным, почему с самого начала ДОВСЕ приобрел по масштабу своих последствий большое геополитическое значение.

Договор об ограничении обладающих наибольшей мощностью обычных вооружений ассоциировался с реальным продвижением к военной разрядке и символизировал стремление государств положить конец гонке вооружений периода холодной войны.

Столь же беспрецедентным было создание сложной и эффективной системы контроля над сокращением и ограничением вооружений. Такая проверка могла бы послужить образцом для наблюдения за выполнением аналогичных соглашений в этой сфере. Участники Договора условились проверять, как проводятся на деле достигнутые договоренности, и тем самым обеспечивать поддержание сложившегося баланса сил и стабильности в отношениях между ними.

Такой контроль был порождением той подозрительности, которая была характерна для периода наибольшей международной напряженности. Но наряду с этим взаимный контроль участвующих в соглашении государств превращался в важный инструмент установления доверия между ними, поскольку давал каждой из сторон уверенность, что другая сторона также добросовестно выполняет соглашение.

Поучительно, что, не прерывая выполнения основных положений Договора, его участники занялись его адаптацией. Эта работа велась в деловой, конструктивной атмосфере, свойственной серьезным дипломатическим переговорам, в которых участники стремятся найти пути к согласию, а не к тому, чтобы переиграть друг друга и получить односторонние выгоды. В итоге таких переговоров и появилось на свет Соглашение об адаптации ДОВСЕ. Это было успехом.

Однако Соединенные Штаты и другие страны НАТО, видимо, решили не ратифицировать это Соглашение, чтобы использовать ДОВСЕ в своих политических целях.

Во-первых, с помощью соответствующих положений Договора об обмене информацией и инспекции на месте перепроверять данные о вооруженных силах других государств, получаемые с помощью национальных средств.

Во-вторых, уповая на заинтересованность России в нормальном функционировании ДОВСЕ и совершенствовании его режима, оказывать на нее давление для решения проблем, не имеющих отношения к предмету и целям Договора.

В-третьих, для снятия препятствий на пути продвижения НАТО к границам России на территории стран, недавно принятых в альянс. Выступая в июле 2007 г. на встрече с командным составом российских вооруженных сил, В.В. Путин подчеркнул, что «в современном мире остается немало дестабилизирующих факторов: это и угроза возникновения локальных конфликтов, и опасность экстремистских акций и террористических вылазок». Далее он указал: «Отмечу ряд других глобальных угроз. Так, все активнее продвигаются планы развертывания американских военных баз в Восточной Европе. Всячески затягиваются процессы ратификации адаптированного ДОВСЕ и связанных с ним международных договоров»⁷.

Включение отказа от ратификации Соглашения об адаптации ДОВСЕ в число глобальных угроз миру – весьма важный вывод. Это предостережение вполне обосновано.

Россия пока не оценивает пессимистически перспективы сохранения ДОВСЕ. Ссылаясь на «откровенные и честные обсуждения» во время встречи *восьмерки* в Кеннебанкпорте, министр иностранных дел России С.В. Лавров писал в своей статье в журнале *Россия в Глобальной Политике* в августе 2007 г., что «пути к введению адаптированного ДОВСЕ в силу могут быть найдены»⁸.

Разумеется, это возможно, но только при соблюдении некоторых условий. Во-первых, если ни у одной из сторон не будет соблазна взять верх над своим бывшим противником, а теперь партнером. И, во-вторых, если под прикрытием рассуждений о партнерстве не будет скрываться стремление не считаться с интересами другой стороны вопреки принципу равной безопасности.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Прежде всего следует обратиться к позиции основных участников Договора, которые *делают погоду*, или, говоря иными словами, определяют его судьбу. К сожалению, даже самое скрупулезное изучение под *политическим электронным микроскопом* официальных сообщений мало что дает. Туманные формулировки позволяют сделать вывод о том, что выхода из тупика пока не найдено.

В мировой печати появилось немало откликов на развитие событий вокруг судьбы ДОВСЕ. Группа дипломатов и научных работников из различных западно- и восточноевропейских стран в совместном заявлении выразили тревогу по поводу того, что решение Российской Федерации о моратории на исполнение Договора может подорвать систему совместной безопасности в Европе и привести к созданию новых разделительных линий и возрождению конфронтации. Подобные слова звучат так, как будто продвижение НАТО на восток к границам России, создание военных баз США на территории Румынии и Болгарии, долговременное нежелание стран НАТО ратифицировать адаптированный текст ДОВСЕ и подобные шаги укрепляли *кооперативную безопасность* в Европе и никого не должны были беспокоить. Странная логика! Однако основной призыв, содержащийся в обращении дипломатов и ученых, не может не заслуживать одобрения: все страны должны соблюдать основные принципы ДОВСЕ, и нельзя допустить, чтобы существующие разногласия позволили подорвать или ликвидировать режим, который имел фундаментальное значение для безопасности на европейском континенте. Эту формулировку можно трактовать как призыв к решению возникших проблем путем компромисса.

В западных СМИ немало обращений к России вернуться на свою прежнюю позицию, то есть ту, которую она в интересах договоренности занимала в течение долгого времени, жертвуя интересами собственной безопасности. Однако понятно, что даже самым добрым намерениям без ответных шагов со стороны партнеров приходит конец.

Исходя из анализа, изложенного в настоящей статье, и той ситуации, которая сложилась вокруг ДОВСЕ на сегодняшний день, нельзя не прийти к выводу, что никаких сдвигов в сторону придания Договору жизнеспособности не происходит и не просматривается. Пусть кто-то скажет, что этот вывод слишком пессимистичный. Но он реалистичен.

Соединенные Штаты, к сожалению, пошли на то, чтобы положить конец договору по ПРО. Они приступают к размещению элементов этой системы вблизи границ России на территории Польши и Чехии. Никто из тех, кто сейчас горячо выступает в пользу необходимости сохранения ДОВСЕ, не поднял голоса против такого решения Вашингтона, наносившего ущерб всей системе соглашений об ограничении вооружений, которая создавалась в ходе трудных и длительных дипломатических переговоров.

Видимо, сейчас кое-кто рассчитывает, что Россия отступит от своей позиции и откажется от моратория на исполнение ДОВСЕ. Такие ожидания представляются напрасными. Нужны встречные шаги со стороны партнеров. Такова практика всех дипломатических переговоров. Мораторий – дело временное, но он может быть продлен, если партнеры РФ не созреют для принятия разумных, взаимоприемлемых решений.

Примечания

¹ Сенаторы США призывают Россию пересмотреть решение по ДОВСЕ. *Росбалт*. 2007, 26 июня. <http://www.rosbalt.ru/2007/07/26/402103.html> (последнее посещение – 15 января 2008 г.).

² Цит. по: Россия «выкручивает руки» Европе – конгрессмен Лантос. *РИА Новости*. 2007, 26 июля. <http://www.rian.ru/world/conflict/20070726/69700622.html> (последнее посещение – 15 января 2008 г.).

³ Вашингтон: ДОВСЕ нужно сохранить. *BBC*. 2007, 12 июня. http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6746000/6746217.stm (последнее посещение – 15 января 2008 г.).

⁴ Заключительный акт конференции государств – участников Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Стамбульская встреча на высшем уровне. 1999. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. http://www.osce.org/documents/mcs/1999/11/4050_ru.pdf (последнее посещение – 15 января 2008 г.).

⁵ Выступление руководителя Делегации Российской Федерации, директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России А.И. Антонова на Чрезвычайной Конференции государств – участников Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Вена. 2007, 12 июня. [http://www.mid.ru/Ns-dvbr.nsf/arh/8192AD478355579EC32572F90028C9EF?](http://www.mid.ru/Ns-dvbr.nsf/arh/8192AD478355579EC32572F90028C9EF?OpenDocument) OpenDocument (последнее посещение – 15 января 2008 г.).

⁶ Там же.

⁷ Путин В.В. Вступительное слово на встрече с высшими офицерами по случаю их назначения на высшестоящие должности и присвоения им высших воинских (специальных) званий. 2007, 25 июля. http://www.kremlin.ru/appears/2007/07/25/1845_type63376_138512.shtml (последнее посещение – 15 января 2008 г.).

⁸ Лавров С.В. Сдерживание России: назад в будущее? *Россия в Глобальной Политике*. 2007, июль–август, № 4.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ.

29 июня – 12 июля 2008 г.

Подготовка квалифицированных специалистов в области международной безопасности – одно из приоритетных и динамично развивающихся направлений деятельности Центра политических исследований России (ПИР-Центра). Начиная с 1997 г. выпускниками образовательных программ ПИР-Центра стали более 600 молодых специалистов из региональных университетов, государственных структур, научно-исследовательских институтов государств СНГ.

За последние два года в Летней Школе ПИР-Центра приняли участие представители всех стран СНГ (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина), включая специалистов из министерств иностранных дел, обороны, энергетики, широкого круга научно-исследовательских институтов.

В 2008 г. Международная Летняя Школа состоится с 29 июня по 12 июля. Первая неделя курса будет посвящена изучению проблем нераспространения ОМУ с акцентом на рассмотрении вопросов, связанных с международными режимами нераспространения и возможными сценариями их совершенствования, региональными вызовами режиму нераспространения (КНДР, Иран), роли международных институтов в урегулировании проблем в области нераспространения. Занятия второй части курса посвящены вопросам энергетической, экологической, информационной, демографической безопасности, проблемам международной преступности и незаконного оборота наркотиков, другим современным вызовам глобальной безопасности.

Образовательная программа включает проведение семинаров и круглых столов, в рамках которых молодые специалисты представят свою точку зрения по актуальным вопросам международной безопасности.

По итогам образовательной программы участникам вручаются сертификаты об успешном окончании Летней Школы.

В работе Летней Школы-2008 планируется участие представителей Министерства иностранных дел РФ, Министерства обороны РФ, российских организаций, работающих в сфере атомной энергетики, и других научно-исследовательских институтов.

Предварительное согласие на выступление с лекцией дал первый заместитель министра обороны РФ – начальник Генерального Штаба Вооруженных Сил РФ генерал армии Ю.Н. Балуевский.

Организаторы полностью несут расходы по проезду, проживанию и питанию участников программы, а также обеспечивают необходимыми раздаточными материалами и литературой.

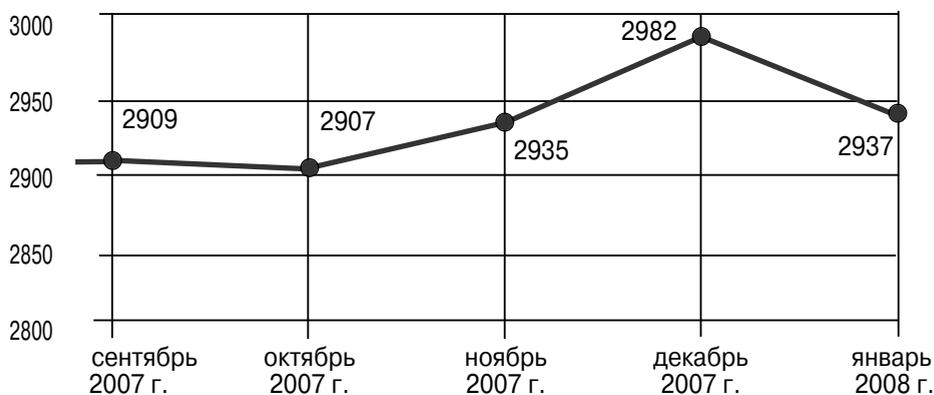
*Набор участников осуществляется на конкурсной основе. Заявки следует направлять на имя исполнительного директора ПИР-Центра Антона Викторовича **Хлопкова** по факсу +7 (495) 234–9558 или по электронной почте zulkharneev@pircenter.org*

Крайний срок подачи заявок – 13 апреля 2008 г. Объявление списка участников программы запланировано на 30 апреля 2008 г.

*По всем вопросам, связанным с Летней Школой-2008, следует обращаться к координатору образовательных проектов ПИР-Центра Альберту **Зульхарнееву** по телефону +7 (495) 234–0525 или по электронной почте zulkharneev@pircenter.org*

Подробную информацию о Летней Школе-2008 можно найти на сайте ПИР-Центра по адресу <http://summerschool.pircenter.org>

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(ноябрь 2007 г. – январь 2008 г.)

- ➔ **ПОКАЗАТЕЛИ ИНДЕКСА *iSi* – УНИВЕРСАЛЬНОГО ИНДЕКСА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**
- ➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ, ИЛИ ПРАВ ЛИ ФРИДРИХ НИЦШЕ?**
- ➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА, ИЛИ ТОРМОЖЕНИЕ НА ВЗЛЕТЕ**
- ➔ **Мариан Абишева, Александр Савельев, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Чжие Цзи. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ**

Предваряя комментарии экспертов, мы начинаем *Обзор мировых процессов* за последние три месяца с представления результатов вычисления **универсального индекса международной безопасности *iSi*** (ай-си) – количественного интегрированного показателя состояния современного мира с точки зрения наличия или отсутствия угроз физической безопасности и экономическому благополучию граждан нашей планеты.

Индекс показывает, насколько уровень глобальной безопасности отличается от *идеального состояния*, которое по шкале *iSi* численно равно **4210** пунктам. Результаты ежемесячного измерения *iSi* публикуются на сайте ПИР-Центра. Выход очередного показателя Индекса сопровождается опросом Международной экспертной группы, в состав которой входят специалисты из России, Казахстана, Бразилии, Индии, КНР, США, Франции, Саудовской Аравии и других стран. Экспертные оценки, никак не влияя на вычисленную нами величину Индекса, позволяют проследить, как в различных регионах мира воспринимается изменение состояния безопасности.

Последние месяцы 2007 г. показали рост Индекса: по итогам ноября значение *iSi* составило 2935 пунктов, по итогам декабря – 2982. Несмотря на то, что в целом ряде конфликтных зон ситуация, как и в предыдущие месяцы, балансировала на грани перерастания во внутренний или международный военный конфликт, резких негативных сдвигов не произошло. Несколько снизилась острота иранской и еще более корейской проблемы. Однако события января 2008 г. привели к снижению Индекса до 2937 пунктов, наглядно продемонстрировав влияние развития внутривнутриполитической обстановки в отдельных странах на состояние региональной и глобальной безопасности.

- **Иран.** Два доклада: гендиректора МАГАТЭ Мохаммеда Эльбардея и Национального разведывательного совета США, – дали новые аргументы как выступающим за сохранение существующей линии международного сообщества в отношении Тегерана, так и сторонникам более жестких действий. Доклад МАГАТЭ сообщил, что Иран не отклоняется от заявленной ядерной деятельности, но остаются вопросы о природе и объемах ядерной программы. Согласно «Национальной разведывательной оценке» США, Иран остановил разработку ядерного оружия осенью 2003 г., однако может создать атомную бомбу в период между 2010–2015 гг. в случае возобновления работ в этой области. При том что угроза попытки военного решения проблемы снизилась, инцидент в Ормузском проливе 6 января 2008 г., когда иранские патрульные катера приблизились к военным кораблям США, показывает, что опасность прямого столкновения сохраняется.
- **Северная Корея.** Согласно договоренностям, достигнутым на шестисторонних переговорах в феврале и сентябре 2007 г., Северная Корея должна была до 31 декабря вывести из строя ядерные объекты в Йонбене и предоставить полную информацию о своих ядерных программах в обмен на экономическую и энергетическую помощь и нормализацию отношений с США и Японией. Однако к установленному сроку демонтаж объектов не был завершен, а соответствующая информация, по мнению США, не раскрыта. В то же время Вашингтон не снял с КНДР статус государства – спонсора терроризма и ограничения в торговле. Тем не менее, стороны не драматизируют ситуацию и продолжают переговоры по активизации процесса денуклеаризации Корейского полуострова.
- **Пакистан.** Несмотря на попытки властей стабилизировать ситуацию в стране, сохранив за собой власть, острая конфронтация исламистов, военных и гражданских *демократических* партий, сопровождаемая непрекращающимися террористическими актами, погружает страну в хаос. Действовавшее более месяца чрезвычайное положение, отставка Первеза Мушаррафа с поста главнокомандующего, переизбрание его президентом уже в гражданском статусе и назначение парламентских выборов на начало января не улучшили обстановку. Убийство бывшего премьер-министра страны и лидера Партии пакистанского народа Беназир Бхутто вы-

звало массовые волнения в стране и стало причиной очередного витка кризиса. Выборы в парламент перенесены с 8 января на 18 февраля 2008 г. Пакистан обладает ядерным оружием, угроза потери контроля над которым все больше тревожит мировое сообщество. В связи с этим проблема гражданского конфликта в этой стране приобретает глобальное измерение.

- ❑ **Ближний Восток.** Конференция в американском городке Аннаполисе, состоявшаяся 27 ноября, по мысли ее идеологов, должна была активизировать процесс палестино-израильского урегулирования. На встрече было объявлено о создании механизма мониторинга выполнения плана *дорожная карта*. Однако уже в день форума палестинские исламисты провели в Газе многотысячные демонстрации протеста против возобновления мирного диалога с Израилем. Иран не поддержал проведение конференции. Состоявшиеся к началу января два тура предварительных переговоров между палестинцами и израильянами пока не привели ни к какому результату. Боевики продолжают наносить ракетные удары из сектора Газа, а израильская армия проводить ответные карательные операции.
- ❑ **Россия-ЕС-США.** Россия и страны Запада не смогли не только выработать совместный подход, но и сблизить позиции по вопросам глобальной и европейской безопасности. Безрезультатно идет диалог по размещению элементов ПРО в Польше и Чехии, Россия приостановила свое участие в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), не найдено взаимопонимание по реформированию Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). После истечения мандата *тройки* посредников и безуспешного завершения переговоров между Белградом и Приштиной представители стран ЕС и США в Совете Безопасности (СБ) ООН заявили, что переговоры по **Косово** в рамках СБ не увенчались успехом, и поэтому вопрос должен решаться под эгидой ЕС и НАТО.
- ❑ На **постсоветском пространстве** прошла череда выборов. Избрание нового состава Государственной Думы и поддержка В.В. Путиным кандидатуры Д.А. Медведева на пост президента, что стало известием, положительно воспринятым в мире, обещают сохранение преемственности и предсказуемости внешнеполитического курса России. Если результаты парламентских выборов в Киргизии и президентских в Узбекистане не изменили существенно состояние безопасности в Центральной Азии, то преодоление политического кризиса на Украине, завершившегося формированием кабинета министров во главе с Ю.В. Тимошенко, победа М.Н. Саакашвили на выборах президента Грузии и результаты референдума в этой стране, на котором более 60% проголосовавших выступили за вступление Грузии в НАТО, могут вызвать новые сложности в отношениях этих стран с Россией.
- ❑ Заметным событием стало принятие Конференцией ООН по вопросам изменения климата, проходившей на о. Бали, общей программы переговоров государств мира с целью принятия к 2009 г. нового международного документа по борьбе с изменениями климата, призванного заменить собой Киотский протокол.

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ, ИЛИ ПРАВ ЛИ ФРИДРИХ НИЦШЕ?

Последние месяцы 2007 г. вряд ли войдут в историю как время глубоких перемен на международной арене. Происходившие в этот период события в очередной раз высветили своего рода *проклятые вопросы* мировой политики, в полной мере обозначившиеся после холодной войны. Так, обострение косовской проблемы вновь продемонстрировало глубокие противоречия в современном международном праве, включающем два несовместимых основополагающих принципа – территориальной целостности, с одной стороны, и права народов на самоопределение, с другой. Отказ России под-

держат независимость Косово наряду с мораторием на выполнение ДОВСЕ подхлещет напряженность в отношениях России и Запада. А это, в свою очередь, стимулирует уходящие корнями в глубину веков представления, что Россия и Европа, а точнее – евроатлантическое сообщество демократических государств, обречены на конфронтацию в результате принципиальной цивилизационной несовместимости.

Убийство Беназир Бхутто, как считают многие, подтвердило популярное в последние годы соображение, что лишь жесткий авторитарный режим способен остановить рвущихся к власти экстремистов и обеспечить элементарную безопасность в большинстве исламских стран третьего мира. Однако динамика кризиса в Пакистане показывает, что авторитаризм, опирающийся на армейские круги, не в состоянии обеспечить экономическое процветание и политическую стабильность.

Вместе с тем в конце 2007 г. в мировой политике обозначились моменты, которые могут стать началом некоторых новых трендов. Конференция по Ближнему Востоку в Аннаполисе завершилась согласием израильского правительства и президента палестинской администрации Махмуда Аббаса заключить в 2008 г. мир и создать независимое палестинское государство. Сенсационной стала публикация аналитической записки американской разведки, в которой даны гораздо менее тревожные, чем ранее, оценки иранской ядерной программы. Быть может, это – симптом предстоящих изменений в подходе США к Ирану. В интервью, данном президентом В.В. Путиным американскому журналу *Тайм*, прозвучали нотки, которые, возможно, свидетельствуют об интересных новациях в российской внешнеполитической стратегии.

КОНФЕРЕНЦИЯ В АННАПОЛИСЕ

О том, что Ближний Восток является стержневым центром современной мировой политики, написано много тысяч страниц. Повторять изложенные в них аргументы нет необходимости, они известны и бесспорны. Не менее очевидно, что палестинско-израильский конфликт наряду с кровавым хаосом в Ираке и иранскими ядерными амбициями относится к ключевым источникам международной напряженности в регионе. Поэтому перспектива его смягчения, даже неясная, может внести серьезные изменения в ближневосточную геополитическую конфигурацию. Однако обозначилась такая перспектива после конференции в Аннаполисе в ноябре 2007 г. сколько-нибудь реально или нет? Этот вопрос вызывает серьезные споры.

Достигнутая в Аннаполисе договоренность включает в себя четыре основных момента. Во-первых, премьер-министр Израиля и президент палестинской администрации согласились «немедленно начать добросовестные переговоры с целью заключения в 2008 г. мирного договора и урегулирования всех нерешенных проблем, в том числе всех без исключения ключевых проблем, которые упомянуты в предыдущих соглашениях». Речь, естественно, идет о статусе Восточного Иерусалима, границах будущего палестинского государства, возвращении в Израиль нескольких миллионов палестинских беженцев, израильских поселений на Западном Берегу и некоторых других. Во-вторых, стороны обязались выполнить все свои обязательства, взятые в соответствии с *дорожной картой*, выработанной в 2003 г. *ближневосточным кварталом* и предусматривающей урегулирование конфликта путем создания независимого палестинского государства. В-третьих, должен быть создан постоянно действующий организационный комитет, возглавляемый главами израильской и палестинской делегаций, который должен выработать план действий, учредить рабочие группы по основным проблемам урегулирования и следить за их работой. В-четвертых, будет учрежден трехсторонний американо-израильско-палестинский механизм, возглавляемый США, который будет осуществлять выполнение *дорожной карты*. При этом США будут отслеживать и оценивать выполнение этой *карты* обеими сторонами¹.

Скептики немедленно заявили, что достигнутые в Аннаполисе договоренности практически бессмысленны, поскольку только что названные ключевые проблемы палестино-израильского урегулирования в обозримое время неразрешимы. А следовательно, переговоры, будь то под эгидой США или без оной, неизбежно зайдут в тупик. Вашингтон, иронизируют некоторые российские аналитики, в очередной раз продемонстрирует неспособность решать насущные проблемы современной международной безопасности. Ни израильское правительство, ни Махмуд Аббас и возглавляемая им ФАТХ не смогут, даже если захотят, отказаться от давно заявленных принципиальных позиций. Сделав это, они немедленно окажутся под огнем уничтожающей критики со стороны своих политических соперников и обрекут себя на катастрофическое поражение.

Вполне вероятно, что скептики правы. Но нельзя не видеть, что сегодня и израильское руководство, и ФАТХ как никогда ранее заинтересованы в нормализации ситуации и прекращении конфронтации и, следовательно, в успехе переговоров. Поэтому компромисс или некоторое неожиданное решение, выходящее за рамки устоявшихся представлений, возможны. Действительно, израильскому правительству очень пригодился бы прорыв в урегулировании конфликта с палестинцами, в частности, чтобы нейтрализовать тяжелый осадок, оставшийся в израильском обществе после войны с Хизбаллой летом 2006 г. Но важнее другое. В Израиле ширится понимание того, что продолжение противостояния с палестинцами бесперспективно и чревато периодическими обострениями, интифадами и другими террористическими проявлениями. Однако немало израильтян убеждены и, быть может, вполне справедливо, что любые соглашения и компромиссы с террористами, а в этом отношении репутация ФАТХ далеко не безупречна, бессмысленны и, более того, могут иметь весьма опасные последствия. Выжить во враждебном и агрессивном окружении, считают они, Израиль может, лишь опираясь на превосходящую военную силу и проводя эффективные контртеррористические операции.

 Мариан Абишева (Казахстан), заместитель директора по науке Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан – по телефону из Астаны: Усиливается нестабильность на мировых финансовых рынках. Открыто говорят о возможном экономическом кризисе. Ноябрь был насыщен стихийными бедствиями, которые привели к большим жертвам и нанесли серьезный урон экономике и социальному благополучию людей во многих частях света. Именно поэтому я ожидала, что показатель станет ниже. Не уменьшилась и острота существующих политических конфликтов. Доклад разведки США по ядерной программе Ирана снижает накал этой проблемы, но сам Иран как был, так и остается угрозой в восприятии американцев.

Однако Махмуду Аббасу и возглавляемой им ФАТХ жизненно важно добиться весомого успеха с тем, чтобы восстановить свою репутацию в палестинском обществе, утвердить доминирующее положение в системе власти, ограничить влияние ХАМАС и, желательно, вообще отодвинуть его на далекую периферию политической жизни. Для Махмуда Аббаса и его сторонников ХАМАС более опасный враг, чем Израиль, поскольку может прийти к власти, взять в свои руки контроль за распределением финансовых средств, поступающих палестинской администрации в виде помощи из-за рубежа, и даже расправиться с нынешней палестинской верхушкой. Поэтому Махмуд Аббас и ФАТХ могут пойти на серьезные уступки, если они помогут им представить себя в качестве единственной международно-признанной силы, способной добиться конкретных результатов, отвечающих подлинным, а не идеологически мотивированным, вроде требования о возвращении беженцев, интересам палестинцев. В какой-то мере Махмуд Аббас уже упрочил свое положение. Отказавшись приехать в Аннаполис,

лидеры ХАМАС и их иранские патроны наглядно продемонстрировали нежелание участвовать в поисках политического решения и фактически противопоставили себя международному сообществу, в том числе большинству ближневосточных государств. Это, естественно, снижает их влияние на региональные процессы.

Сегодня невозможно предугадать параметры гипотетического компромисса между Израилем и палестинцами, если, конечно, такой компромисс вообще будет достигнут. Но один из теоретически допустимых вариантов заключается в том, чтобы для начала договориться о создании палестинского государства и отложить на будущее, на самом деле на неопределенно долгий срок, проблемы, которые решить к концу 2008 г. не удастся. Несмотря на кажущуюся фантастичность, это может устроить обе стороны. Махмуд Аббас и ФАТХ могут торжественно объявить, что наконец-то сбылась вековая мечта палестинского народа: он обрел свое собственное независимое государство. На какое-то время палестинское общество действительно может поддаться эйфории и признать, что ФАТХ одержал выдающуюся победу, особенно если это будет подкреплено существенным увеличением финансовой помощи из-за рубежа, например, из США. Палестинская бюрократия и деловые круги устали от конфронтации с Израилем и неопределенного статуса палестинских территорий. Это мешает им реализовывать свои насущные интересы. Израилю, в свою очередь, такая схема позволит переложить тяжесть борьбы с палестинскими экстремистами на плечи правительства нового государства, заморозить на неопределенный срок проблему Восточного Иерусалима и возвращения беженцев, хотя, по-видимому, придется вывести поселения с Западного Берега и найти какое-то решение вопроса о границах. «Борьба за освобождение оккупированных территорий» – главный лозунг и оправдание палестинского терроризма – потеряет смысл, поскольку самих оккупированных территорий больше не будет. Следовательно, в глазах мирового общественного мнения палестинские экстремисты окажутся именно теми, кем они были на протяжении всего предшествующего времени, – обыкновенными террористами.

Наконец, нет сомнений, что конференция в Аннаполисе стала крупным успехом США. И причина тому не только в профессиональном мастерстве Кондолизы Райс и ее сотрудников. Фактически на международном уровне было признано, что если какая-то страна и может сдвинуть процесс ближневосточного урегулирования с мертвой точки, то это – Соединенные Штаты. Но если переговоры провалятся, то престиж Вашингтона на Ближнем Востоке и его влияние на мировую политику будут заметно подорваны.

ЦРУ – ТЕГЕРАН: ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦУ?

После публикации аналитической записки американской разведки «Иран: намерения и возможности в ядерной области» многие комментаторы, видимо, не прочитав толком этот любопытный документ, поспешили заявить, что даже ЦРУ вынуждено теперь признать отсутствие у Ирана намерений создать ядерное оружие². Это ставит два вопроса: что, собственно, написано в записке, подготовленной американским Национальным советом по разведке? Почему этот документ, по сути своей, весьма конфиденциальный, был сделан достоянием широкой общественности?

Выводы американского разведывательного сообщества сводятся к следующему. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что вплоть до осени 2003 г. в Иране велись работы по созданию ядерного оружия. Осенью 2003 г. они были прекращены и не возобновлялись, по крайней мере, до середины 2007 г. Предполагается, что решение об их остановке было результатом международного давления и что Иран оказался более чувствительным к такому давлению, чем это считалось ранее. Со средней степенью уверенности американское разведывательное сообщество полагает, что в настоящее время Иран не имеет ядерного оружия. Вместе с тем иранские учреждения продолжают работу по созданию технических предпосылок для производства ядерного оружия, если будет принято соответствующее решение.

В упомянутой аналитической записке говорится, что Иран продолжает усилия по обогащению урана с помощью каскада центрифуг в Натанзе, хотя и сталкивается там с серьезными техническими проблемами. Указывается, что Иран сможет произвести количество высокообогащенного урана (ВОУ), достаточное для изготовления ядерного оружия (видимо, всего одного боеприпаса), не ранее конца 2009 г., хотя это крайне маловероятно. Со средней степенью уверенности предполагается, что Иран сможет выработать необходимое для создания ядерного оружия количество ВОУ в 2010–2015 гг. С высокой степенью уверенности американские разведывательные ведомства утверждают, что Иран «обладает научными, техническими и производственными возможностями для производства со временем ядерного оружия, если решит это сделать»³.

Если оценить эти выводы с технической точки зрения, то основания для чрезмерного оптимизма не просматриваются. Для создания ядерного оружия требуется решить две группы проблем. Прежде всего, надо произвести достаточное количество *ядерной взрывчатки*, то есть либо ВОУ, либо оружейного плутония. Кроме того, нужно изготовить ядерный боеприпас. Для этого требуется сконструировать и собрать комплекс механических и электронных устройств, а также определить количество, конфигурацию и другие параметры обычного взрывчатого вещества, необходимые для формирования критической массы и инициирования цепной реакции. Если ядерное оружие создается на основе ВОУ, то формирование критической массы – задача технически сравнительно простая, особенно если речь идет о наиболее примитивной, так называемой *пушечной схеме* ядерного боеприпаса.

Поскольку американские разведывательные ведомства не отрицают – да и не могут отрицать – хорошо известный факт, что в Иране ведется обогащение урана, то утверждение о прекращении работ по созданию ядерного оружия означает на деле, что остановлено создание устройств для формирования критической массы, то есть собственно ядерного боеприпаса. Возможно, что такие устройства к осени 2003 г. в Иране уже были созданы, а может быть, что более вероятно, иранские ученые и инженеры пришли к выводу, что их можно изготовить в сравнительно короткое время, как только будет получено достаточное количество ВОУ. Иными словами, в техническом отношении были переоценены только сроки, когда Иран сможет создать ядерное оружие, или, если быть абсолютно точным, технические предпосылки для скорейшего начала его производства. Если ранее предполагалось, что это произойдет до конца нынешнего десятилетия, то сейчас считается, что Иран может обрести ядерный потенциал в 2010 – 2015 гг.

Гораздо более важным является политический вывод. В записке Национального совета по разведке говорится: «Решения Тегерана [в ядерной области. – Ю.Ф.] принимаются скорее на основе анализа плюсов и минусов, чем в результате стремления к ядерному оружию любой ценой, независимо от политических, экономических и военных издержек. Это, в свою очередь, предполагает, что интенсивные международное давление и инспекции вместе с предоставлением Ирану возможностей обеспечить свою безопасность, престиж и влияние в регионе другим образом [чем с помощью ядерного оружия. – Ю.Ф.] подвигнут Тегеран к продлению нынешнего прекращения военной ядерной программы, если это будет воспринято иранскими лидерами как заслуживающее доверия»⁴.

По сути дела, Тегерану предложена сделка. Во-первых, ясно дано понять, что в ближайшее время военная операция против Ирана не планируется, поскольку для нее пока нет весомых оснований. Во-вторых, судя по всему, Ирану предлагается назвать условия, на которых он согласится отказаться от разработки ядерного оружия или, по крайней мере, заморозить соответствующие работы на неопределенный срок. Именно это имеется в виду, когда говорится о «предоставлении Ирану возможностей обеспечить свою безопасность, престиж и влияние в регионе другим образом». Естественно, возникают вопросы: реально ли заключить с Тегераном какую-либо сделку, предполагающую отказ от ядерного оружия? И зачем вообще это может понадобиться Вашингтону?

Публикация аналитической записки «Иран: намерения и возможности в ядерной области» вызвала, естественно, острые споры в политических и академических кругах. Немало комментаторов, в том числе в США, расценили ее как ошибочный ход, укрепляющий позиции иранского президента Махмуда Ахмадинежада. Но есть и другая точка зрения. Военная угроза со стороны США является одним из основных, если не самым главным, факторов мобилизации иранского общественного мнения в пользу экстремистской линии нынешнего президента и поддерживающей его группировки в высшей религиозной иерархии. Исчезновение или заметное снижение этой угрозы, возможно, сыгравает решающую роль в предстоящих в 2009 г. в Иране президентских выборах, поскольку на первое место в предвыборной борьбе выйдут не вопросы внешней безопасности, а экономические провалы.

Действительно, не далее как летом 2007 г. большая группа ведущих иранских экономистов обвинила Махмуда Ахмадинежада в том, что десятки миллиардов долларов в год, получаемые Ираном от экспорта нефти, тратятся впустую, что дирижистская экономическая политика правительства провоцирует растущую инфляцию и ухудшение положения населения. Официально признанная инфляция достигла 14,2%, хотя независимые эксперты оценивают ее в 30%, а уровень безработицы составляет 30%, несмотря на уверения властей, что он не превышает 10%⁵. Это резко контрастирует с предвыборными обещаниями нынешнего президента, который во всеуслышание заявлял в 2005 г., что доходы от продажи нефти позволят ликвидировать нищету и безработицу.

 Александр Савельев (Россия), заведующий отделом стратегических исследований центра международной безопасности ИМЭМО РАН – по телефону из Москвы: Первая болевая точка – это Иран и его ядерная программа. Очередной доклад генерального директора МАГАТЭ Мохаммеда Эльбарадея, как и выход в начале декабря доклада Национального разведывательного совета США, явно положительно повлияли на обстановку вокруг Ирана и позитивно отразились на Индексе. Вторая болевая точка – это Северная Корея, где продолжается разрешение ядерного вопроса, что также поддерживает рост Индекса.

Таким образом, возможность, пусть теоретическая, ирано-американской сделки по ядерной проблеме существует. А если она состоится, то может не только привести к отмене экономических санкций против Ирана, но и стать началом его сближения с США, или Западом в целом, особенно если новое руководство в Тегеране будут представлять так называемые умеренные религиозные круги и прозападные элементы бизнес-элиты. Такое сближение приведет к принципиальной перестройке всей системы региональных стратегических отношений, в том числе ослаблению и изоляции там леворадикальных и фундаменталистских кругов, подтолкнет Сирию и палестинцев к подлинному урегулированию с Израилем, откроет путь к реализации трубопроводных проектов, связывающих Каспийский бассейн и Среднюю Азию со странами Индостанского полуострова и т.д.

Разумеется, этот сценарий – лишь один из нескольких вариантов развития событий в зоне *Большого Ближнего Востока*. Вполне возможно, что Тегеран выдвинет заведомо нереалистичные условия прекращения своих ядерных усилий, например, требование ядерного разоружения Израиля, свертывания американского военного присутствия в районе Персидского залива и т.п. Нельзя также исключать, что Махмуд Ахмадинежад и в самом деле сможет интерпретировать намеки Центрального разведывательного управления США как собственную победу, укрепит свои позиции внутри страны, продолжит нынешнюю одиозную и опасную внешнюю политику и практически подойдет к обретению ядерного оружия. Но в этом случае ничего не мешает США вернуться к жесткой силовой стратегии в отношении Ирана вплоть до применения военной силы.

ПАКИСТАН ПОСЛЕ БХУТТО

Убийство 27 декабря 2007 г. Беназир Бхутто, самой яркой, харизматической и одновременно далеко не однозначной фигуры на сегодняшней политической сцене Пакистана, обозначило начало нового этапа в эскалации кризиса в стране, обладающей ядерным оружием и занимающей ключевое положение в стратегическом треугольнике между Персидским заливом, Афганистаном и Индией.

Можно предположить, что покушение было организовано *Аль-Каидой* или другими террористическими исламскими группировками. Беназир Бхутто не раз заявляла о своей решимости ужесточить борьбу с исламистскими организациями. В частности, незадолго до своей гибели она упомянула о том, что если придет к власти, то разрешит силам международной коалиции, действующим в Афганистане, наносить авиационные удары по отрядам талибов и укрытиям *Аль-Каиды*, находящимся в пограничных с Афганистаном районах Пакистана. Впрочем, нельзя исключать, что за этим убийством стоят те или иные группировки в пакистанских спецслужбах, армейских кругах или в окружении президента Первеза Мушаррафа. Но сколь бы ни был интересен для широкой публики вопрос об организаторах покушения, гораздо более важными являются две других проблемы: не придут ли к власти в Пакистане исламские экстремисты, получив в результате в свои руки несколько десятков ядерных боеприпасов? И не является ли жесткий авторитарный режим единственно возможной альтернативой исламистам?

Ответ на второй вопрос заведомо отрицательный. Генерал Первез Мушарраф, пришедший к власти в Пакистане в 1999 г. в результате военного переворота, так и не смог подавить действующие там многочисленные исламские экстремистские организации и ликвидировать террористическую инфраструктуру, в том числе поставить под правительственный контроль религиозные школы – медресе, многие из которых являются пропагандистскими и вербовочными центрами исламских экстремистов. Именно с Пакистаном связаны многие из исламистских групп, устраивающих в Европе террористические акты. *Зона племен*, протянувшаяся вдоль границы с Афганистаном, находится практически вне контроля центрального правительства, там свободно действуют отряды талибов и ячейки *Аль-Каиды*. Да и в других районах страны режим, по сути дела, борется лишь с *Аль-Каидой* и другими экстремистскими группировками, которые бросают ему открытый вызов и пытаются захватить власть. Последние, в частности, учинили летом 2007 г. беспорядки вокруг так называемой Красной мечети. Исламские экстремистские настроения характерны для значительной части офицерского корпуса пакистанской армии и спецслужб, особенно Межведомственной разведывательной службы, возможно, самой мощной разведки в регионе.

Пакистанский режим не смог предотвратить политический кризис, достигший в конце 2007 г. весьма опасных масштабов. Более того, превращение вооруженных сил в главную опору власти стало одной из причин этого кризиса. Пакистанский генералитет и высшее офицерство оказались во главе большинства государственных и полугосударственных предприятий, заняли многие ключевые посты в центральных и провинциальных органах власти. Их некомпетентность и коррумпированность вызвали серьезные экономические трудности и, естественно, недовольство населения. Рейтинг президента Первеза Мушаррафа упал в 2007 г. до 20%⁶. Режиму противостоят, с одной стороны, наиболее радикальные, джихадистские исламистские силы, озлобленные сотрудничеством правительства с США и международной коалицией, действующей в Афганистане, а с другой – светская оппозиция, опирающаяся на большую часть среднего класса, предпринимательские слои, интеллигенцию и другие круги, добивающиеся модернизации страны и раздраженные доминированием военных. Их лидерами были два бывших премьер-министра – Беназир Бхутто и Наваз Шариф, сброшенный генералом Первезом Мушаррафом в 1999 г. в результате военного переворота.

Кризис резко обострился в марте 2007 г. Его началом стало увольнение в отставку Верховного судьи Ифтихара Мохаммада Чоудхри. Смысл этого шага состоял в том, чтобы обеспечить полную лояльность Верховного суда накануне выборов президента,

парламента и законодательных органов провинций (ассамблей), которые были намечены на конец 2007 г. и начало 2008 г. Вопреки пакистанскому законодательству Первез Мушарраф добивался того, чтобы выборы президента состоялись до выборов в парламент и провинциальные законодательные органы. Суть в том, что президент Пакистана избирается не всеобщим голосованием, а коллегией выборщиков, состоящей из членов Сената, Национальной Ассамблеи и провинциальных ассамблей. Если бы выборы президента состоялись после выборов в парламент, как это и полагается по закону, Первез Мушарраф, по всей вероятности, не был бы избран президентом, поскольку две ведущие оппозиционные партии, возглавляемые Беназир Бхутто и Навазом Шарифом, скорее всего, получили бы большинство в парламенте и провинциальных ассамблеях. Кроме того, опять-таки вопреки закону, Первез Мушарраф стремился совместить два поста – президента Пакистана и командующего вооруженными силами.

Замена Верховного судьи и другие политические манипуляции властей вызвали острое недовольство в пакистанском обществе, надеявшемся на смену руководства демократическим путем в результате парламентских выборов. Резко активизировались оппозиционные силы и настроения. Масла в огонь подлили беспорядки вокруг Красной мечети, организованные наиболее радикальными исламистскими противниками режима. Высшие судебные инстанции Пакистана отказались признать законным увольнение И.М. Чоудхри, и 20 июля 2007 г. он был восстановлен в должности Верховного судьи. Перед Первезом Мушаррафом все более отчетливо вырисовывалась весьма рискованная и неприятная альтернатива – либо потерять власть, либо отменить выборы и остановить действие конституции, то есть фактически совершить новый государственный переворот.

Но был и другой путь – договоренность между Первезом Мушаррафом и светской оппозицией, прежде всего, Беназир Бхутто и возглавляемой ею Пакистанской народной партией (ПНП). Это могло бы расширить базу режима и снизить накал страстей в политической активной части пакистанского общества. На этом варианте настаивали США. Видимо, в Вашингтоне не видели иной возможности сохранить Первеза Мушаррафа у власти, не допустить прекращения поддержки Пакистаном операций международной коалиции в Афганистане и одновременно стабилизировать положение в стране, предотвратив введение в Пакистане чрезвычайного положения и приостановки действия конституции. Трудно сомневаться в том, что ликвидация немногих сохранившихся в Пакистане демократических процедур и установление жесткого авторитарного режима могут лишь на короткое время предотвратить эскалацию кризиса с трудно предсказуемыми последствиями.

Соглашение между Беназир Бхутто и Первезом Мушаррафом было заключено летом 2007 г. в ходе встречи в ОАЭ. Скорее всего, они договорились о разделе власти, детали которого до сих пор остаются секретными. Известно лишь, что помимо всего прочего Беназир Бхутто потребовала от Первеза Мушаррафа отказаться от совмещения постов президента и командующего вооруженными силами. Развитие событий в сентябре – октябре 2007 г. дает основания предполагать, что Беназир Бхутто согласилась с избранием Первеза Мушаррафа президентом до парламентских выборов в обмен, видимо, на какой-то высокий пост, быть может, должность премьер-министра.

Действительно, 18 сентября 2007 г. было официально объявлено, что если Первез Мушарраф будет избран президентом, он откажется от поста командующего вооруженными силами. 5 октября 2007 г. были отменены обвинения в коррупции против Беназир Бхутто. Она получила юридическую возможность вернуться в страну, не рискуя вновь оказаться за решеткой. На следующий день, 6 октября, коллегия выборщиков подавляющим большинством голосов избрала Первеза Мушаррафа президентом, но для утверждения в этом качестве Первез Мушарраф должен был получить согласие Верховного суда. 18 октября 2007 г. Беназир Бхутто возвратилась в Пакистан. Ее восторженно встретили многотысячные толпы сторонников.

Теоретически выход из кризиса мог бы быть найден в результате признания последних президентских выборов незаконными, отмены их результатов и проведения новых, на демократической основе. При этом, как считают многие эксперты, экстремистские группировки вряд ли могут прийти к власти. Так, по данным Международной группы по разрешению кризисов, в 1990-е гг. исламистские партии не могли набрать более 8% голосов. Даже в 2002 г., когда результаты выборов считались подтасованными, а исламисты пользовались поддержкой военных, они получили всего 11% голосов, тогда как ПНП завоевала 25%⁸. Однако демократические выборы означают, что значительная часть нынешней пакистанской верхушки, тесно связанная с армией, должна будет отказаться от власти, связанных с ней экономических привилегий и, возможно, попасть под суд за коррупцию.

Таким образом, можно ожидать, что политический кризис в Пакистане будет углубляться. Предугадать его исход весьма трудно, если вообще возможно. Но нельзя исключать, что исламистские экстремистские группировки захватят власть не в результате выборов, но в итоге нарастающего хаоса. После убийства Беназир Бхутто такая перспектива оказалась мыслимой. Неслучайно в самом конце декабря 2007 г. в прессе появились очередные сообщения о существующих в США планах захвата пакистанского ядерного оружия, если возникнет реальная опасность, что оно попадет в руки джихадистов⁹.

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ

Люди моего поколения помнят роман американской писательницы Белл Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Сегодня его название вполне применимо к отношениям между Россией и западными демократиями. Действительно, термин *вторая холодная война* все чаще появляется в средствах массовой информации и аналитических разработках экспертов.

12 декабря 2007 г. Россия, как и ожидалось, объявила мораторий на выполнение ДОВСЕ. Скорее всего, это означало, что Москва предельно раздражена характером нынешних отношений с Западом, прежде всего, нежеланием США, Польши и Чешской Республики отказаться от планов создания третьего позиционного района ПРО в Центральной Европе, и готова перейти от слов к делу. Но тех целей, ради которых и предпринимался этот шаг, каковы бы они ни были, Россия не достигла. НАТО не приняла, да и не могла принять условий, на которых Россия соглашалась сохранить ДОВСЕ. Вашингтон, Варшава и Прага не отказались от намерения развернуть третий позиционный район ПРО. Следовательно, может возникнуть искушение сделать еще один шаг, продвинувшись еще выше по лестнице эскалации напряженности. Видимо, не случайно высшее командование российских вооруженных сил регулярно заявляет о планировании *адекватных асимметричных мер* в ответ на развертывание американских средств ПРО в Чехии и Польше, упоминая, помимо всего прочего, нацеливание российских ракет на объекты американской ПРО в Европе.

Рано или поздно такая линия приведет к тому, что Запад, прежде всего США и НАТО, предпримет свои *адекватные ответные меры*, симметричные или асимметричные, и нарастание напряженности, прежде всего, в южной части Балтийского региона, где проходит основная линия соприкосновения вооруженных сил России и стран – членов НАТО, может выйти из-под контроля. Более того, может начаться *вторая холодная война* со всеми вытекающими из этого тягостными последствиями для России. Об этом я писал в предыдущем номере *Индекса Безопасности* и не думаю, что нужно повторять еще раз высказанные там аргументы.

Фактическое разрушение ДОВСЕ само по себе не изменило ни соотношения военных сил, ни другие аспекты стратегической ситуации в восточной части Европейского континента. Крах этого договора пока не угрожает безопасности государств – членов НАТО. Сегодня наиболее острая проблема в отношениях России и Запада связана с будущим

Косово. В истории уже не раз бывало, что на Балканах возникали очаги напряженности и конфликтов, приводящие к общеевропейским столкновениям и войнам. Нельзя исключать, что и на сей раз противоречия между Россией и Западом по поводу Косово будут иметь последствия, далеко выходящие за рамки региона. Действительно, отказ Москвы поддержать независимость Косово или, по крайней мере, не препятствовать этому создает реальные трудности для США и Европейского Союза.

КОСОВО: ТЛЕЮЩИЙ ЗАПАЛ У БОЧКИ С ПОРОХОМ

Ситуация в Косово подошла к опасной черте, что вынужден был признать даже Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. В его последнем докладе, опубликованном 3 января 2008 г., ясно говорится: «В Косово сохраняется высокий уровень ожиданий в отношении того, что будущий статус Косово должен быть определен в сжатые сроки. Статус-кво как таковой едва ли будет устойчивым. Если тупиковая ситуация будет сохраняться, события на местах могут обрести свою собственную динамику, ставя под серьезную угрозу достижения и наследие Организации Объединенных Наций в Косово.... Неопределенность и утрата поступательной динамики в развитии процесса определения будущего статуса могут породить угрозу нестабильности не только в Косово,

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского центра Залива – по электронной почте из Дубаи: Основные игроки на международной арене не предприняли ничего, что могло бы сделать климат безопасности более благоприятным. Я не думаю, что уровень глобальной безопасности в этом году значительно улучшился. На безопасность на Ближнем Востоке продолжают негативно влиять озабоченность вокруг ядерной программы Ирана и заявления лидеров этой страны о развитии ракетных технологий и способности нанести ответный удар. На первый взгляд, снижение уровня насилия в Ираке можно рассматривать как положительный фактор, хотя я не думаю, что это долгосрочный процесс, ведущий к улучшению состояния безопасности в регионе.

но и в более широком регионе»¹⁰. Округлый дипломатический термин «неопределенность будущего статуса» Косово означает на деле затягивание предоставления независимости этому краю. Подавляющее большинство населения Косово, косовские албанцы, все более настойчиво требуют независимости, причем не только в силу идеологических соображений или воспоминаний о репрессиях и этнических чистках, учиненных режимом Слободана Милошевича, но и результате вполне практических экономических резонансов. Независимое государство может получить гораздо большую финансовую и иную помощь от международных организаций, добиваться вступления в ЕС и т.д. Белград, со своей стороны, категорически отрицает саму идею независимости, предлагая Косово взамен некую *широкую автономию*.

Не верить Генеральному секретарю ООН нет оснований. Действительно, нынешняя ситуация в Косово и вокруг него чревата *угрозой нестабильности* в регионе, а если называть вещи своими именами – новым конфликтом на Балканах. Для европейцев и США это будет означать, что в дополнение к

иранской, иракской, афганской и прочим малоприятным проблемам возникнет еще одна, причем уже на территории Европы. Избежать этого можно двумя путями: либо признать независимость Косово, приняв соответствующую резолюцию Совета Безопасности (СБ) ООН, либо признать ее односторонним образом, на основе национальных решений тех или иных государств. И тот, и другой вариант, разумеется, приведут к всплеску негодования в Сербии. Но у Белграда нет сил для того, чтобы развязать новую войну, а политические и дипломатические шаги, которые Белград угрожает принять против го-

сударств, признающих независимость Косово, например, разорвать с ними дипломатические отношения, немедленно обернутся против самой Сербии. Рано или поздно сербской политической элите придется де-факто смириться с потерей Косово, а если этого не произойдет, то Сербия не выйдет из политической и экономической изоляции, в которую она сама себя может поставить. Но в международно-правовом плане признание независимости Косово без отмены резолюции 1244 СБ ООН, принятой в 1999 г., будет ущербным. В частности, новое государство не может быть принято в ООН и организационной системе ООН. Могут возникнуть трудности с получением экономической помощи и т.п.

Отменить резолюцию 1244 может только СБ. Россия же неоднократно заявляла, что наложит вето на любые попытки принять в СБ решение, приводящее к независимости Косово. Позиция российского МИДа малопонятна. С одной стороны, признается, что переговоры при посредничестве *тройки* в составе ЕС, России и США оказались бессмысленными. Сближить позиции Белграда и Приштины в настоящее время невозможно. Однако, утверждают российские дипломаты, переговоры нужно продолжать, причем не ставя каких-либо временных пределов. Другими словами, предлагается сохранить нынешний неопределенный статус Косово. Утверждается, что одностороннее предоставление независимости приведет к дестабилизации края и подхлестнет сепаратистские настроения в других районах мира.

Теоретически с первым аргументом можно было бы и согласиться. Конечно же, решение конфликтной проблемы, найденное в процессе переговоров, предпочтительнее. Но это – теория. А в конкретной обстановке, сложившейся сегодня в Косово и вокруг него, которая, несомненно, хорошо известна специалистам российского МИДа, именно замораживание ситуации приведет к взрыву. Второй аргумент серьезнее. Действительно, сепаратистские движения и группировки, которых в современном мире немало, могут использовать независимость Косово в пропагандистских целях. Однако в отличие от англо-саксонского международного права не имеет прецедентного характера. Поэтому в юридическом отношении предоставление независимости Косово не может служить основанием для предоставления независимости Абхазии, Приднестровью, стране басков и кому бы то ни было другому. Кроме того, сепаратистские группировки убеждены в том, что соответствующие территории имеют право на независимость без какой-либо связи со статусом Косово. В Сухуми, например, считают, что Абхазия стала независимой в начале 1990-х гг., за несколько лет до обострения косовского конфликта.

Далее, как уже говорилось, международное право включает в себя два несовместимых принципа – право на самоопределение и сохранение территориальной целостности. Каких-либо общих норм, предопределяющих, в каком случае действует первый принцип, а в каком – второй, нет, но в качестве международной инстанции, имеющей легитимное право решать такие вопросы, выступает СБ ООН. Но если СБ не может принять вразумительного решения, то оно будет принято вне его рамок. Поэтому, блокируя одобрение плана Марти Ахтисаари, российский МИД подрывает эффективность СБ, что никак не отвечает интересам России как его постоянного члена.

Наконец, конфликт в Косово, который, в конце концов, привел к нынешней ситуации, был в свое время порожден попыткой Белграда отменить автономию края, а затем – этническими *чистками* и репрессиями против косовских албанцев. Возникает вопрос: имеет ли Белград моральное право навязывать международному сообществу свои условия решения косовской проблемы, несмотря на то, что именно сербский режим Слободана Милошевича породил эту проблему и только в результате проигранной войны был вынужден прекратить этнические *чистки* и согласиться с выводом своих войск из Косово? Из этого должны быть сделаны выводы: если то или иное правительство сталкивается с этническими проблемами и этническим сепаратизмом или ирредентизмом, нельзя обострять ситуацию репрессиями против населения и поддаваться на провокации сепаратистов, которые стремятся сделать это население заложником в конфликте с властью.

ВЛАДИМИР ПУТИН: ЕСТЬ НЕЧТО «ОБЪЕКТИВНОЕ, ЧТО НАС В ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА ВСЕГДА ОБЪЕДИНЯЕТ» С США

Выход из ДОВСЕ, противодействие независимости Косово, недвусмысленные угрозы военного командования предпринять «ответные меры» в случае развертывания элементов американской ПРО в Европе представляют собой узловые точки начинающегося противостояния России и Запада, прежде всего с США. Однако в середине декабря 2007 г. президент В.В. Путин обозначил некоторые новые моменты в российском подходе к отношениям с Соединенными Штатами.

В интервью, данном журналу *Тайм*, он, в частности, высоко оценил роль президента Джорджа Буша в проведении конференции в Аннаполисе. «Я глубоко убежден, – сказал В.В. Путин, – что президент Буш взял на себя огромную ответственность, взял на себя большую, причем личную, нагрузку – и я хочу его с этим поздравить. Я думаю, что он не зря рискнул. Это серьезный шаг в решении одного из самых сложных, самых острых и застарелых вопросов в международной жизни – в урегулировании на Ближнем Востоке. Мы со своей стороны сделаем и делали уже все для того, чтобы поддержать его, и сделаем все для того, чтобы и дальше работать совместно именно в таком же режиме»¹¹. Не менее показательным заявлением В.В. Путина относительно ситуации в Ираке. Хотя он и охарактеризовал войну в Ираке как ошибку, но подчеркнул: «...Сейчас мы должны меньше говорить о том, что было сделано правильно или неправильно. Я не думаю, что это поможет в решении сегодняшней ситуации. ... В целом я согласен с президентом Бушем, ... что нужно сделать все для того, чтобы иракские власти были в состоянии решать проблемы безопасности как минимум самостоятельно. Нужно помочь им создать собственную армию, собственную службу безопасности, полицию – и передать иракскому народу вопросы этого порядка»¹². Но еще более интересна его характеристика Джорджа Буша. «Я не согласен с теми и у нас в стране, и в Америке, – сказал В.В. Путин, – кто отказывает Бушу в порядочности, в честности, даже в компетентности. Да, мы все совершаем ошибки. Я считаю, что, допустим, с Ираком была допущена ошибка. Но это человек с большим опытом: и жизненным, и государственным – и все, что он делает, безусловно, направлено на защиту интересов Соединенных Штатов»¹³.

Можно приводить и другие моменты этого интервью, свидетельствующие о том, что Кремль хотел бы прекратить политическую полемику с Вашингтоном, более того, готов сотрудничать с США в решении проблем, создающих самые большие трудности для американской внешней политики. Так, президент России не упомянул ни развертывание американской противоракетной системы в Европе, ни ДОВСЕ, ни независимость Косово, иными словами, самые острые вопросы, вызывающие сложности в отношениях с Западом, которые старательно муссируют российские дипломаты и военные. В качестве условия сотрудничества с США президент России требует, по сути дела, только одного – прекращения внешнего вмешательства во внутренние дела России. Иными словами, ключевые акценты в этом интервью расставлены совершенно иначе, чем, например, в мюнхенской речи В.В. Путина, которую наблюдатели сравнили со знаменитой фултонской речью Уинстона Черчилля, ставшей, как часто полагают, объявлением первой холодной войны. Тем не менее, подводя итоги 2007 г., российский министр иностранных дел С.В. Лавров включил мюнхенскую речь первым пунктом в пятерку самых важных внешнеполитических событий 2007 г. наряду с действиями России по ДОВСЕ, разногласиями по американской ПРО в Европе и по Косово, а также ситуацией вокруг Ирана.

НОВАЯ ЭПОХА БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ?

Фридриху Ницше принадлежит малоизвестное, но, на самом деле, пророческое предвидение будущего как периода невиданных потрясений. «... Ибо когда истина вступит в борьбу с ложью тысячелетий, – писал он, – у нас будут потрясения, судороги землетрясений, перемещение гор и долин, какие никогда не снились. Понятие политики совершенно растворится в духовной войне, все институты власти старого общества взле-

тят в воздух, ибо все они покоятся на лжи. Будут войны, каких еще никогда не было на земле». И тогда наступит эпоха *большой политики*.

И, действительно, XX в. запомнится нынешним и будущим поколениям как время невиданных войн. Прежние политические структуры, хотя и не все, были взорваны. Политика в ее классическом понимании растворилась в идеологической борьбе. Прекращение холодной войны, как казалось, завершило эпоху *большой политики*. Сегодня, однако, этот оптимистический вывод вызывает все больше сомнений. Вновь и вновь возникают вопросы: что есть *истина* и что есть *ложь тысячелетий*? Не стало ли 11 сентября 2001 г. началом новой войны, «какой еще никогда не было на земле»?

Международные события конца 2007 г., разумеется, не дали ответа на все эти вопросы. И все же они могут приблизить нас к ним. По сути дела, Вашингтон предложил палестинцам и иранской элите отказаться от идеологически мотивированной политики, которую Ницше назвал *войной истины с ложью тысячелетий и большой политикой*, и вернуться к политике классической, иными словами, к прагматическому поиску решений на основе сопоставления плюсов и минусов, выигрышей и проигрышей. Если эта попытка окажется удачной, то можно надеяться, что XXI в. не повторит судьбу предшествующего столетия. Но если идеологические мифы, и не только на Ближнем Востоке, окажутся сильнее здравого смысла, то остается лишь надеяться, что приближающиеся потрясения не приведут к перемещению гор и долин.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА, ИЛИ ТОРМОЖЕНИЕ НА ВЗЛЕТЕ

Прошедшие 3 месяца – конец 2007 г. и начало нового 2008 г. – оставляют очень странное впечатление. Как будто участники международных отношений, изготовившиеся было к броску, если хотите – к столкновению, вдруг, застыв на мгновение, разом расслабились и решили отложить решение судьбоносных для мира вопросов *на потом*, на после Нового года. Помните, как в фильме Марка Захарова «Убить дракона» Дракон спрашивает Ланцелота: «Ну что, когда начнем? Завтра или с понедельника?» А Ланцелот, которого играет безвременно ушедший Александр Абдулов, по-житейски пожав плечами, говорит: «Давайте с понедельника», как будто речь совсем и не о схватке, в результате которой остаться в живых суждено только одному из участников диалога. И все окружающие разом расслабляются. Понедельник же нескоро.

Нечто похожее произошло в системе международных отношений в конце 2007 г., когда ни одно из давно ожидавшихся и, казалось, решенных событий и действий не произошло, за исключением, пожалуй, давно объявленного решения России о приостановлении действия ДОВСЕ. Не произошло ни вооруженной акции США против Ирана, ни даже внесения вопроса о санкциях в Совет Безопасности ООН. Не произошло вооруженной операции при участии США и Израиля по смене хамасовцев на фатховцев в Газе, которую ожидали со дня на день. Не началась новая гражданская война в Ливане, хотя ситуация исключительно близка к этому. М.Н. Саакашвили, вероятно, посоветовавшись с Государственным департаментом США, в преддверии заранее объявленных демократическими выборов, решил не брехать оружием в Южной Осетии и в Абхазии, хотя и не отказал себе в удовольствии устроить несколько скандалов. В Ираке не случилось традиционного зимнего всплеска боевой активности против американских войск. Черепашьими темпами, лишаящими ее военной целесообразности, развивается операция турецких войск в иракском Курдистане. США не начали форсировать размещение эле-

ментов своей ПРО в Европе. В Косово не была в одностороннем порядке провозглашена независимость, хотя все к этому шло и даже были заказаны пиротехнические средства для широкомасштабных празднований. И на выборы в России реакция западных правительств, вероятно, застывших в восхищении от электоральных способностей М.Ш. Шаймиева и Р.А. Кадырова, была существенно мягче, нежели на то рассчитывали российские оппозиционеры. И даже в Саудовской Аравии ситуация оставалась относительно спокойной, и репортажи об очередном теракте сменились благостными картинками хаджа, который прошел на редкость спокойно.

И только разорвавшее пелену спокойствия убийство Беназир Бхутто напомнило мировому сообществу о том, что государство, обладающее ядерным оружием, вплотную подходит к черте гражданской войны с совершенно непредсказуемыми последствиями. Но это исключение только подтвердило общее состояние системы международных отношений.

Однако отсутствие событий не означает отсутствие действий. Напротив, именно в период отсутствия событий и определяются все основные тенденции, которые затем начинают управлять и развитием системы международных отношений, и действиями конкретных государств. Про них, про тенденции, которые формировались в конце в целом благостного 2007 г., наш сегодняшний разговор.

УГЛЕВОДОРОДЫ КАК ДВИГАТЕЛЬ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Конечно, тезис о том, что мир вступает в период ресурсного противоборства, является теперь уже банальностью, равно как и мысль, что в этом противоборстве победит не тот, кто поставит больше всех нефти на мировой рынок, а тот, кто поставит на мировой рынок последний баррель нефти. Ибо именно этот игрок в системе международных отношений – и совсем необязательно это будет какое-либо государство – сможет реально управлять мировыми процессами, хотя и очень ограниченный период времени. Конечно, очевидно, что эра классических углеводородов уходит и уйдет довольно быстро, как только на экономическую арену выйдут новые типы энергетических технологий и энергоносителей (и, кстати, США уже проявляют повышенный интерес к нетрадиционным углеводородам, таким как, например, газовый гидрат, исследования в отношении возможности использования которого как энергоносителя в США ведутся в условиях почти строжайшей секретности). Однако, вероятно, под занавес нам предстоит наблюдать за многими захватывающими событиями и процессами. А главное – в предвкушении конца эры классических углеводородов главные мировые игроки уже сейчас начинают активно маневрировать и стремиться контролировать не только сами ресурсы, но и пути их транспортировки.

Начнем с самого простого – с Грузии. Вероятно, именно боязнь дестабилизировать с большим трудом созданный альтернативный коридор транспортировки нефти через Грузию в Турцию и далее – в Европу удержала правительства западных стран от принятия вполне логичного решения о смещении М.Н. Саакашвили. И эта же боязнь подвигла западные правительства на то, чтобы всеми силами удерживать грузинского лидера от начала войны в Южной Осетии и Абхазии, которая еще неизвестно чем может закончиться, не только для М.Н. Саакашвили, но и для с трудом построенного обходного нефтепровода.

Продолжим наши рассуждения Узбекистаном. Вероятно, именно желание европейских государств сохранить там влияние и, таким образом, доступ к газовым ресурсам, которые затем, возможно, изъять из российско-казахстанско-туркменского проекта Каспийского газопровода – хотя бы для того, чтобы было чем наполнить в целом авантюрный проект *Набукко* – привело к тому, что как-то неожиданно ослабла критика И.А. Каримова за nepотизм и нарушения прав человека. Да и выборы в Узбекистане на удивление практически не вызвали какой-то серьезной реакции со стороны просвещенной Европы и США, так возмущавшихся российскими открепительными удостоверениями.

А одновременно стало резко расширяться военно-техническое и военно-политическое сотрудничество между НАТО и Азербайджаном, хотя еще недавно лидеров азербайджанской оппозиции с почетом принимали в Вашингтоне и обещали помочь в установлении демократии и западных ценностей. Теперь уже об этом речь не идет, а И.Г. Алиев по приверженности демократии в интерпретации зарубежных СМИ начинает приближаться к В.А. Ющенко.

Вот только тщательно вынашивавшаяся комбинация с превращением Г.М. Бердымухаммедова в светоча демократии, выводящего Туркмению из мрака тоталитаризма к западным нефтяным компаниям, не удалась по причине явного политического таланта и здравого смысла нового туркменского лидера. И это явно портит настроение НАТО и ЕС.

И на Украине качнувшийся было к *мировому сообществу* В.Ф. Янукович был отвергнут, вероятно, в том числе и потому, что встал вопрос о необходимости более жестко контролировать территорию Украины на фоне появления в ЕС новых идей о том, чтобы использовать *незалежную для обходных схем углеводородных коридоров*. Тут, конечно, нужны проверенные кадры, повязанные накрепко, можно сказать, – насмерть.

Еще более знаменательный пример, который может иметь не только региональное, но и глобальное значение: Николя Саркози удалось, несмотря на отчаянное сопротивление европейской бюрократии, *продать* свой *средиземноморский проект*. И это несмотря на то, что *проект Саркози*, фактически, создает в Европе альтернативный центр притяжения, в котором Франция планирует быть центральным элементом. И снова придется констатировать, что *средиземноморский проект Саркози* основан, прежде всего, на попытке установить в регионе единые правила игры в торговле углеводородами. А где торговля – там и транспортировка. Понятно, что если Франция сможет определять *правила игры* в торговле и транспортировке углеводородов в Средиземноморье, где, напомним, присутствует мощная французская военно-морская группировка, то ее положение станет существенно более независимым от того, что говорят в Берлине и Брюсселе.

Однако в данном случае интересно не то, что борьба за углеводороды стала важнее борьбы за демократию и общечеловеческие ценности. И без этого было понятно, что Запад на обломках советской империи интересуют преимущественно природные ресурсы и что рано или поздно основное содержание политики западных государств даст о себе знать. Важно то, что стратегия контроля над углеводородными коридорами теперь начинает приобретать и военный оттенок. Это и идея форсированного приема Грузии и Украины в НАТО, что, как кажется некоторым на Западе, гарантирует безопасность трубопроводов и контроль со стороны прозападных режимов над соответствующими территориями. И это очень важное изменение в идеологии НАТО. Фактически впервые со времен приема в Альянс Турции и Греции публично ставится вопрос о поглощении НАТО, причем форсированном, государств с перманентной внутренней нестабильностью и сомнительной демократической составляющей. Что это, если не публичное признание доминирующего значения углеводородов для мировой политики? Что это, как не демонстрация политической воли или хотя бы ее элементов отстаивать свой контроль над углеводородами с оружием в руках? В пользу именно такого понимания тенденций говорит и новый ренессанс идей о прямом военном присутствии НАТО в Каспийском море. Это же подтверждает и очевидная активизация арктической стратегии США.

В конечном счете, подобный поворот мировой политики хоть и банален, но понятен – политическое присутствие в углеводородных регионах и на путях транспортировки углеводородов выглядит как-то убедительнее, если подкреплено не только и не столько идеями демократии, несколько *большой дубинкой*. И теперь встает вопрос, откуда и как брать *большую дубинку*, например, европейским странам, военный потенциал которых вполне очевиден, однако недостаточен для того, чтобы контролировать территорию (а контроль углеводородных регионов и маршрутов транзита углеводородов – это именно контроль над территорией), тем более на значительном удалении от собственной территории. Ответ на этот вопрос вполне очевиден: это НАТО, сердцевиной которого являются США. Тем более, что в НАТО уже есть доктрина *out of area operations*, которая хотя и официально нацелена на операции в этнических и граж-

 Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по электронной почте из Москвы: Можно согласиться с динамикой Индекса: большой крови в означенный период не было, новых серьезных конфликтов удалось избежать, войны не начались. На Ближнем и Среднем Востоке наиболее негативно сказались на состоянии безопасности кризисы вокруг постов президента в Ливане и Пакистане, а также убийство Беназир Бхутто.

данских конфликтах, однако вполне подходит и для геоэкономического формата. НАТО необходимо снова искать миссию, ибо возможности использовать в качестве миссии процесс расширения объективно подошли к своему логическому концу.

Для России это новое явление не только и не столько вопрос сохранения влияния на постсоветском пространстве, сколько вопрос обеспечения безопасности собственных зон добычи углеводородов. Ведь и у нашей страны есть районы добычи углеводородов и потенциальные нефтегазоносные регионы, которые, мягко говоря, требуют защиты. Это и арктические нефтегазоносные провинции, и шельф Охотского моря, и участки в Каспийском море. Не говоря уже о многочис-

ленных транспортных коридорах, в частности, новых проектах в Балтийском и Черном морях. Так что новая тенденция силового подкрепления углеводородной дипломатии касается нашей страны напрямую и уже на данном этапе создает для нас весьма неприятные вызовы. Которые, нравятся нам это или нет, требуют реформирования российского военного потенциала и российской военной стратегии.

ЖИЗНЬ БЕЗ ДОВСЕ И НЕ ТОЛЬКО БЕЗ ДОВСЕ

Странна почти истерическая реакция европейских партнеров на решение России о выходе из ДОВСЕ, что в Москве, вероятно, из деликатности назвали иностранным словом *мораторий*. Странна тем, что, во-первых, вызвана решением, после которого равным счетом ничего с точки зрения их безопасности не изменилось. А во-вторых, тем, что Россия долго и упорно предупреждала НАТО и ЕС о том, что собирается сделать, а наши партнеры в это не верили или делали вид, что не верили. Во всяком случае, пытаются изобразить действия Москвы как коварное и неожиданное решение – верх внешнеполитического цинизма.

А если серьезно, то, лишая европейских партнеров ДОВСЕ, Москва продемонстрировала, что не собирается в дальнейшем сохранять для них комфортную военно-политическую ситуацию на европейском театре военных действий (ТВД). Они этого военно-политического комфорта не заслужили. Не заслужили тем, что с упорством, достойным намного лучшего применения, игнорировали все призывы России начать обсуждение вопросов, связанных с архитектурой европейской безопасности. Вспомним хотя бы реакцию НАТО на речь президента России В.В. Путина в Мюнхене, которую все отнесли к чисто пропагандистским шагам. И напрасно. Ведь именно в этой речи содержалось не только предостережение нашим западным партнерам, но и путь к выходу из создавшегося положения. Ни тем, ни другим НАТО воспользоваться не пожелало, вероятно, считая, что Россия и на этот раз ограничится еще одним *последним предупреждением*. Но, вероятно, в этом и заключается смысл новой российской внешней политики, что после предостережений и увещаний происходит некое действие.

Что же касается ДОВСЕ как такового, то в данном случае всем и на Западе, и в России следовало бы руководствоваться здравым смыслом. Это соглашение, которое, возможно, было вполне приличным в момент своего подписания, устарело и потеряло всякий смысл в момент распада Советского Союза и ни коим образом не могло служить даже номинальной базой для выстраивания европейской архитектуры безопасности, которую, к слову, никто и не строил, по крайней мере, в последние 15 лет, сосредоточив-

шись на процессе расширения НАТО и вытеснения России с постсоветского пространства. ДОВСЕ совершенно закономерно в таких условиях превратился исключительно в средство ограничения военных возможностей Российской Федерации, что и было продемонстрировано президенту Б.Н. Ельцину на пресловутом Стамбульском саммите НАТО. Ведь на Стамбульском саммите за *косметическую адаптацию* Договора даже не под военно-политические потребности России, а под новые и вполне объективные реалии от России потребовали совершенно конкретных уступок, напрямую касавшихся ее военно-политических интересов. И эти уступки были сделаны.

Надо смотреть правде в глаза: ДОВСЕ умер, и умер задолго до того момента, когда Россия ввела мораторий на его соблюдение. И смысла вести диалог с НАТО об условиях возвращения России в ДОВСЕ просто нет. Смысл есть в том, чтобы начать уже сейчас диалог с НАТО о новом режиме, который бы регулировал военно-политические отношения в Европе с учетом новой конфигурации сил и новых политических и технологических реалий. Только вряд ли НАТО на это согласится – ведь так комфортна ситуация откровенной вседозволенности, которую создавал Альянсу ДОВСЕ, что в адаптированной, а тем более – в неадаптированной форме. Проще и приятнее обвинять Россию в вероломстве.

Однако нельзя закрывать глаза и на объективно существующую проблему: впервые за последние 25 лет Европа осталась не только без системы, которая бы регулировала военно-политические отношения на континенте, но и без соответствующего переговорного процесса. И это произошло в тот момент, когда США своим решением разместить в ряде европейских стран системы ПРО впервые с момента падения Берлинской стены вернули Европе значение и статус ТВД. Ведь все, что происходило между 1990 и 2007 гг., вполне ложилось в русло политических маневров и дискуссий. Теперь же, с размещением элементов американской ПРО, Европа становится плацдармом для ведения военных действий. Причем против кого конкретно в данный момент направлен этот плацдарм – вопрос уже следующего порядка. Важен сам факт. Это достаточно деликатный момент с точки зрения стабильности и будущего военного баланса, и было бы крайне желательно для поддержания нынешнего уровня стабильности обеспечить развитие хотя бы самого общего если не переговорного процесса, то хотя бы углубленного диалога по вопросам европейской безопасности и стабильности. И в том случае, если Россия выступит инициатором такого диалога, сможет предложить его формат и механизм, решение о прекращении выполнения условий ДОВСЕ станет не просто политически оправданным, но геополитически дальновидным.

Другой вопрос, что мораторий и даже денонсация ДОВСЕ принципиально не изменят баланс сил в Европе. Это лишь шаг, освобождающий Россию от наиболее унизительной части навязанных в период временной слабости нашей страны обязательств. Но надо смотреть правде в глаза: устранение ДОВСЕ как фактора, определяющего российскую военную политику и политику в области безопасности, не решит проблемы сдерживания НАТО на европейском ТВД. А как теперь становится понятно всем вменяемым политикам и специалистам, результативный диалог с НАТО и тем более – конструктивное партнерство возможны лишь через прямое и достаточно откровенное сдерживание НАТО, будь то ядерное или конвенциональное. Только тогда у натовских политиков возникнут некая потребность в диалоге с Москвой и понимание необходимости учета ее интересов.

С учетом нынешней неспособности России сформировать систему сдерживания на базе обычных вооружений (что, вероятно, сохранится и на обозримую перспективу) необходимо признать, что вести конструктивный диалог с НАТО и проводить политику вовлечения мы можем, только опираясь на ядерное оружие. А это приводит нас к вполне логичному выводу, что проблема взаимоотношений в военно-политической области с нашими европейскими партнерами лежит не столько в плоскости ДОВСЕ, сколько связана с уродливым детищем горбачевского периода – Договором о ракетах средней и меньшей дальности, который уже в момент своего подписания нанес ощутимый урон безопасности страны.

Именно обладая потенциалом средств доставки ядерного оружия средней и промежуточной дальности, можно будет не опасаться за процессы в Европе и сохранение европейской стабильности. Причем совершенно не обязательно размещать этот потенциал в европейской части России. Напротив, он мог бы постоянно размещаться в центре страны, где-нибудь в Приволжско-Уральском военном округе, и перебрасываться – благо, эта техника *авиатранспортабельна* – на европейский ТВД в случае каких-либо затруднений в диалоге с нашими европейскими партнерами и союзниками. Может эта группировка перебрасываться и на дальневосточный ТВД, скажем, для повышения эффективности переговорного процесса с США или укрепления партнерства с каким-либо другим государством, расположенным в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Причем совершенно необязательно этим государством должна быть именно Япония. А главное – много таких ракет и не надо: хватит полутора–двух сотен носителей, что современная Россия вполне может себе позволить.

И никакой гонки вооружений.

НА ФРОНТЕ ПРО – БЕЗ ПЕРЕМЕН

Отсутствие реальных новостей про размещение американской системы ПРО в Европе только подтверждает нашу более раннюю гипотезу: США конфигурируют систему ПРО таким образом, чтобы иметь возможность противопоставить ее российским стратегическим силам, но пока не смогли подойти к той стадии, когда система полностью готова к размещению. В результате возникает то, что в военной науке называется *оперативная пауза*, которую наши американские партнеры весьма умело смогли заполнить *имитацией переговорного процесса*. Странно, что в Москве удивлялись и расстраивались из-за того, что *переговорный процесс* почему-то идет трудно и никаких серьезных предложений США России почему-то не делают.

И ведь нельзя сказать, что переговорный процесс является для американцев всего лишь ширмой для развертывания системы ПРО в Европе. Это было бы большим и опасным упрощением, более того, продемонстрировало бы непонимание современных мотивов внешней и военной политики США. Для США диалог и с Москвой, и со *старой Европой* есть средство продемонстрировать свою кооперативность, не делая при этом уступок. Это диалог на основе формулы: лучше согласиться с позицией США и быть внутри системы, чем протестовать, оказаться вне системы и никак в результате на нее не влиять. Формула, надо сказать, не новая. И Россия с этой формулой неоднократно сталкивалась: и когда ее уговаривали вступить в программу «Партнерство во имя мира», и когда предложили бессмысленный по сути и бесплодный по форме основополагающий акт по взаимоотношениям с НАТО в обмен на отказ от реакции на первую волну расширения Альянса. Предлагают эту формулу и сейчас, когда всячески уговаривают Россию вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО). То есть диалог с Москвой или с любым другим неуступчивым партнером для США – не ширма, в которой они в принципе не нуждаются, а инструмент демонстрации безысходности положения партнера по диалогу.

Именно безысходность и демонстрирует нам ход переговоров по ПРО. Безысходность, прежде всего, в том плане, что Москве демонстрируется ее неспособность реально влиять на американскую политику. Причем предложения Москвы отвергаются, даже несмотря на их откровенную выгоду для Вашингтона – тут дело не в Габалинской РЛС, которую, к слову, Вашингтон сможет получить через некоторое время, если захочет, у своего нового союзника И.Г. Алиева и без согласия или вообще какого-либо участия Москвы. Тут дело в том, что Москве откровенно демонстрируют, что ее мнение и предложения в Вашингтоне никого не интересуют и что она либо соглашается участвовать в американской программе, либо у нее не будет возможности не только влиять на развитие этой программы, но и делать вид, что у нее есть это влияние.

Эта тактика американцев может быть смело названа *вовлечение через иллюзию влияния*, а главное – она уже неоднократно применялась в разных ситуациях и применяется и в настоящее время. Ровно так же нам предлагают поучаствовать в дебатах по Косово с целью легитимизировать независимость этого натовского протектората; на амери-

канских условиях, разумеется, вступить в ВТО; согласиться с новой углеводородной политикой ЕС, с американской силовой политикой в отношении Ирана. И за все это предлагается получить *иллюзию влияния*, в рамках которой Вашингтон будет всячески подчеркивать роль России в *конструктивном разрешении* той или иной конфликтной ситуации. Именно так в свое время нас благодарили за *конструктивное участие* в разрешении внутривнутриполитического кризиса в Грузии, в ходе которого США, в том числе нашими руками, привели к власти еще более, нежели Э.А. Шеварднадзе, антироссийски настроенного М.Н. Саакашвили. Горький опыт *конструктивного партнерства* с США последних 15 лет должен нас научить тому, что, чтобы жить в реальности, надо уметь жертвовать видимостью.

Мораль из этого очень простая: не надо думать, что влиять на США нельзя. Влиять на США можно и нужно, но не за столом переговоров, а путем точечных, иногда – силовых действий, причем не только военно-политических, но и экономических. Которые бы объясняли, если хотите – доказывали нашим американским партнерам ценность партнерства с Россией и ошибочность позиции тех в Вашингтоне, кто считает, что этим партнерством можно пожертвовать. Но за столом переговоров нужно расслабляться и терпеливо выслушивать разглагольствования американцев о стратегической стабильности, нераспространении ОМУ и поучения о том, как строить демократию. Следует уважать чужие этнографические особенности. А потом в тиши кабинетов военных стратегов и конструкторских бюро спокойно и без крика, а возможно – и без сообщений в СМИ разрабатывать новые ракеты и планы их боевого применения.

ИРАК: СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?

Говорят, что ситуация в Ираке существенно улучшилась и что в процессе *стабилизации* начал виднеться *свет в конце тоннеля*. Отчасти это правда. Надо признать, что американцам удалось, с одной стороны, снизить масштабы боевой активности суннитских боевиков, во всяком случае применительно к собственным военным. А с другой – добиться изоляции радикальных исламистов, тех, кого называют сторонниками *Аль-Каиды*, в среде антиамериканских сил. Успех этот вряд ли можно считать стратегическим, поскольку снижение боевой активности суннитских исламистов слабо влияет на возможность формирования в Ираке дееспособной власти, а только дееспособная власть, возможно, еще более жестокая, нежели режим Саддама Хусейна, сможет превратить Ирак в более-менее стабильное государство. До этого еще далеко, и есть большие сомнения, что это в принципе можно сделать.

Хотя надо признать, что определенно-го стратегического успеха США в Ираке все же достигли. Спад активности исламистов в Ираке говорит, прежде всего, о том, что у них нет возможности поддерживать численность воюющих против американцев в Ираке иностранных боевиков, а именно они являются наиболее бесспособной частью исламистов в Ираке, на прежнем

 Чжие Цзи (КНР), директор Института исследования России – по телефону из Пекина: Продолжается решение северокорейского ядерного вопроса, последнее выступление американской разведки по Ирану также может снизить угрозу. Отправляются миротворцы в Судан, и это должно повысить безопасность в Восточной Африке. Новое правительство Японии намного мягче предыдущего в вопросах международных отношений, что позитивно сказывается на климате в нашем регионе. Продолжающаяся конфронтация в Мьянме и попытка переворота в Филиппинах, хотя в данном случае все окончилось быстро, негативно сказались на политической ситуации в Юго-Восточной Азии, ведь сейчас сложно сказать, где кончаются внутренние проблемы и начинаются международные.

уровне. По всем оценкам, количество иностранных боевиков в Ираке постоянно падало в последние полгода, а в последние три месяца это уже откровенно привело к существенному сокращению боевой активности антиамериканских сил. Насколько данная тенденция сохранится на будущее – не ясно, ибо США вынуждены по финансовым соображениям и из-за усталости войск сокращать численность группировки, однако как минимум временный успех налицо.

Однако надо посмотреть на складывающуюся ситуацию в более широком контексте. Согласившись с долгосрочной нестабильностью в Ираке и весьма немалыми потерями среди американских военнослужащих, США превратили Ирак в некий *пылесос*, который высосал всех потенциальных боевиков-исламистов не только из стран Ближнего Востока, но и из Пакистана, стран Юго-Восточной Азии. Причем *высосал* и потом перемолол огнем американской армии в самую малоценную, если этот термин имеет право на существование применительно к нефтедобывающей стране, часть Ближнего Востока. Так что убитые американцами в Ираке исламисты уже никогда не смогут угрожать Израилю, Турции, Египту, а главное – Саудовской Аравии. В результате *иракского котла* США смогли серьезно снизить давление исламистов на своих ближневосточных союзников, возможно, предотвратив исламский переворот в саудитском королевстве и, вероятно, в Египте.

Вряд ли этот замысел существовал в Вашингтоне изначально. Скорее, в США к нему пришли после того, как стало ясно, что долгосрочной нестабильности в Ираке не избежать, а параллельно придется готовиться к операции против Ирана. Что и говорить – маневр, совершенный американцами, выглядит пока неплохо, тем более что дает возможность почти не опасаться удара в спину в случае начала войны против Ирана. Но и это еще не все – фактически, разжигая гражданскую войну в Ираке, США до предела обострили противоречия между шиитами и суннитами, причем не только иракскими. И теперь уже только наивный может рассуждать о возможности преодоления исторических противоречий между двумя ветвями ислама. А ведь именно этот вопрос все-таки обсуждался сразу после терактов 11 сентября 2001 г. и именно этот процесс – отчетливо проявившийся и в появлении *Аль-Каиды*, и в усилении *Хизбаллы*, и в движении *Талибан*, и в ряде других явлений – рассматривался в качестве магистрального в развитии исламского мира. И именно этот процесс, если бы он пошел достаточно далеко, мог создать реальную угрозу для позиций США в исламском мире, а главное – в нефтеперерабатывающих странах, контролирующихся прозападными режимами.

Вот только цену за реализацию данного сценария американской администрации пришлось заплатить очень и очень немалую. И эта цена – не столько жизни американских солдат и мирных иракцев, перемолотые в мясорубке внутреннего конфликта. Эта цена – возникший впервые со времен Уотергейтского скандала глубокий раскол в американской элите. Хотя, если республиканцам удастся тем или иным способом привести своего представителя в Белый дом, что сейчас уже не представляется столь безнадежным делом, как это было полтора года назад, то и эта цена будет оправданной. Но если республиканцы потеряют Белый дом, то это будет очень серьезное и почти стратегическое поражение, которое будет иметь для США откровенно глобальные последствия.

ИРАН: И ТОЖЕ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?

На фоне относительной стабилизации в Ираке вроде бы обозначилась перспектива избежать вооруженной акции США против Ирана. Паровоз американской дипломатии, уверенно кативший к введению всеобъемлющих санкций против Ирана, а затем – к вооруженной акции против этой страны, вдруг неожиданно затормозил. Причем в тот момент, когда, казалось бы, смысла для этого просто не было: ситуация в Ираке более стабильна, чем когда либо, если применительно к Ираку можно вообще говорить о стабильности. Европейские союзники Вашингтона менее, чем когда-либо за последние 15 лет, склонны наемать на свою самостоятельность. Китай занят решением вопроса о расширении экспорта игрушек в США. Так что Россия осталась практически в одиноч-

С материалами по иранской ядерной программе Вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Иран» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/iran>

тве со своими призывами к здравому смыслу и следованию логике международного права. И тем не менее, Вашингтон явно затормозил.

Только очень наивный человек будет считать, что операция США против Ирана была остановлена докладом ЦРУ, в котором утверждалось, что Те-

геран прекратил реализацию своей ядерной программы несколько лет назад. Но столь же наивным было бы полагать, что вбросом доклада по ядерной программе Ирана ЦРУ просто рассчиталось с вашингтонскими неоконсерваторами за скандальное и очень болезненное для американской разведки дело *Валерии Плейм*. Этот фактор явно имел место, но вряд ли он мог быть основным.

В данном случае дело, вероятно, в другом: доклад ЦРУ продемонстрировал, что американские разведчики почти открыто подыграли тем в американской элите (и вряд ли это люди, находящиеся в современной американской администрации), кто очень не хотел бы, чтобы выборы в США прошли под аккомпанемент бомбардировок Ирана и тем более – наземной операции. Ибо только в таком случае республиканцы смогут опираться на свой излюбленный козырь – апелляцию к патриотическим чувствам нации, а может быть – и задействовать те административные ресурсы, которые они накопили за последние восемь лет, включая и возможность откровенного давления на СМИ. Ведь в условиях войны против Ирана – а то, что администрация Джорджа Буша в Иране была нацелена именно на солидную войну, эффект которой продолжался бы месяцы, а не на булавочный укол, про который все забыли бы через неделю, очевидно – все ныне мощные позиции Демократической партии США, основанные, в сущности, на борьбе за вывод войск из Ирака, окажутся всего лишь *крепостями из песка*. В период войны ни один политик в США никогда не рискнет выступать против действующей власти. Вспомним, как Хиллари Клинтон в 2003 г. активно поддержала войну против Ирака. А призрак экономического кризиса отступит перед образом зловещего иранского президента с атомной бомбой в руках, который к тому же отрицает Холокост.

Но если ЦРУ так откровенно играет против действующего президента, то вполне разумно будет сделать вывод о том, что противоречия в современной американской элите подошли к той незримой черте, после которой случаются самые странные события в американской истории. А у нынешней администрации слишком много *скелетов в шкафу* для того, чтобы обострять внутриполитическую ситуацию, да еще и на фоне откровенного внутриэкономического кризиса.

И думается, именно это обстоятельство и является ключевым для понимания того, почему так странно снизилась острота проблемы иранской ядерной программы для американской администрации. Иранская программа обогащения урана – даже если у нее и обнаружится военно-прикладной аспект – не стоит того, чтобы дестабилизировать внутривнутриполитическую, вернее, внутривнутриэлитную ситуацию в США. Ибо относительная внутривнутриполитическая стабильность в этой стране, где последние два раза победа на выборах доставалась кандидату от Республиканской партии *на грани*, а может быть – и за *гранью* фола, достигалась именно единством политической элиты, которая, в сущности, и решила восемь лет назад, что Джордж Буш приемлемее Альберта Гора. И, наконец, именно поэтому даже вашингтонские неоконсерваторы были вынуждены на время отставить в сторону свои мессианские планы. И это хорошо – ибо показывается, что основные механизмы американской демократии продолжают действовать, а США остаются – по крайней мере, в ближайшем будущем – вполне вменяемой мировой силой.

ПАКИСТАН: НЕТ СВЕТА В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

В конце 2007 г. стало очевидно, что Пакистан становится полноценной горячей точкой. Если взглянуть на ситуацию объективно, то нестабильность в Пакистане уже начала приближаться к уровню Афганистана. Во всяком случае, как и в Афганистане, в Паки-

стане начали образовываться анклав, которые уже никак – даже формально – не контролируются центральным правительством. Не говоря уже о постоянных террористических актах в городах и перманентной политической нестабильности. И гибель бывшего премьер-министра Беназир Бхутто лишь усугубила это положение.

Понятно, что вне зависимости от того, кто конкретно отдал приказ об убийстве Беназир Бхутто, это событие неминуемо обрстет слухами, разговорами, сплетнями и станет долгосрочным фактором дестабилизации ситуации в Пакистане. Никто никогда не поверит, что власти и лично президент Первез Мушарраф не имели отношения к покушению. Однако мы не должны упускать из вида главное: дестабилизация ситуации в Пакистане началась задолго до убийства Беназир Бхутто, биография которой, в частности, обилие трупов на ее жизненном пути (включая ее двух братьев), как-то не дает возможности признать ее мученицей, отдавшей жизнь за идеалы демократии. Более того – без всякой связи с политической деятельностью Беназир Бхутто, которая, конечно, планировала по западным столицам, едва ли имела возможность активно влиять на ситуацию внутри Пакистана, несмотря на наличие большого числа сторонников.

Пакистан в 2007 г. и особенно в его второй половине столкнулся одновременно с целым рядом мощных вызовов государственности и центробежных факторов, в рамках которых даже нарастающая активность исламистов, якобы связанных с *Аль-Каидой*, не говоря уже о деятельности *демократов* вроде Беназир Бхутто и Наваза Шарифа, не является самым главным вызовом. Нельзя забывать и нарастающий племенной сепаратизм, который власти не могут подавить ни уговорами, ни применением военной силы, экономический коллапс, а главное – сильно напоминающие ситуацию в Иране 1977–1978 гг. процессы обвальной исламизации молодежи. Фактически единственной опорой государства, которая обеспечивает минимальную стабильность, вернее, ее видимость, является армия.

Речь идет о том, что очень по многим параметрам, прежде всего, с точки зрения устойчивости государственной системы, Пакистан можно смело отнести к *несостоявшемуся государству*, тем более, что для этого есть серьезные основания: опыт пакистанской государственности за последние 60 лет доказывает, что относительное благополучие, вернее, спокойствие достигается за счет *ручного управления* со стороны *силовиков*. В тот момент, когда контроль *силовиков* над страной ослабевал и когда начинали хотя бы имитироваться элементы гражданского управления, ситуация достаточно быстро ухудшалась.

Но теперь ситуация остается нестабильной даже в условиях сравнительно жесткого контроля *силовиков* над страной. И это говорит о том, что эрозии подвергаются уже сами основы пакистанской государственности. Может быть, потому, что исторически пакистанская государственность поддерживалась за счет конфронтации с Индией и по мере того, как отношения двух государств если не улучшаются, то смягчаются, один из краеугольных камней государственности теряет свою прочность?

Надо признать, что вопрос о будущем Пакистана является одним из наиболее значимых вызовов мировому сообществу. И дело, вероятно, не только в ядерном оружии, в отношении которого, думается, есть определенные договоренности между Исламабадом и Вашингтоном. Дело в том, что нестабильность в Пакистане является стимулом к нестабильности на всем Среднем Востоке. В том числе и потому, что именно Пакистан с учетом высокой численности населения молодых возрастов и полным отсутствием экономических и социальных перспектив может стать источником новой волны воинствующего ислама подобно Ирану конца 1970-х гг., Египту середины 1980-х гг. и Йемену начала 1990-х гг.

Но *пакистанский вызов* мировому сообществу глубже. Он затрагивает глубинные основы международных отношений. Он заставляет поставить вопрос о том, насколько уместна демократизация таких обществ, как Пакистан (который, напомним, граничит с самой большой демократией в мире – Индией), а насколько мировое сообщество должно способствовать в ряде случаев консервации авторитарных режимов. Кстати, предпринятые под давлением Запада попытки демократизации Кении привели к тому, что это го-

сударство, бывшее синонимом стабильности в Африке, почти погрузилось в пучину гражданской войны. Также весьма опасный симптом.

Вопросов, на которые требуется ответить, много. Например, какая степень авторитаризма и милитаризма допустима для таких режимов? Как можно, фактически поддерживая авторитаризм ради стабильности в подобных государствах, ограничивать их внешнеполитические амбиции, ибо авторитарный режим, осознающий свою внутреннюю слабость, всегда и везде будет склонен к экспансионизму? Так что история Пакистана преподала и, вероятно, еще преподает мировым державам большой и жестокий урок. Вот только будет ли он выучен?

КОСОВСКАЯ МИНА ПОД ЕДИНУЮ ЕВРОПУ

Ситуация вокруг Косово – это виртуальный геополитический пат с заранее известным исходом. Ведь ни у кого нет серьезных сомнений, что независимость края рано или поздно будет признана, причем по сценарию, написанному в США. Всем понятно, что Белград, повозмущавшись, согласится с независимостью Косово так же, как сербы в свое время согласились с распадом бывшей Югославии и потерей самостоятельности сербских анклавов в Боснии. Ибо для сербских властей, да и сербского общества в целом стремление занять свое место в Европе, даже если это будет место строительных рабочих, мусорщиков и официантов, куда более интересно, нежели отстаивание неких национальных идеалов и территориальной целостности. Не тот контингент.

Все крупные мировые игроки, включая Россию, это понимают, однако делают вид, что идет упорная борьба за то, каким будет пресловутый *косовский прецедент* и кто сможет его в дальнейшем использовать в свою пользу. А ответ ужасно прост – *косовский прецедент* вне зависимости от того, как юридически и политически будет оформлено территориальное расчленение Сербии, с пользой для себя использует тот, кто будет обладать политической волей, чтобы принять соответствующее решение, и силой, чтобы отстоять принятое решение. А таких сил в мире не так уж и много.

Что до политического характера *косовского прецедента*, то все возражения наших западных партнеров против его распространения на Абхазию, Южную Осетию и Приднестровье выглядят как-то странно. В конечном счете, Косово – это пример ситуации, когда независимости добивается фактически *марионеточное* государство, отторгнутое от территории суверенного государства, признанного ООН в результате прямой и откровенной внешней агрессии. В этом смысле Косово – это европейский вариант Манчжоу-Го, *марионеточного* государства, отчлененного японскими агрессорами от суверенного Китая со всеми вытекающими последствиями. Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье – это примеры ситуаций, когда народы с оружием в руках отстаивали свое право на национальную независимость в борьбе против фактически политики геноцида со стороны *титულных* государств. И они имеют право на собственную государственность в той или иной форме гораздо больше, нежели прикрывающиеся натовскими штыками косовары.

Но главное, вероятно, состоит в том, что под *единую Европу* руками самих европейцев закладывается большая *мина* в виде *Великой Албании*. *Великой Албании*, основанной на криминале, наркоторговле, возможно, в будущем исламизированной и являющейся источником постоянной нестабильности в *мягком подбрюшье* Европы. Имея под собой такую *мину*, ЕС, который уже разделился на *Старую Европу* и *Малую Антанту*, а Лиссабонский прорыв лишь частично смягчил этот раскол, будет постоянно нуждаться не только в НАТО как факторе, который обеспечивает хотя бы видимость стабильности в Косово, а также – Боснии-Герцеговине, про которую все стали благополучно забывать. ЕС будет всегда нуждаться в посредничестве США в отношениях с албанцами, которые после провозглашения независимости Косово станут крупнейшей трансграничной силой, влияние которой будет несравнимо большим, нежели влияние и статус государства, именуемого Албания. А главное – влияние которого будет заведомо деструктивным, учитывая те страты европейского общества, которые албанцы в основном

стремятся занять. Видимо, именно понимание этих возможных последствий и подвигло некоторых членов ЕС на то, чтобы притормозить безостановочное движение ЕС к признанию косовской независимости. Только вряд ли это что-то сможет изменить в стратегическом плане.

В конечном счете, если европейцы – или, как минимум, часть европейцев – хотят своими руками заложить под себя *косовскую мину*, то почему Россия должна их от этого удерживать? И в данном случае неважно, почему ЕС так стремится побыстрее оформить юридически независимость Косово: по геополитической недалёковидности или же из желания сделать приятное своим американским партнерам. Это не наше дело, это не наша проблема. Это – проблема *единой Европы* и сербов, которые мечтают в эту *единую Европу* попасть. А мы должны, оценив те последствия, которые действия США несут для будущего системы международных отношений, сохранить максимальную свободу рук в отношении, прежде всего, постсоветского пространства. Но при этом нам следует точно осознавать, что за *мина* лежит теперь под Европой, мы должны понимать, что эта *мина* рано или поздно взорвется и что осколки этой мины могут долететь не только до Рима и Берлина, но и до Москвы, если вовремя не выстроить новую европейскую стратегию.

Но использовать в своих интересах *косовский прецедент*, эту новую политическую реальность, Россия должна там и тогда, где и когда это принесет ей наибольшую геополитическую выгоду. И с этой точки зрения очень интересен нашумевший доклад аналитической группы *Stratfor*, связанный, по слухам, с американскими *компетентными органами*, призывающий Россию скорейшим образом признать независимость непризнанных государств¹⁴. Если такие эксперты призывают Россию в выборный год и в России, и в США пойти на конфронтацию с Западом, то это значит, что конфронтация с Россией именно сейчас и именно по данному вопросу будет наиболее выгодна для Запада. А это, в свою очередь, значит, что делать такой подарок нашим западным партнерам точно не стоит. Любое действие России по косовскому прецеденту должно приводить к еще большему разобщению ее оппонентов, а не к их консолидации. И не стоит бояться, что *косовский прецедент* утратит свое значение: Косово – это *всерьез и надолго*, и мы еще успеем использовать недалёковидность европейцев и цинизм американцев в своих интересах.

СТРАХ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ

Сравнительно благостный конец 2007 г. внушает оптимизм. Он дает надежду, что в системе международных отношений начинает проявляться некий страх перед последствиями принимаемых решений. Это очень важно, ибо именно на страхе базируется стабильность, что бы там ни говорили сторонники романтического и либерального подходов к международным отношениям. Ведь именно страх за последствия своих действий и является, возможно, единственной универсальной общечеловеческой ценностью во внешней политике. Именно страх останавливает, хотя и не всегда, воинствующих фанатиков той или иной идеологии, претендующей на глобальный и всеобъемлющий характер. И именно способность воплотить страх за последствия своих действий в практические политические действия и называется красивым термином «ответственность политика».

Именно на страхе базировалась мировая стабильность периода холодной войны, которая, нравится это кому-то или нет, все же остается наиболее длительным историческим периодом, когда человечество жило без крупных войн. И когда говорят о возможности наступления *новой холодной войны*, то не всегда понимают, что говорят о возможности наступления долгого мира, когда поведением политиков будут управлять не мессианские настроения, а страх, или *ответственность политика*, – это уж как кому приятнее. Но нельзя забывать, что *долгий мир*, вероятно, возможен только после большой войны. Во всяком случае, в истории бывало в основном именно так.

Когда-то на закате горбачевской эпохи Андрей Макаревич спел странную песню «В круге света», в которой были еще более странные слова: «Если все вокруг говорят о мире,

значит, дело идет к войне». Вам не кажется, что вокруг все больше и больше говорят о мире? Если кто забыл: Дракон и Ланцелот все же начали с понедельника. Ланцелот не без сложностей, но убил Дракона, и в городе воцарился такой бардак, что самым вменяемым персонажем на этом празднике добра, справедливости и общечеловеческих ценностей оказался сумасшедший Бургомистр.

Ничего не напоминает?

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Joint Understanding Read by President Bush at Annapolis Conference. 2007, November 27. Memorial Hall United States Naval Academy. Annapolis, Maryland. Released by the White House, Office of the Press Secretary.

² Дословный перевод американского названия такого рода документов «National intelligence estimate» – «национальная разведывательная оценка» – выглядит совершенно невразумительно. Поэтому можно было бы использовать принятый в советском и российском бюрократическом жаргоне термин «записка» или «аналитическая записка» для обозначения аналогичных по своему назначению документов, подготовленных теми или иными ведомствами для высшего руководства государства.

³ Iran: Nuclear Intentions and Capabilities. *National Intelligence Estimate*. 2007, November. National Intelligence Council. P. 8.

⁴ Ibid. P.7.

⁵ Iranian economists blame president for economic woes despite huge oil revenues. *International Herald Tribune*. 2007, July 14. <http://www.iht.com/articles/ap/2007/07/14/africa/ME-GEN-Iran-Economic-Woes.php> (последнее посещение – 10 января 2008 г.).

⁶ Templer Robert. Military Rule Will Not Quell Pakistan's Islamists. *Financial Times*. 2007, 16 November.

⁷ Tacit bargaining – негласный торг, секретные переговоры.

⁸ Elections, Democracy and Stability in Pakistan. International Crisis Group. *Asia Report N 137*. 2007, 31 July. P. 1.

⁹ MacAskill Ewen. Pentagon readies plans for Pakistan's nuclear arsenal. *Guardian*. 2007, December 28.

¹⁰ Доклад Генерального секретаря о Миссии ООН по делам временной администрации в Косово. S/2007/768. Distr. 3 January 2008. P. 9 (на русском языке).

¹¹ Путин Владимир. Интервью журналу *Тайм*. 2007, 12 декабря. http://www.president.kremlin.ru/appears/2007/12/19/1607_type63379_154772.shtml (последнее посещение – 10 января 2008 г.).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ См. Annual Forecast 2008: Beyond the Jihadist War. Stratfor. 2007, January 8. P.10. http://web.stratfor.com/images/writers/STRATFOR_Annual_1_08.pdf (последнее посещение - 20 января 2008 г.).

Роланд Тимербаев

О ПОРОГОВЫХ ДОГОВОРАХ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ЯДЕРНЫХ ВЗРЫВОВ 1974–1976 ГГ.¹

В 1974–1976 гг. в Москве проходили переговоры между делегациями СССР и США о заключении так называемых *пороговых договоров* по ограничению мощности подземных ядерных взрывов, проводимых как для испытания оружия, так и в мирных целях, в которых мне довелось принять непосредственное участие.

До этого существовал – и продолжает действовать и поныне – многосторонний Договор 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, который был также заключен в Москве. Но этот договор не запретил подземные ядерные взрывы любой мощности и любого назначения, проведение которых интенсивно продолжалось не только Соединенными Штатами и Советским Союзом, но также Великобританией, Францией, Китаем.

В настоящее время все перечисленные страны, как известно, соблюдают мораторий на ядерные испытания, но Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия (ДВЗЯИ), заключенный в 1996 г., в силу еще не вступил. Читателю поэтому было бы полезно знать, какие договорные обязательства действуют в отношении проведения ядерных взрывов. Наряду с действующим Московским договором 1963 г. о запрещении испытаний в трех средах имеются еще два договора об ограничении подземных ядерных взрывов, заключенные в 1974 и 1976 гг., которые продолжают и сегодня сохранять свою законную юридическую силу.

ДОГОВОР ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПОДЗЕМНЫХ ИСПЫТАНИЙ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В былые годы подземные ядерные взрывы достигали больших мощностей и не раз приводили к выбросу в атмосферу радиоактивных веществ за пределами национальных территорий, что было запрещено договором 1963 г. Было немало случаев, когда США и СССР предъявляли друг другу серьезные претензии по этому поводу. Только за период с 1969 по 1973 г. Соединенные Штаты, по данным СМИ, взорвали семь устройств мощностью свыше 150 кт². За тот же период времени Советский Союз, по официальным данным, произвел 18 ядерных взрывов мощностью больше 150 кт³.

Однако к началу 1970-х гг. и США, и Советский Союз в основном отработали наиболее мощные ядерные боеголовки, в том числе для межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (МБР и БРПЛ с РГЧ ИН), и надобность в испытаниях чрезмерно мощных ядерных взрывных устройств практически отпала. Возникла идея ограничить мощность подземных взрывов определенным порогом. Такое соглашение нужно было обеим сторонам и по общеполитическим соображениям – для закрепления и дальнейшего развития наметившейся разрядки во взаимоотношениях между ними.

Ы
Ц
И
Р
О
А
С
Т
И
Н
С
Т
И
К

В июле 1974 г. намечался визит в СССР президента США Ричарда Никсона, и обеими сторонами было решено к его приезду выработать проект договора об ограничении подземных ядерных испытаний каким-то порогом, который еще предстояло определить, но конкретный порог должны были согласовать при личной встрече лидеры обеих стран – Ричард Никсон и Л.И. Брежнев. Делегациям же двух государств поручалось согласовать текст договора, оставив в его проекте место для точной цифры размера порога.

Советскую делегацию возглавлял заместитель министра среднего машиностроения И.Д. Морохов, человек очень энергичный и динамичный, в нее входили другой заместитель министра этого министерства, непосредственно отвечавший за ядерный оружейный комплекс, – А.Д. Захаренков, от Минобороны – генерал А.А. Осин, от МИДа – автор этих строк, и, кроме того, было много экспертов, в том числе от Госкомгидромета его председатель Ю.А. Израэль. В целях весьма наивной конспирации А.Д. Захаренков был представлен как профессор Курчатовского института, но он сидел рядом с главой делегации, и всем было ясно, что он занимал весьма влиятельную должность. Во время заседаний, а они проходили в здании Минсредмаша в Старомонетном переулке, А.Д. Захаренков довольно сурово и недоверчиво наблюдал за всем происходящим, но в повседневной жизни был очень милым человеком, мы с ним познакомились и иногда по воскресеньям прогуливались, благо что жили в одном районе города.

Во главе американской делегации был посол США в Москве Уолтер Стессел, чрезвычайно приятный и доброжелательный человек. Что-то нас быстро сблизило, я стал часто бывать в Спасо-хаусе, резиденции американского посла. Вскоре, но уже после заключения *пороговых договоров*, он чем-то серьезно заболел. Его перевели послом в Бонн (ФРГ), чтобы быть поближе к хорошим врачам, но, как выяснилось, у него была неизлечимая форма лейкемии, и спасти его не удалось.

Договор о «пороговом» ограничении испытаний ядерного оружия был довольно быстро (примерно за три недели) разработан. Договор имел протокол, предусматривавший обмен некоторыми данными по испытательным полигонам сторон. Весь текст был полностью готов и напечатан на специальной *договорной* бумаге, но место для цифры *порога* было оставлено пустым до решения лидеров обеих стран. Приехав в Москву, Ричард Никсон и Л.И. Брежнев довольно быстро согласовали порог мощности разрешаемых взрывов, и затем договор был в торжественной обстановке подписан в Кремле.

Что касается величины порога, то наши соответствующие ведомства (Минсредмаш и Минобороны) стремились к установлению такой шкалы допустимых мощностей, чтобы иметь возможность производить испытания и довольно мощных взрывов. Конкретных цифр я сейчас не помню, но схема выглядела примерно так: один-два взрыва мощностью свыше 1Мт, три-четыре – в 500 кт и так далее по нисходящей. Но уже первые заседания показали, что американская делегация не была готова обсуждать конкретные цифры, да к тому же нам было очевидно, что столь замысловатая схема может потребовать и более сложного и строгого контроля, на что мы тогда не были готовы пойти. Да и политически было бы очень непросто оправдать перед международной общественностью цифры порога мегатонной мощности. Поэтому мы в делегации решили отложить вопрос о мощности разрешаемых взрывов до встречи между лидерами обеих держав.

Мне, однако, казалось, что вопрос будет решен путем согласования одной цифры порога – где-то в районе нескольких сот килотонн – 100, 200, 300, вряд ли больше. Как на деле произошла договоренность о величине порога, видно из моей дневниковой записи от 14 марта 1984 г., сделанной спустя 10 лет после подписания договора:

«На приеме в американском посольстве вчера, 13 марта, Билл Хайленд, в прошлом заместитель Генри Киссинджера по Совету национальной безопасности, рассказал о том, как согласовывался порог в 150 кт для договора 1974 г.

По его словам, американские военные хотели установить порог на уровне 600 кт, но Киссинджер резко возражал, напоминая на то, что это слишком высокая цифра. Было условлено предложить русским 200 кт. Эта цифра и была согласована между Киссинджером и Громыко.

Но в дальнейшем Киссинджер решил, что и 200 кт – многовато. На встрече Брежнева и Никсона последний, с подачи Киссинджера, предложил 150 кт и настаивал на этом пороге.

Тогда Брежнев, Косыгин и Подгорный перешли в другой зал Большого Кремлевского дворца для обсуждения предложения Никсона между собой. Когда они вернулись, Брежнев дал согласие на 150 кт, но присутствовавший Громыко продолжал настаивать на цифре 200 кт, ссылаясь на то, что она уже согласована с американской стороной. Косыгин вмешался в разговор, сказав министру иностранных дел: «Сидите и слушайте!» Последнюю деталь рассказал мне советский переводчик, присутствовавший на переговорах в Кремле».

Поскольку лично я не присутствовал при согласовании величины порога мощности между руководителями обеих держав, ручаться за правдивость информации, сообщенной мне Биллом Хайлендом, я, разумеется, не могу, но мне она все же представляется, судя по другим доходившим до меня сведениям, достаточно достоверной.

Договором между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, подписанном 3 июля 1974 г., предусматривалось, что для обеспечения уверенности в соблюдении его положений каждая из сторон использует свои национальные технические средства контроля таким образом, чтобы это соответствовало общепризнанным принципам международного права. При этом стороны обязались не чинить помех национальным техническим средствам контроля другой стороны.

Предусматривались также консультации между сторонами при возникновении в процессе взаимного наблюдения за выполнением договора вопросов и сомнений по поводу действий противоположной стороны. Для содействия осуществлению целей и положений договора стороны могли бы в случае необходимости консультироваться друг с другом, делать запросы и предоставлять информацию в связи с такими запросами.

К договору, как упоминалось, был приложен протокол, который является неотъемлемой частью договора. Протокол регулировал вопросы, связанные с взаимным обменом информацией об испытательных полигонах сторон и проводимых испытаниях ядерного оружия. Хотя договор 1974 г. запрещал не все подземные испытательные взрывы ядерного оружия, а лишь устанавливал порог на испытания особо мощных зарядов, он сам по себе, естественно, требовал никак не меньшей уверенности в том, что стороны неукоснительно соблюдают свои обязательства. Каждая из сторон должна быть убеждена, что другая сторона не превышает договорного порога мощности, а это, конечно, затрагивает важные аспекты национальной безопасности.

Согласно протоколу, стороны обязались в целях обеспечения контроля за выполнением договорных обязательств обмениваться на основе взаимности данными по испытательным полигонам. Такие полигоны являются своего рода полевыми лабораториями, оснащенными специальными приборами и сложной аппаратурой для измерения величин показателей взрывов и проверки соответствия с проектными параметрами фактических данных, получаемых в результате испытаний того или иного образца ядерного заряда.

Основным способом обнаружения подземных взрывов и определения их мощности является регистрация сейсмических колебаний в земной коре при помощи сейсмических приборов. Однако на эффективность и точность работы телесеизмических устройств влияет ряд факторов, и прежде всего типы пород, в которых производится ядерный взрыв. Если взрыв производится в твердой породе, например, в граните, то он дает одну сейсмическую магнитуду, а если взрыв той же мощности осуществляется в осадочных породах, то показатели будут иными. Поэтому для того, чтобы обеспечить достаточную точность регистрации сейсмических сигналов, необходимо знать основные геологические и геофизические характеристики испытательных полигонов.

Протокол предусматривал взаимный обмен следующими данными: географические координаты границ каждого испытательного полигона и границ геофизически отдельных испытательных площадок на них; сведения по геологии испытательных площадок полигонов; сведения о двух калибровочных взрывах по каждой геофизически отдельной

С материалами по проблеме нераспространения Вы также можете ознакомиться в разделе «Проекты – Нераспространение и Россия» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/nonproliferation>

площадке, на которой проводились и будут проводиться подземные испытания ядерного оружия.

Сведения о калибровочных взрывах имеют важное значение для настройки сейсмической аппаратуры и более точного определения мощности взрывов телесеismicкими

средствами контроля. По таким взрывам должны были быть представлены данные об их мощности, дате и времени проведения, глубине взрывов и их координатах. При этом мощность калибровочных взрывов должна быть возможно ближе к 150 кт и не менее 1/10 этого предела, то есть 15 кт. В отношении испытательных площадок, для которых не имелось данных по двум испытаниям для целей калибровки, предусматривался обмен данными, относящимися к одному такому взрыву, а обмен данными по второму испытанию будет произведен после соответствующего взрыва. Проведения испытаний исключительно для целей калибровки не требовалось.

Протоколом устанавливалось также, что должны быть представлены географические координаты подземных испытаний ядерного оружия после проведения таких испытаний. Обмен данными по испытательным полигонам должен быть произведен одновременно с обменом ратификационными грамотами договора, при этом стороны согласились на основе взаимности предоставить друг другу возможность ознакомиться с этими данными перед обменом ратификационными грамотами.

Хотелось бы отметить, что, наблюдая за тем, как проходило обсуждение и согласование между соответствующими экспертами обеих сторон технических деталей протокола к договору, было приятно видеть, насколько близко понимание ими тех или иных аспектов рассматриваемых проблем. Уже сам факт включения в протокол договоренности об обмене информацией по испытательным полигонам, до того времени считавшейся закрытой, явился важным событием, свидетельствовавшим о благоприятной тенденции, которая способствовала разрядке напряженности в отношениях между двумя державами. Характерно, как уже указывалось, и то, что все переговоры по договору и протоколу к нему заняли всего около трех недель.

Хотя договор о пороговом ограничении подземных испытаний ядерного оружия сразу в силу не вступил, между сторонами было достигнуто понимание относительно фактического соблюдения договоренности не превышать порог мощности ядерных взрывов свыше 150 кт.

ДОГОВОР О ПОДЗЕМНЫХ ЯДЕРНЫХ ВЗРЫВАХ В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ

Однако оставался нерешенным вопрос о мирных ядерных взрывах (МЯВ). Научные исследования и эксперименты в США и СССР показали значительно более высокую эффективность использования ядерных взрывных устройств по сравнению с химическими взрывчатыми веществами для осуществления многих народнохозяйственных проектов. В Советском Союзе были определены следующие возможные направления промышленного применения энергии ядерных взрывов: интенсификация разработки нефтяных и газовых месторождений; создание подземных хранилищ природного газа, газоконденсата и нефтепродуктов; создание подземных емкостей для захоронения вредных отходов предприятий; подземная разработка рудных месторождений; ликвидация аварийных газовых и нефтяных фонтанов; подготовка месторождений полезных ископаемых к разработке открытым способом; глубокое геологическое зондирование; строительство каналов, плотин гидроэлектростанций, хранилищ технического водоснабжения и т.д.⁴. При проведении американской программы МЯВ были получены многообещающие результаты при взрывах с целью интенсификации добычи газа и взрывах других назначений, таких как возможность прорытия каналов (в частности, рассматривалась целесообразность расширения Панамского канала или прорытия параллельного ему канала по территории Никарагуа), проведения горнодобывающих работ, создания подземных емкостей.

Но прежде чем применение энергии ядерных взрывов в промышленных целях могло стать практически осуществимым, предстояло преодолеть много трудностей технического, политического и иного характера. В первую очередь необходимо было разработать такие методы применения МЯВ, которые исключали бы или во всяком случае сводили к допустимому уровню радиоактивное заражение окружающей человека среды.

Использование ядерной энергии в мирных целях тесно связано с проблемой нераспространения ядерного оружия. Ведь любые ядерные устройства, независимо от назначения и совершенства конструкции, обладают важными общими характеристиками. Основной характеристикой, общей для всех ядерных устройств, является то, что при сравнительно малых своих размерах они высвобождают огромное количество энергии в период времени, исчисляемый миллионными долями секунды. Другую существенную особенность ядерных взрывных устройств составляют их относительно небольшие габариты и сравнительно малый вес, что позволяет приспособить их для использования в военных целях с помощью различных средств доставки к цели. Таким образом, устройства для проведения ядерных взрывов в мирных целях по своей сути не отличаются от устройств, предназначенных для военных целей. Но Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) не запрещает проведение МЯВ. Чтобы дать возможность неядерным государствам использовать ядерные взрывы в мирных целях, в ДНЯО было записано, что его участники будут сотрудничать для обеспечения того, чтобы «под соответствующим международным наблюдением и посредством соответствующих международных процедур потенциальные блага от любого мирного применения ядерных взрывов были доступны государствам – участникам настоящего Договора, не обладающим ядерным оружием» (статья V). Иными словами, имелось в виду, что ядерные державы в принципе могут помогать своими ядерными устройствами неядерным государствам в получении полезных благ от МЯВ.

Большой сложности вопросы, связанные с проведением МЯВ, существовали и в контексте проблемы запрещения испытаний ядерного оружия. Здесь трудности возникали в связи с необходимостью обеспечить такое положение, при котором МЯВ не использовались бы в целях, связанных с ядерным оружием.

И в США, и в СССР существовали программы использования ядерных взрывов в гражданских целях: для прорыва каналов, создания подземных емкостей для захоронения отходов вредных производств, геологического зондирования и других целей. Американцы были в этом отношении первыми, их программа МЯВ «Operation Plowshare» проводилась в 1960–1970 гг., всего было произведено 27 взрывов, в ходе которых использовано 35 взрывных устройств. Первый МЯВ был проведен в 1961 г., а последний – в 1973 г., но финансирование программы еще некоторое время продолжалось – до 1977 г. Наиболее мощный взрыв составлял 105 кт⁵. Однако Соединенные Штаты, как мне рассказывал мой хороший знакомый – директор этой программы Дж. Джонсон, сравнительно быстро разочаровались в МЯВ, поскольку подземные взрывы давали малую экономическую отдачу, а в США деньги умеют считать, и к тому же подобные взрывы (ведь они проводились не на специально отведенных испытательных полигонах, а в разных местах страны) могли вызвать опасные экологические последствия.

В 1974 г. после завершения выработки *порогового договора* по испытаниям ядерного оружия по предложению Советского Союза было решено разработать отдельный договор по ограничению мощности МЯВ. Мы настаивали на этом, поскольку у нас программа МЯВ тогда продолжала разворачиваться, и поэтому по согласованию сторон в договоре по испытаниям ядерного оружия было предусмотрено, что его положения не распространяются на МЯВ, но что такие взрывы будут регулироваться соглашением, относительно которого стороны проведут переговоры и которое будет заключено «по возможности скорее». Собственно говоря, поскольку американцы свою программу уже свернули, нужно было договариваться об ограничении только советских взрывов. И это в общем-то было справедливо, так как отличить ядерный взрыв в мирных целях от взрыва в военных целях невозможно, а значит, под видом МЯВ можно было бы испытывать взрывы и для отработки ядерного оружия. Для Москвы же было важно, что достигнутая договоренность позволила Советскому Союзу продолжать свою программу по МЯВ.

В целом в Советском Союзе было проведено 124 взрыва в мирных целях, в ходе которых использовано 135 ядерных устройств. Первый советский МЯВ был взорван в 1965 г., последний – в 1988 г. Как правило, взрывы были малой мощности, но некоторые достигали 80–140 кт, проводились и групповые взрывы. Так, в 1971 г. в Пермской области был произведен групповой взрыв (три ядерных заряда по 15 кт каждый), причем этот взрыв, будучи камуфлетным, был сделан с выбросом грунта в интересах проведения эксперимента по прорытию каналов⁶.

Однако выработать новый договор по ограничению МЯВ оказалось делом чрезвычайно сложным. Переговоры продолжались в Москве в том же здании в Старомонетном переулке целых полтора года (с октября 1974 г. по май 1976 г.), причем мы заседали весьма плотно. Нашу делегацию по-прежнему возглавлял заместитель министра Минсредмаша И.Д. Морохов, и он был идейным вдохновителем переговоров, но часто отсутствовал из-за занятости основными делами по министерству, и в его отсутствие мне приходилось нести эту тяжелую ношу. В нашу делегацию входили эксперты, хорошо знакомые с проведением МЯВ, в том числе представитель ВНИИТФ (г. Снежинск) В.А. Симоненко. Американскую делегацию возглавлял У. Стессел, его заместителем был Б. Бакхайм.

В конце концов мы договорились и о договоре, и о верификационном протоколе к нему. Стороны обязались не проводить:

- отдельные ядерные взрывы в мирных целях мощностью свыше 150 кт;
- групповые взрывы суммарной мощностью свыше 1,5 Мт, при этом в случае групповых взрывов суммарной мощностью свыше 150 кт будет осуществляться контроль с целью идентификации каждого отдельного взрыва в группе и определения его мощности с тем, чтобы мощность отдельного взрыва не превышала 150 кт.

Значительное место в процессе переговоров заняли вопросы контроля. Для того, чтобы противоположная сторона могла убедиться в непревышении порога мощности, протокол к договору содержал очень изощренную и довольно интрузивную контрольно-инспекционную систему, которую делегации разработали с участием многих специалистов с обеих сторон.

Протокол являлся неотъемлемой частью договора. Он содержал исключительно детально разработанную систему различного рода мер, методов и процедур, призванных обеспечить соблюдение договора. Система контроля была основана на двух методах – на использовании национальных технических средств контроля и на доступе представителей другой стороны к местам взрыва при проведении МЯВ большой мощности. Следует иметь в виду, что подземные ядерные взрывы в мирных целях в отличие от испытаний ядерного оружия проводились не на специальных полигонах, а в самых неожиданных районах. Это осложняло получение необходимых данных с помощью телесейсмической аппаратуры, так как было связано с неизученностью трассы прохождения сейсмических волн при каждом таком взрыве.

В протоколе весьма обстоятельно описывались права и функции представителей другой стороны, которые присутствовали бы при проведении МЯВ. Такие представители могли бы присутствовать при любом взрыве планируемой суммарной мощностью свыше 150 кт. Вместе с тем в тех случаях, когда стороны по взаимному согласию сочли бы это целесообразным, представители другой стороны могли бы присутствовать и при взрывах в диапазоне от 100 до 150 кт. Такая возможность могла бы возникнуть в тех случаях, когда стороны сочли бы, что специфические особенности проекта не могут обеспечить достаточной надежности телесейсмических измерений, и стала бы желательной проверка на месте. В протоколе в то же время было зафиксировано, что представители другой стороны не будут иметь доступа и не будут стремиться его получить какими-либо средствами к взрывному устройству и к документальной или иной информации, которая давала бы представление о конструкции взрывного устройства. Для содействия выполнению договора и протокола создавалась Совместная консультативная комиссия.

Договор был подписан 28 мая 1976 г. Л.И. Брежневым и новым американским президентом Джеральдом Фордом (к этому времени Ричард Никсон уже ушел с поста президента из-за так называемого Уотергейтского скандала) одновременно в двух столицах – в Москве и Вашингтоне, что было не вполне привычно с точки зрения мировой практики.

Важным положительным итогом советско-американских переговоров по мирным ядерным взрывам было создание подробно разработанной системы обеспечения контроля за соблюдением договора по МЯВ. Это было новым словом в международно-правовой практике⁷.

Однако для того, чтобы оба *пороговых договора* были введены в действие, потребовалось 15 лет.

ВСТУПЛЕНИЕ ПОРОГОВЫХ ДОГОВОРОВ В СИЛУ

Даже такого интрузивного контроля по обоим *пороговым договорам* и протоколам к ним, особенно по протоколу о МЯВ, сенату США было недостаточно для их ратификации. Стороны продолжали фактически соблюдать договоры около 15 лет, хотя время от времени обменивались взаимными запросами друг к другу относительно возможных превышений согласованного порога. Во многом это объяснялось различием в геологическом строении испытательных полигонов и, следовательно, в проблемах замера магнитуды мощности взрывов на телесеismicких расстояниях. Запросы делались без большой шумихи и не вызывали особых претензий сторон.

Формально договоры были введены в действие лишь после разработки еще более интрузивных контрольных протоколов только в начале 1990-х гг. В подготовке новых протоколов я уже не участвовал, поскольку был в загранкомандировке, этим от МИДа занимались Е.Н. Головкин, И.М. Паленых и А.И. Белов.

Изначально контроль за выполнением *пороговых договоров* предполагалось осуществлять сейсмическим методом, дополняя его обменом информацией о месте проведения взрывов и его геологических характеристиках. Однако особенности сейсмического метода контроля оставляли значительную неопределенность в интерпретации данных. Так, геологические особенности Семипалатинского полигона – твердые горные породы, в которых проводились ядерные взрывы, – приводили к тому, что сейсмический сигнал от них был более сильным, чем от эквивалентных взрывов на Невадском полигоне. Это давало повод для подозрений в возможности превышения установленного порога энерговыделения. Критика такой системы контроля была столь сильной в США, что ратификация этих договоров в первоначальном виде оказалась невозможной.

Соблюдая договоры 1974 и 1976 гг. *де-факто*, СССР и США к началу 1990-х гг. вышли на взаимоприемлемое решение проблем контроля и разработали новые протоколы к ним. Этому способствовали совместные эксперименты со взрывами, проведенные обеими сторонами на Семипалатинском и Невадском полигонах. От советской атомной отрасли работой по советско-американскому эксперименту контроля мощности ядерных испытаний на обоих полигонах руководил В.Н. Михайлов, который в дальнейшем, в 1992 г., возглавил Министерство Российской Федерации по атомной энергии⁸.

Система мер проверки для испытаний ядерных зарядов по новым верификационным протоколам включала такие элементы, как обмен информацией о полигонах, о программах ядерных испытаний, возможность доступа к месту испытания на стадии его подготовки и получения образцов соответствующих горных пород, ознакомление с конфигурацией заложения контейнера с ядерным взрывчатым устройством, самого контейнера, а также контроль энерговыделения так называемым гидродинамическим методом с помощью измерения скорости ударной волны в момент испытания вблизи точки взрыва. Последнее позволяло получить данные о мощности взрыва с более высокой точностью, чем сейсмическим методом, и кроме того, обеспечить калибровку сейсмических измерений. Вся упомянутая деятельность проводилась с участием персонала контролирующей стороны, который получал доступ к месту испытания. Аналогичный подход применялся и для контроля мирных ядерных взрывов. Важно отметить, что разработка прото-

колов к пороговым договорам 1974 и 1976 гг. показала практическую невозможность решения проблемы разграничения взрывов оружейной и мирной направленности. Согласно этим договорам разграничение осуществлялось по формальному признаку – любой взрыв, произведенный на полигоне, считался испытательным взрывом ядерного оружия, МЯВ разрешалось проводить только вне полигонов. Естественно, такой подход не исключал скрытой оружейной направленности МЯВ⁹.

Новые верификационные протоколы к *пороговым договорам* были подписаны 1 июня 1990 г., и договоры вступили в силу 11 декабря 1990 г.

Пороговые договоры вместе с верификационными протоколами к ним вывели к началу 1990-х гг. СССР и США на беспрецедентный уровень взаимной открытости в сфере ядерных испытаний. Были созданы благоприятные условия для дальнейшего продвижения к контролируемому запрету на любые ядерные взрывы.

Заключение в 1996 г. ДВЗЯИ по существу должно было перекрыть необходимость в *пороговых договорах*, хотя они, естественно, продолжают оставаться в силе, тем более, что ДВЗЯИ в действие еще не введен главным образом из-за отрицательного отношения к нему Конгресса США и нынешней администрации Джорджа Буша. Не ратифицировали ДВЗЯИ и Китай, а также Израиль, Индия и Пакистан. Но свою позитивную роль *пороговые договоры*, тем не менее, сыграли, потому что впервые содержали столь серьезную и обстоятельную систему контроля и инспекции ядерных взрывов, а некоторые ее элементы были использованы для ДВЗЯИ. 📷

Примечания

¹ Автор выражает глубокую признательность члену Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра В.С. Слипченко за ознакомление с рукописью и высказанные им ценные замечания по ее тексту.

² *International Herald Tribune*, 1975, 21 November.

³ Ядерные испытания СССР. Общие характеристики. Цели. Организация ядерных испытаний СССР. Под ред. В.Н. Михайлова. М.: ИздАТ, 1997. С. 157–160.

⁴ См.: Атомные взрывы в мирных целях. Под ред. И.Д. Морехова. М., 1970. С. 5–6.

⁵ Ядерные испытания СССР. С. 141.

⁶ Operation Plowshare. http://en.wikipedia.org/wiki/Operation_Plowshare (последнее посещение – 15 января 2008 г.); Ядерные испытания СССР. С. 177–184.

⁷ Подробнее о *пороговом договоре* по МЯВ см.: Михайлов Р. Правовые основы регулирования подземных ядерных взрывов в мирных целях. *Советское государство и право*. М., 1977. С. 92–99. Тексты обоих *пороговых договоров* см.: Советский Союз в борьбе за разоружение. Сборник документов. М.: Политиздат, 1977. С. 137–141 и 159–183.

⁸ Следует отметить, что при совместном эксперименте по контролю мощности ядерного взрыва на Невадском полигоне в 1988 г. по соглашению мощность контрольного подземного взрыва не должна была превышать 150 кт (как у них, так и у нас на Семипалатинском полигоне), однако у США она оказалась 180 кт. А это существенно превышает согласованные требования, и в результате образовалась провальная воронка. (Интервью В.Н. Михайлова газете *Время Новостей* от 7 декабря 2005 г.) От себя добавлю, что американцы были весьма смущены этим обстоятельством и просили нас тогда не предавать дело огласке, но теперь это стало достоянием СМИ.

⁹ Слипченко Виктор, Рожков Олег. Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания. *Ядерный Контроль*. 2001, № 4.

ПОЛИТИКА В СТИЛЕ SLAM DUNK

George Tenet. With Bill Harlow. At the Center of the Storm. My Years at the CIA. Harper Collins Publishers. 832 p.

Рецензия – Геннадий Евстафьев

Передо мной вышедший в 2007 г. увесистый (832 страницы с приложениями) том воспоминаний бывшего директора ЦРУ и центральной разведки США Джорджа Тенета о его 7 годах во главе этого печально знаменитого ведомства. Строго говоря, Дж. Тенет прослужил в ЦРУ почти девять лет – первые два года он был заместителем небезызвестного Джона Дейча, который бесславно закончил свое полугодовое пребывание в Лэнгли в 1997 г. Но это другая поучительная история.

Итак, Джордж Тенет, – его руководство разведкой пришлось на самые, пожалуй, агрессивные годы американской внешней политики и заносчивой уверенности в своей непреодолимой мировой силе. Решения, принятые в эти годы двумя американскими администрациями, сотрясли мировую стабильность и продолжают оказывать разрушительное влияние на перспективы международного сотрудничества и мирного демократического развития многих стран мира. Ставка на военную силу, пренебрежение к мнению подавляющего большинства государств, *выкручивание рук* слабым странам и своим союзникам, *просвещенное* использование государственной лжи – все это привело к тому незавидному положению, в котором Соединенные Штаты находятся в настоящее время. Джордж Тенет – участник этого процесса и непосредственный исполнитель многих деяний, ничего общего не имеющих с международным правом, о приверженности к которому столь громогласно трубят апологеты американской системы человеческих ценностей.

Следует сразу сказать, что Дж. Тенет не является профессиональным разведчиком. Хотя на страницах книги присутствуют десятки американских разведчиков и некоторые агенты, он типичный представитель американской правящей бюрократической элиты, прекрасно знающей *коридоры власти* и отлично ориентирующейся в хитросплетениях аппаратной борьбы в сменяющих друг друга властных группировках. Он – *выдвиженец* демократической партии, но был *унаследован* республиканцами, и на целых 4 года, что означает полное доверие к его политическим взглядам со стороны администрации Джорджа Буша. Его отставка – следствие тех провалов и просчетов, которые под его руководством потерпело ЦРУ и так называемая центральная разведка США. В нашу задачу не входит *разбор полетов* ЦРУ в эти годы. За нас это с большим знанием дела сделали различные комиссии конгресса США и многие американские специалисты по спецслужбам. И это привело к потере ЦРУ своей центральной руководящей роли в гигантской структуре американских спецслужб и создании так называемой Национальной разведки, которая стоит теперь и над ЦРУ. Поэтому нам нет необходимости комментировать деятельность ЦРУ как организующей силы всего американского разведсообщества. Рассуждения Дж. Тенета уже устарели.

Другое дело – попытки Дж. Тенета оправдаться, так сказать, перед *судом истории*, защитить себя и рассказать о наиболее острых конкретных эпизодах своего участия

в определении и исполнении указаний своих работодателей. Здесь встречается много любопытных откровений и характеристик, действующих и сейчас персонажей, что имеет еще пока и практическое значение. Учитывая большой объем материала, мы для комментариев выбрали несколько крупных эпизодов, по которым Дж. Тенет достаточно ярко рисует их подноготную. В ряде случаев, понимая, что Дж. Тенет хотел бы свалить вину за провалы на других, мы постараемся при помощи публикаций других американских и иностранных авторов дать читателю рецензии возможность составить для себя более объективную картину происшедшего.

НАЙН-ЭЛЕВАН – ТРАГИЧЕСКАЯ ДАТА В ИСТОРИИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Описание Джорджем Тенетом нескольких месяцев работы ЦРУ, предшествовавших фантастическому воздушному удару *Аль-Каиды* по башням-близнецам Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и по зданию Пентагона в Вашингтоне, хорошо передает ощущение в ЦРУ неотвратимо приближающейся катастрофы и чувство неизвестности о том, в каком месте и какой форме это произойдет. Как обычно бывает в такой ситуации, идет ежедневный поток от агентурных источников и по другим каналам фрагментарной и противоречивой информации, как правило, без указания даже приблизительного места и времени, где террористами будет нанесен очередной удар. И тем не менее, такая чудовищно огромная организация, как американское разведсообщество с десятками тысяч сотрудников и тысячами зарубежных агентов по всему миру, должна была вскрыть направление главного удара *Аль-Каиды* и хотя бы приблизительно определить те средства, которые она при этом будет применять, тем более что один из ближайших помощников Дж. Тенета по террористической проблеме *Rich B.* (так в книге, стр. 241) высказал твердое убеждение: «Они идут сюда». Американское разведсообщество не сумело правильно оценить имевшуюся у него широкую информацию не только о высказываниях Усамы бен Ладена и Аймана аз-Завахири в своем ближайшем окружении о том, что готовится нечто «очень большое» и «мощный удар по американским и израильским интересам» (июнь 2001 г. См. стр. 226).

Были явно недооценены такие факторы, как способность *Аль-Каиды* провести обучение и организационно скоординированное использование нескольких групп террористов-смертников, психологически подготовив их к выполнению своей чудовищной миссии. (В августе 2001 г. ЦРУ упустило из-под контроля двух активных террористов *Аль-Каиды* Халида аль-Михдара и Навафа аль-Хазми, которые, как оказалось, уже беспрепятственно к тому времени въехали в США, а 11 сентября 2001 г. направили рейс № 77 *American Airlines* в здание Пентагона.) Вместо этого Дж. Тенет размышляет долго о том, как им не удалось задействовать для удара по руководству *Аль-Каиды* набиравший в то время популярность у ЦРУ и военных беспилотный летательный аппарат *Predator*. В книге честно описаны растерянность и замешательство, которые охватили правящую элиту США. Эта неожиданно дерзкая и эффективная операция международного терроризма застала спецслужбы врасплох. Нельзя не отметить, что, как это и бывает обычно с американцами, поиск причин провала позволил сделать выпад и в адрес этих *проклятых русских*, которые тоже не дали нужной информации по бен Ладену – человеку, столь близкому в свое время к ЦРУ. И это в то время, когда наши американские партнеры занимали весьма двусмысленную позицию по чеченским террористам и их зарубежным спонсорам.

Как бы то ни было, вечером 11 сентября 2001 г. на совещании в бункере под Белым домом Джордж Буш, который проявил себя более спокойным человеком, чем многие из его окружения, провозгласил известную теперь доктрину Буша: «Я дал указания направить все ресурсы разведсообщества и правоохранительных органов на то, чтобы найти тех, кто ответственен (за это преступление), и предать их суду... Мы не будем проводить разницы между террористами, которые совершили эти теракты, и теми, кто их укрывает» (стр. 261). Дж. Тенет пишет: «Для нас в ЦРУ новая доктрина означала, что тем самым снимаются всякие ограничения на нашу деятельность. На наших полках уже давно лежали планы преследования как *Аль-Каиды*, так и ее покровителей – движения *Талибан* в Афганистане». Американский удар по Афганистану был предreshен. Американский экспеди-

ционный корпус был подготовлен к высадке в южных районах Афганистана. Был найден и будущий правитель – Хамид Карзай, человек, хорошо знакомый американским спецслужбам. Аль-Каида добилась своего – глобальная война с крестоносцами стала реальностью, и она унесет многие тысячи жертв. Террористический акт 11 сентября 2001 г. развяжет цепь опасных событий. Именно после этого будут созданы незаконные тюрьмы в Гуантанамо, Абу-Грейбе, секретные тюрьмы ЦРУ в ряде стран Западной и Восточной Европы, а также разрешен секретный политический сыск Пентагону на территории США. В заключение этой главы автору хотелось бы высказать свою точку зрения о том, что, по его мнению, в этот момент начался процесс развенчания ЦРУ как главной разведслужбы США и падения влияния Джорджа Тенета как директора центральной разведки. Последующие события лишь усилят этот процесс.

С материалами по проблемам терроризма вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по темам – Мегатерроризм» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/terrorism>

ЦРУ И БОРЬБА С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ОМУ

Проблема доступа Аль-Каиды к оружию массового уничтожения (ОМУ) постоянно находится в центре внимания ведущих спецслужб мира. Это объяснимо не только интерпретацией заявления Усамы бен Ладена 24 декабря 1998 г. о том, что «приобретение (ядерного) оружия для защиты мусульман является религиозным долгом, и, если бы мне удалось этого добиться, я бы благодарил всевышнего за то, что он позволил мне сделать это». В это же время в разведсообществе и вообще правительстве США существовало твердое убеждение в том, что «люди, скрывающиеся в пещерах, не могут заполучить ОМУ», но надо отдать должное последовательности экспертов ЦРУ – через некоторое время они вскрыли существование в окружении бен Ладена узкой, законспирированной группы, которая занималась проблемами доступа к ОМУ, что, конечно, было для Аль-Каиды очень важно для дальних перспектив *борьбы с крестоносцами*, но маловероятно с точки зрения готовности использовать его в ближайших планах террористических операций.

Специалистам по нераспространению ОМУ в этом смысле будет интересно прочесть стр. 394–397. Именно в этот момент появляется упоминание у Дж. Тенета о Пакистане, произведшем в 1998 г. свои ядерные испытания. Ранее было принято считать, что известный международный нелегальный распространитель военных ядерных технологий, отец пакистанской ядерной бомбы Абдул Кадыр Хан вступал в контакты с Усамой бен Ладеном с целью обсудить ядерную проблему, однако Дж. Тенет пишет, что по не понятным для ЦРУ причинам А.К. Хан отверг эти подходы. Думается, что это как раз понятно. А.К. Хан был уже многие годы *перегружен* более надежным бизнесом – поставкой военных ядерных технологий тем, кого США провозгласили *странами-изгоями*. Но в ходе сбора и анализа полученной, в том числе и по партнерским каналам, информации ЦРУ выявило существование в Пакистане и другой достаточно разветвленной неправительственной организации под названием *Umma-Tameer-e-Nau (УТН)*, руководство которой состояло из отставных пакистанских ученых-ядерщиков, военных и инженеров, которые предложили свою экспертизу для Аль-Каиды в вопросах разработки химических, биологических и ядерных программ. Создал и возглавил УТН ярый исламист султан Башируддин Махмуд, в недавнем прошлом один из руководителей Пакистанской комиссии по атомной энергии. Известный пакистанский ядерный инженер, ушедший в отставку в 2000 г. Чоудри Андул Маджид согласился сыграть ключевую роль в оказании Б. Махмуду помощи в деле организации доступа Усамы бен Ладена и движения *Талибан* к ОМУ. Даже состоялась так называемая *встреча в горах у костерка*. Дж. Тенет пишет также о том, что бывший всеильный руководитель межведомственной разведки генерал Хамид Гуль симпатизировал этим намерениям. Это уже было очень *горячо*.

По указанию Дж. Буша Дж. Тенет установил доверительный контакт с военным диктатором Пакистана генералом Первезом Мушаррафом и ознакомил последнего с имеющи-

мися у ЦРУ на УТН материалами. Последующее расследование позволило ЦРУ сделать вывод о том, что опасность использования УТН руководством *Аль-Каиды* удалось предотвратить на ранней стадии. Но, честно говоря, на базе сообщенных Дж. Тенетом сведений за это поручиться нельзя. А между тем доверительный контакт с пакистанским диктатором устоялся и доверие к нему в Вашингтоне возросло.

После *явки с повинной* ливийского лидера Муаммара Каддафи ЦРУ получило в свои руки документальные данные о ливийской ядерной программе, основанной на пакистанских технологиях, нелегально переданных Триполи (конечно, за большие деньги) *отцом пакистанской ядерной бомбы* А.К. Ханом. В сентябре 2003 г. в Нью-Йорке во время саммита ООН Дж. Тенет вновь доверительно встречается с П. Мушаррафом и показывает ему чертежи центрифуги *П-1*. И генерал вновь принимает меры и сажает национального героя под домашний арест. И следует обратить внимание: пакистанскому режиму все *сходит с рук*. Видимо, крепки тайные узы, которые связывают США с такими людьми.

Интересно, однако, отметить, что специалисты по нераспространению ОМУ практически не оперируют материалами по УТН, да и по А.К. Хану используются весьма отрывочные сведения. Сам же Первез Мушарраф в своей книге «На линии огня» (2007 г.) подтверждает встречу с Дж. Тенетом в Нью-Йорке, но ничего не сообщает об УТН. Что касается А.К. Хана, П. Мушарраф пишет, что начал принимать меры по локализации его деятельности еще задолго до представления Дж. Тенета, хотя и признает, что масштаб деятельности *отца бомбы* и ее география поразили его.

Таким образом, стратегический партнер, каковым для США многие годы являются военные режимы Пакистана, крупно *подвел* своего благодетеля. Все это происходит из укоренившейся в американской практике *двойных стандартов*.

CASUS BELLI

Теперь о все еще продолжающейся катастрофе США в Ираке: этой острой теме посвящена 16-я глава книги Дж. Тенета. Начинается она с поразительного для директора центральной разведки утверждения о том, что для него большой загадкой является момент того, когда война в Ираке стала неизбежной. Он прямо признает, что будучи занят проблемами борьбы с терроризмом, он не уделял должного внимания Ираку. В это трудно поверить. Известный главный инспектор спецкомиссии СБ ООН по разоружению Ирака американец Скотт Риттер в своей книге «Iraq Confidential» достаточно полно рассказывает о подготовке ЦРУ под прикрытием инспекции №150 операции по свержению Саддама Хусейна (Operation Silver Bullet), в центре которой были задействованы М.А. аль-Шивани, его братья – сотрудники спецслужб Ирака и офицеры и солдаты 3-го батальона 1-й бригады специальной республиканской гвардии Ирака – основного подразделения личной охраны диктатора. План провалился. Люди погибли (глава 13, стр. 161–164).

При всем уважении к Дж. Тенету трудно поверить, что, являясь в то время первым заместителем директора центральной разведки США, он не знал об этой неудаче ЦРУ, которая, кстати, сильнее всего скомпрометировала правительство США. Дж. Тенет косвенно, правда, подтверждает этот тщательно скрываемый факт и пишет далее, что именно провал этого заговора привел в 1998 г. к принятию в конгрессе «Iraq Liberation Act» и выделению 100 млн долл. на свержение Саддама Хусейна. Вот это-то Дж. Тенет точно знал, поскольку был уже директором центральной разведки, кроме того, такой изощренный бюрократ, как Дж. Тенет, должен был правильно уловить приоритеты, объявленные приходящими к власти республиканцами в известном публичном обращении под названием «Проект для нового американского века», где было открыто заявлено о необходимости скорейшего свержения Саддама Хусейна или, как это здесь называлось, *обезглавливания режима*.

Думается, что дело в другом. Дж. Тенету не особенно приятно признавать, что он уже тогда не принадлежал к ближнему кругу президента Дж. Буша-мл. и поэтому не был посвящен во многие тайны намерений Дика Чейни и Дональда Рамсфелда, которые рассматривали его просто как исполнителя, но ни в коем случае как самостоятельного иг-

рока. По мере усиления предчувствий в провальном характере иракской авантюры эти же люди плюс Кондолиза Райс все больше превращали Дж. Тенета и ЦРУ в *козлов отпущения*. Да и сам Дж. Тенет, стараясь удержаться на плаву, все чаще подыгрывал своим работодателям. С другой стороны, отношения с упомянутыми выше сильными мира сего продолжали ухудшаться.

ЧТО ТАКОЕ *SLAM DUNK*?

Примеров много, вот некоторые из них. Для многих в администрации Дж. Буша-мл. Ирак был незавершенным делом. Они решили, подхватив *эмоциональный всплеск* населения, вызванный *найн-элеван*, создать психологическую взаимосвязь между борьбой с *Аль-Каидой* и опасностью, якобы исходящей от программ ОМУ Ирака. И это им удалось. Уже через несколько дней после разрушения башен-близнецов *человек в дырявых носках* – известный *ястреб* Пол Вулфовиц на узком совещании в Совет национальной безопасности США заявил, что любой ответ террористам должен включать в себя удар по Саддаму Хусейну. Пока по ОМУ ничего не говорилось, но разведсообществу США фактически были поставлены две задачи: 1) доказать, что режим Саддама Хусейна был связан и поддерживал *Аль-Каиду*, 2) несмотря на решения Совбеза ООН, продолжает создавать ядерное оружие и средства его доставки. В своей книге «Разоружение Ирака» председатель комиссии ООН Ханс Бликс в 12-й главе, названной «Оружие массового исчезновения», дает уничтожающий анализ попыток США навязать мировому сообществу сфальсифицированную версию реального состояния дел.

И вот здесь настало время сказать о *slam dunk*. Большинство американцев не знает, что это специфический баскетбольный термин, означающий забивание мяча сверху двумя руками в прыжке из-под корзины. Так сказать – наверняка.

Как известно, Дж. Тенет – большой фанат баскетбола. И именно этим словом Дж. Тенет 21 декабря 2002 г. заверил Джорджа Буша в том, что Саддам Хусейн располагает ОМУ и что ликвидация ОМУ как главная цель готовящегося вторжения абсолютно оправдана. В своей книге «План нападения» Боб Вудворд дает совершенно анекдотическое описание того, как Дж. Тенет дважды подпрыгивал и показывал этот самый *slam dunk*. В конце своих мемуаров Дж. Тенет признает, что текст Б. Вудворда его очень задел, и если бы не эпизод со *slam dunk*, он, может быть, и не написал бы своих воспоминаний. Кроме того, он, по-видимому, пытается объяснить бывшему госсекретарю Колину Пауэллу, как получилось так, что он подставил последнего в известной речи, произнесенной 5 февраля 2003 г. перед Генеральной Ассамблеей ООН.

Другая книга Б. Вудворда «State of Denial. Bush at War. Part III» (стр. 90) утверждает, что это заявление Дж. Тенета и было тем, что от него ждали К. Райс, Д. Чейни, Д. Рамсфелд и другие *ястребы*, рвавшие в бой. Поэтому мы с полным основанием можем рассматривать Дж. Тенета как одного из основных *спонсоров* иракской трагедии, и его попытки объяснить свое решение не могут быть приняты, поскольку он один из тех немногих, кто реально знал ситуацию и не нашел в себе мужества сказать правду. Справедливости ради надо сказать, что американцам, как всегда, сильно *помогли* младшие партнеры – англичане. Именно Тони Блэр и компания произвели на свет насквозь одиозный доклад *МИ-6* по иракскому ОМУ (писался под руководством бывшего резидента в Москве Дж. Скарлета, в то время советника премьера по разведке), с которым доверительно знакомил руководство партнерских спецслужб для завоевания их поддержки готовящейся интервенции в Ираке (сейчас Дж. Скарлет – директор *МИ-6*, так что нетрудно понять, почему у нас с господами из Лондона сложились сложные отношения. Эти провоцировать умеют).

Дж. Тенет также признает, что ЦРУ и он сам сначала не были также готовы к интенсивной заикленности ведущих деятелей администрации Дж. Буша в отношении поиска доказательств тесных взаимоотношений между Ираком и *Аль-Каидой*, он утверждает, что находился под постоянным давлением по этому вопросу со стороны Д. Чейни, П. Вулфовитца и других *ястребов* (стр. 518–523), это привело к появлению доклада «Iraq and Al-Qaeda: Interpreting a Murky Relationship», который в очередной раз был похож на *чего*

изволите?. Уже после отставки Джорджа Тенета и Дик Чейни, и Кондолиза Райс, оправдывая свои заявления, цитировали показания Дж. Тенета перед сенатским комитетом по разведке, в которых директор ЦРУ достаточно беспринципно сыграл *и вашим, и нашим*, сделав двусмысленные высказывания. Это выглядит странно, поскольку многие его подчиненные открыто говорили о надуманности всех *доказательств* о связях между Аль-Каидой и режимом Саддама Хусейна.

В этой рецензии мы не будем детально касаться других интересных эпизодов, пришедших на долю Дж. Тенета в период его руководства ЦРУ. Это есть смысл прочитать самостоятельно, особенно то, как развивался случай с фактической дезинформацией о закупке Ираком 500 т *желтого кека* в Нигере, и о совершенно подлом поступке вице-президента в отношении американской разведчицы под прикрытием Валерии Плейм и ее мужа посла Джозефа Вилсона, за что сел в тюрьму ближайший помощник Дика Чейни «Скутер» Либби.

Книга Дж. Тенета дает очень хорошее представление о том, как работает администрация президента и обеспечивающие ее политику компоненты американской бюрократической системы, и приводит вас к заключению, что далеко *не боги горшки обжигают* и что административная бюрократия в разных социальных системах хотя и с некоторой спецификой, но живет по похожим законам.

Во многих отношениях выводы Дж. Тенета от своего *хождения во власть* поучительны. На рецензента наибольшее впечатление произвел следующий: «Когда вы решаете ввергнуть страну в войну, нужно быть уверенным не только в том, что вы можете нанести поражение врагу военным путем, но вы должны иметь ясный план, который вам позволит достичь мира». Последняя часть – это то, чего не было и нет до сих пор у администрации в Вашингтоне. 🐻

СЕТИ ХАНА: ШИРОКО ЗАКРЫТЫЕ ГЛАЗА

Corera Gordon. Shopping for Bombs. Nuclear Proliferation, Global Insecurity, and Rise and Fall of the A.Q. Khan Network. Oxford University Press: 2006, 288 p.

Рецензия – Владимир Орлов

Мой коллега на женевском преподавательском поприще блистательный Пал Сидху никогда не начинает лекцию с утверждения. Всегда – с вопроса. Например, с такого: «Назовите мне создателей ядерного оружия в каждом из ядерных государств». Аудитория – не студенты, а честолюбивые молодые дипломаты и военные из 30 разных стран, приготовившиеся к новому карьерному рывку. Такая аудитория, которой позавидуют многие лекторы: слушатели, которые исправно готовятся к занятиям, которые действительно читают тонны рекомендованной литературы... На секунду воцаряется молчание... и следом сразу несколько голосов дружно произносят: *эй-кью-кан*, гордо демонстрируя – благодаря этому сошедшему с газетных полос *эй-кью* – свой высокий IQ.

Не И.В. Курчатов с А.Д. Сахаровым или там, скажем, Отто Фриш с Эдвардом Теллером. Ну и, конечно же, не соотечественник лектора Хоми Баба. А человек, который даже в создании бомбы своего государства сыграл не решающую роль. Однако же прославился благодаря всемирному скандалу и благодаря скандалу же прочно утвердился в умах не только обывателей, но и профессионалов как *отец пакистанской бомбы*.

ЧТО ЖЕ – ЗАБЫТЬ ГЕРОСТРАТА?

Не забыть, а *понять* – предлагает британский журналист Гордон Корера. Потому что, поняв Абдул Кадыр Хана (по-русски это «А.К.» как-то больше ассоциируется с легким и стрелковым оружием, чем с атомной бомбой, как-то ненароком мельчит фигуру главного героя) и его историю, начинаешь понимать истинную историю нераспространения. Оксфордское и гардвардское образование не прошли для Г. Кореры даром, дав ему исследовательскую въедливость (чего стоит его внушительный и притом элегантный справочный аппарат, или, проще говоря, сноски на источники, где он умудрился быть внимательнее самых внимательных экспертов) и писательский лоск. Но и не вскружили голову, превратив в этакого холеного всезнайку: Г. Корера любит ставить вопросы, копаться в них, не принимает догмы за истины. А нынешняя работа на *Би-Би-Си* научила, как надо *копаться*.

Сочетание писательского дара, умения закручивать сюжет, не отступая от жанра скрупулезного журналистского расследования, в котором домыслам не место («Эта книга как детектив, но это – правда!» – восклицает Джозеф Най. И, не сговариваясь, ему вторит Роберт Галуччи: «Читал книжку, как детектив». Оба, к слову, фигурируют в книге. И, наверное, достаточно было бы уже свидетельств этих двух нераспространенческих *авторитетов*, чтобы я в своей рецензии поставил точку), с феноменальным набором *живых* источников в разведсообществах США и Великобритании – вот залог успеха.

Если бы *эй-кью-кана* не было, его следовало бы выдумать. Хотя бы для того, чтобы проиллюстрировать, что такое ядерное *распространение*, – и эта иллюстрация наибо-

лее рельефна именно в «Бомбо-шоппинге», как я бы вольно и фривольно перевел название этой вообще-то очень серьезной книги. Может быть, одной из самых серьезных и важных в современной нераспространенческой литературе.

Не знаю, как мой коллега Пал Сидху, – которому идея де-демонизировать А.К. Хана наверняка должна приглянуться, – но я точно включу эту книгу в число обязательных для прочтения моими женовскими слушателями, если только они хотят разобраться в пружинах режима нераспространения и в механизмах его антитезы – распространения.

Ведь что такое, на интуитивном уровне, распространение оружия массового уничтожения (ОМУ)? Если вы не штудировали главы «про ДНЯО», то вы как минимум среагируете: это когда кто-то *передает*, распространяет собственное ядерное оружие и знания о нем другим.

То, что Индия или Израиль нарушают режим нераспространения, вы поймете уже на следующем уровне, когда узнаете, что, с точки зрения международного права, ядерного оружия у них вроде как бы и нет, или, по крайней мере, называть их ядерными государствами неправомерно (на этом этапе те, кто не зазубривают механически, начинают спотыкаться... и задумываться). А вот А.К. Хан дает нам, казалось бы, идеальную модель классического ядерного распространения: пришел-увидел-украл (у *Urenco*) – помог своим смастерить бомбу – и помог другим, плохим, распространить им знания об этой бомбе (чертежи с китайскими иероглифами) и даже кое-какие компоненты для ее создания... За что этот злокозненный *бармалей* в конце концов поплатился: бравые ребята из ЦРУ и *МИ-6* – на этом месте в кадр вливается корабль с названием, которое нарочно не придумаешь *Би-Би-Си-Чайна*, приписанный к германскому порту и записанный в реестре государства Антигуа и Барбуда, и где-то в тумане маячит физиономия Муамара Каддафи – его козьи раскрывают и цепляют-таки за бороду. Не хватает разве что Джеймса Бонда, который спустился бы по канату с вертолета где-нибудь над Кахутой...

А вот Г. Корера устоял, не поддался соблазнам детективной *бондианы*. Отнюдь не играя роль послушного летописца црушной *success story*, он не пускается по легкому пути журналистского *PR-обслуживания* своих источников в разведсообществе («они недооценили возможности Саддама Хусейна в области ОМУ в первую войну, переоценили – во вторую, пропустили подготовку к индийскому ядерному испытанию 1998 г. и проглядели урановую программу КНДР» – стр. 131). Не утяжеляя сюжет высоколобыми рассуждениями, он все-таки последовательно подталкивает читателя к вопросу: так что же это за *международный режим нераспространения* такой, когда ключевые игроки его все время выворачивают в угоду собственным узконациональным интересам?

А.К. Хана могло не быть! Пакистанской ядерной бомбы могло не быть! Но главные вершители судеб мирового нераспространения – в данном случае прежде всего Соединенные Штаты (хотя и в экзотической паре с Китаем) – здесь рассудили иначе. Не прозева-ли – закрыли глаза. Сделали *eyes wide shut*.

Г. Корера распутывает свой клубок повествования по-оксфордски тщательно. Первым делом: юность А.К. Хана. Уже потом будут, как водится, *взлет и падение*.

«А.К.» под пристальным и холодноватым взглядом Г. Кореры оказывается не ходячей схемой, не ходульным персонажем, не жертвой и не злодеем. Способный инженер, ученый со своими страстями, любящий родину, любящий деньги и пытающийся совместить первое со вторым.

И ЕЩЕ – УЙМА ТЩЕСЛАВИЯ

Так А.К. Хан становится пакистанским шпионом. В Нидерландах, где он в это время (а мы переносимся в первую половину 1970-х гг.: нефтяной кризис, нефтяной бум, индийское *мирное ядерное* испытание) работает, главный персонаж предстает перед нами уравновешенным семьянином, женатым на южноафриканке, то и дело угощает сослуживцев по урановому концерну восточными сладостями – и в 1974 г. начинает тихий

шпионаж в пользу Пакистана. Кажется, об этом догадываются американцы, сообщают голландцам... Но *mission impossible* оказывается для А.К. Хана вполне еще как *possible*, и бесценные уренковские данные (sorry, Комитет Цангера! А Лондонский клуб пока не создан) – уже в Исламабаде.

А дальше – сочетание талантов ученого и талантов карьериста. А.К. Хан оттесняет конкурентов у себя дома и пытается шаг за шагом, упорно монополизировать силу и славу и, главное, почетное звание народного ядерного героя Пакистана. Или, короче, отца. Не нации, так бомбы, которая эту нацию призвана защитить и сплотить.

В книге много страниц, которые хочется цитировать запоем и которые так перекликаются с сегодняшней пакистанской *заварушкой*, хотя этим историям четверть века и более. И все же одна из самых примечательных – это та, где Г. Корера приводит нас в Блэр Хаус – резиденцию для *вип-персон* прямо наискосок от Белого дома, и мы (уже находясь в 1989 г.), подглядывая, поражаемся, когда Беназир Бхутто – тогда премьер-министр, чей папа обещал скорее траву кушать, чем остаться без ядерной бомбы – выслушивает лекцию црушников о своем собственном военном ядерном комплексе... куда ее собственные военные ни разу не пустили: «Что по-настоящему шокировало Беназир Бхутто, – так это тот факт, что американская разведка знала о ядерной программе [Пакистана] больше, чем она сама. Она даже не видела самой бомбы, и модель пакистанской бомбы ей показало ЦРУ» (стр. 51).

А на следующий день... Да, на следующий день Беназир Бхутто встречается с президентом Джорджем Бушем (старшим). И он ей сообщает, что администрация Соединенных Штатов для целей информирования Конгресса признает (*certifies*) Пакистан государством, не обладающим ядерным оружием. Бхутто появляется в Конгрессе и заявляет: «Мы не обладаем и не намереваемся обладать ядерным взрывным устройством. Такова наша политика».

«И никто не сказал Конгрессу или американской общественности, – пишет Г. Корера, – что на самом-то деле ЦРУ знало: заявление пакистанского премьер-министра недостоверно и у Пакистана уже есть бомба» (стр. 52).

Вот цена *политики нераспространения*, когда дело доходит до практики. Другой западный аналитик предпочел бы здесь остановиться. Но Г. Корера ищет причинно-следственные связи: «В критически важное [для становления пакистанской военной ядерной программы] десятилетие, в то время как военная ядерная программа набирала обороты, [американская] политика в области нераспространения оказалась подчинена более широким приоритетным задачам», главная из которых – «пустить кровь Советскому Союзу» (стр. 30–31).

Действительно, дело-то было не столько в самом Пакистане, сколько в соседнем Афганистане. Пакистан на долгое десятилетие превратился в ключевого союзника США за пределами НАТО. Союзника по выдавливанию СССР из Центральной Азии. Теперь Пакистану можно было простить все, что угодно, какая там ядерная программа, да и кто не без греха...

Впрочем, Соединенные Штаты, соглашаясь закрыть глаза на военную ядерную программу Пакистана, потребовали в обмен гарантий. Во-первых, все-таки не создавать собственное ядерное оружие, а остановиться где-то на пороге. Во-вторых, не подставлять Соединенные Штаты. В-третьих, не распространять свои ядерные знания и технологии. Рассказывая об этом эпизоде конца 1970-х гг., Роберт Галуччи, который как раз и договаривался об этих условиях с тогдашним лидером Пакистана Зия уль-Хаком (странная гибель последнего в авиакатастрофе, правда, остается за рамками расследования Г. Кореры: «Разбился в авиакатастрофе... при неясных обстоятельствах... следов механических нарушений в самолете не было обнаружено», только и пишет он), добавляет: «Зия прекрасно понимал эти три условия. И нарушил все три» (стр. 31–32).

Рассматривая Пакистан как оплот борьбы против СССР в Центральной и Южной Азии, Соединенные Штаты прощали ему все. В результате сотрудники спецслужб США, которые *вели* военную ядерную программу Пакистана, стали чувствовать, что пакистанский

С материалами о Пакистане Вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Пакистан» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/pakistan>

режим – и А.К. Хан как генератор этой программы – гораздо лучше защищены Соединенными Штатами, чем они сами (стр. 33). Среди прочего, США закрывали глаза и на сотрудничество А.К. Хана с Китаем, которое, по выводу Г. Кореры, «стало безусловно ключевым в развитии пакистанской ядерной программы» (стр. 45).

Г. Корера прекрасно понимает, что именно двойные стандарты в отношении нераспространения привели к тому, что Пакистан в конце концов превратился в *де-факто* ядерное государство. В 1990 г. Пакистан оказывается на грани военного конфликта с Индией, а Конгресс США продолжает получать из администрации *сертификацию* того, что Пакистан не имеет ядерного оружия: «Положение, когда Соединенные Штаты должны были признать, что государство, которое, как все знали, в любой момент может вступить в ядерный конфликт, не имеет ядерного оружия, становилось абсурдным. А что если Пакистан взорвет ядерную бомбу? Чья голова падет на плаху из-за того, что Конгресс и американский народ были умышленно введены в заблуждение?» (стр. 54).

Г. Корера идет дальше, пусть и осторожно. Действительно, он вступает на очень зыбкую почву, когда рассуждает о роли Пакистана как союзника США против Советского Союза в Афганистане. Да, размышляет он, было советское вторжение. Да, США использовали Пакистан и выдавили СССР из Афганистана. Да, «великолепный триумф». Но... что же за триумф, если дальше будет 11 сентября, если дальше будет уже американо-натовское вторжение в Афганистан? Так ли дальновидно было выдавливать СССР из Афганистана? К чему это привело? Откуда родился феномен Усамы бен Ладена? И – кто его породил? «Последствия поведения США против СССР в Афганистане станут предметом активных дебатов после 11 сентября», – автор ограничивается этим комментарием (стр. 49).

Распространенческие главы книги полны фактами не меньше, чем собственно *пакистанские*. Автор последовательно заглядывает во все уголки Хановых сетей: от Ирака до Ливии, от КНДР до Ирана.

Меня, конечно, особенно заинтересовала иранская часть истории. И здесь, как и во всей книге, Г. Корера демонстрирует свою достойную восхищения осведомленность. Так, он справедливо указывает на то, что шанс конструктивного диалога с Ираном был упущен весной 2003 г., когда Иран по тайным каналам вышел напрямую на Соединенные Штаты (стр. 166). Действительно, тогда, в короткий промежуток времени между маем и концом лета, можно было развязать иранский узел. Иранцев волновало тогда прежде всего, чтобы им разрешили, пусть и ограниченно, проводить обогащение урана. В остальном они готовы были сдать позиции. Но в ответ услышали из Вашингтона однозначное и где-то даже испуганное *нет*.

Г. Корера очень аккуратен по части фактов. Он избегает сенсационности там, где ее может и не быть. В частности, ставит вопрос: а так ли уж много действительно ценной информации передал А.К. Хан иранцам? Сегодня ответ на этот вопрос лучше всего, помимо самих иранцев, знают инспекторы МАГАТЭ. Но, думаю, сдержанный скептицизм Г. Кореры здесь – за год до того, как МАГАТЭ получило иранские отчеты по пакистанскому следу – оказался весьма уместен.

Больше того, автор прямо указывает на провал американских спецслужб и Госдепа в оценке источников для иранской военной ядерной программы. Они зациклились на России и Китае как двух странах, помогавших Ирану создать ядерное оружие. Но, приковав все свое внимание к *мошьке*, они не заметили *слона*: Пакистана и сотрудничества Ирана с А.К. Ханом (стр. 62). «Пакистан был вне нашего поля зрения... мы считали, что его ядерное сотрудничество с Ираном незначительно», – честно признает на страницах этой книги высокий профессионал от дипломатии Роберт Айнхорн (стр. 79), который, как многие в России помнят, много сил потратил на то, чтобы пресечь любые мало-мальски значащие контакты российских фирм с Ираном, если это только как-то могло повлиять на развитие его ядерной программы, пусть даже сугубо теоретически.

Казалось бы, в случае с Ливией можно было написать аж целый феерический детектив. Но и тут автор сдержан, пусть даже это внешне и идет в ущерб динамике его повествования. Г. Корера не позволяет себе передеержек. Да, в «Бомбо-шоппинге» появляются колоритнейшие персонажи, прежде всего – сам Муамар Каддафи. Затем – его сын Саиф аль-Ислам... Куса Мусса – глава разведки, предпочитающий носить джинсы и кожаные куртки во время тайных женевских встреч. Да что там, вся глава «Переговоры с Каддафи» (стр. 176–195) – образец культурной расследовательской журналистики, сочетающей в себе интригу, детали, сноски и... уважение в отношении ключевых источников информации, предпочитающих остаться в тени.

Автор, не сдерживаясь, аплодирует сотрудникам *МИ-6* и ЦРУ, которые наконец доводят до логического завершения дело многих лет своей жизни: ловят *злостного пролифератора* с поличным. Но все-таки не может не задаться простым вопросом, однако, вряд ли уместным под звуки победных фанфар: а что, собственно, представляла собой военная ядерная программа Ливии, от которой М. Каддафи отказался, разменяв ее на международное признание своего режима и на рукопожатие Тони Блэра? Беспорядочный набор центрифуг... роторов нет... обогащать уран? Да какое там! Вообще-то в описании Кореры ливийский ядерный арсенал, который М. Каддафи сдал ЦРУ и *МИ-6*, выглядит как хаотичный набор никчемных дорогостоящих игрушек, соединить которые для целенаправленной военной ядерной программы ливийцы не только не могли, но и – конечно, на этом месте стоит все-таки хотя бы в скобках поставить вопросительный знак – не собирались. И уж точно были очень далеки от собственной бомбы (стр. 223). То есть – покупали материалы у сети Хана заведомо с целью размена? Или сложнее: чтобы кого-то подставить?

И тут Г. Корера начинает прорисовывать уравнение с одним неизвестным, – зато с каким! Впрочем, неизвестное *почти* известно: Саудовская Аравия. Некоторые эксперты, анализируя деятельность Хановой сети, многозначительно добавляют: мол, знаем-то мы только верхушку айсберга. И так же многозначительно замолкают. Корера не делает драматических пауз, но вместо этого разбирается с фактами. Тут у него получается скучно – на контрасте с предыдущими главами. Вот в 1994 г. мелькнул на сцене (и тут же исчез – ну действительно исчез, никто его найти с тех пор не может) саудовский дипломат с папкой – а в той папке 14 тыс. страниц документов по саудовскому интересу к ядерному оружию. Одни говорят, что, согласно этим документам, в 1980-е гг. Саудовская Аравия хотела заплатить 5 млрд долл. за то, чтобы ядерное оружие для нее изготовил Ирак. Не столь уж неправдоподобно: помнится, в 1970-е гг. Ливия предлагала вдвое большую сумму Советскому Союзу за ту же самую скромную услугу. Другие говорят, что ЦРУ было в курсе всех этих контактов. А третьи утверждают, что все эти документы – сущий фальсификат (стр. 234). Автор бродит кругами вокруг Саудовской Аравии. Он более или менее в курсе перехватов телефонных разговоров между пакистанцами и саудовцами, которые велись через Дубай. Он в курсе и деталей саудовско-китайской ракетной сделки: ну действительно, зачем королевство покупало достаточно неточные баллистические ракеты *C-SS2*, которые имеют смысл разве что с ОМУ-носителем (стр. 97)? Наконец, он в курсе и возможного тайного соглашения между Саудовской Аравией и Пакистаном «ядерное оружие в обмен на дешевую нефть» (стр. 168), но все-таки не готов к окончательным выводам и оставляет нас теряться в догадках относительно намерений Саудовской Аравии.

Г. Корера не задерживается долго на пакистано-иракских контактах. Он приводит, однако, примечательный *совершенно секретный* документ от 6 октября 1990 г., найденный на птицеферме, принадлежавшей Хусейну Камелю – зятю Саддама Хусейна, – помнится, 10 лет назад мне приходилось работать с документами, найденными на той же птицеферме, правда, связанными с ракетными гироскопами. Так вот, в документе, который цитирует Г. Корера, содержится коммерческое предложение А.К. Хана о создании ядерного оружия в Ираке. Саддам тогда сходу отказался, побоявшись, что это провозглашение американских спецслужб.

А вот сотрудничеству А.К. Хана с Северной Кореей автор посвящает немало страниц. Но тут после прочтения остается слишком много тумана, и если с ракетным сотрудни-

чеством все более или менее ясно, то как реально воплощалось ядерное сотрудничество, для меня по прочтении главы так и осталось вопросом. В какой-то момент (стр. 93) Г. Корера даже допускает, что один из шести ядерных взрывов, проведенных Пакистаном в 1998 г., был сделан в интересах КНДР. Но тут у него явно не хватает тех источников, которые щедро снабжали его ливийскими подробностями.

Корера очень хорошо представляет, что же такое *сеть А.К. Хана*. Он выводит на сцену этих людей: немца, швейцарца, ланкийца, южноафриканца. И признает, что так хорошо они были известны не только ему, но и западным спецслужбам: их телефонные разговоры прослушивались десятилетиями! Но все же спецслужбы предпочитали не задерживать их, а просто наблюдать за ними (стр. 112). А они в течение все тех же десятилетий прибегали не столько к черным, сколько к серым схемам, стараясь прямо не нарушать экспортно-контрольное законодательство своих стран, но использовать дырки, имеющиеся в нем, или элегантно обходить его (стр. 118). Тут непростою вопрос для автора: сколько из этих людей действительно работали на А.К. Хана, а сколько были платными осведомителями спецслужб? И какова пропорция? Так, Соединенные Штаты почему-то отказали Швейцарии в правовой помощи по делу одного из участников сети, жителя одной из долин кантона Граубюнден Фридриха Тиннера (стр. 227), – не потому ли, что именно через него многие годы были в курсе торгово-закупочной деятельности распространенческого кооператива «Хан и К»?

В этом очень стройном повествовании автор вынужден был оставить за бортом один интереснейший вопрос – собственно о ядерном арсенале Пакистана. Каков реальный вклад в его становление со стороны А.К. Хана? Или – что особенно актуально сегодня: насколько надежно этот арсенал защищен от несанкционированного доступа и насколько пакистанские ядерные секреты спрятаны от террористов?

Автор признает (стр. 161–162), что, согласно найденным в Кабуле документам, пакистанские ученые встречались с представителями *Аль-Каиды* и *Талибана* для обсуждения вопроса о ядерных взрывных устройствах. Никто не знает наверняка, как далеко продвинулись эти обсуждения. Но еще более интересно, как описывает автор паранойю пакистанских военных по поводу сотрудничества с США по укреплению ядерной безопасности Пакистана. По оценке автора, многие в пакистанском военном истеблишменте убеждены, что Соединенные Штаты планировали или планируют тайную операцию по демонтажу пакистанского ядерного арсенала. А впрочем, правильно ли я назвал эту реакцию паранойей? Ведь есть сведения, что Соединенные Штаты, и не раз, всерьез рассматривали сценарии насильственного ядерного разоружения своего ближайшего после стран НАТО союзника.

Между тем, сегодня сценарий вокруг пакистанского ядерного арсенала развивается по совершенно иному сценарию. Соединенные Штаты тратят десятки миллионов долларов из секретных статей своего бюджета, уже около 100 млн¹, лишь бы только пакистанские ядерные бомбы были в надежных охраняемых хранилищах, недоступных для несанкционированного доступа, а пакистанские военные, работающие с ядерным оружием, прошли адекватный тренинг на случай чрезвычайных ситуаций. Вроде бы: борьба с терроризмом. Но разрешите задать вопрос: а как быть с нормами нераспространения? Ведь одно дело – помогать в укреплении ядерной безопасности других ядерных государств, признанных таковыми по ДНЯО, таких как Франция и Россия. И совсем другое – помогать Пакистану, находящемуся вне ДНЯО. Опять двойные стандарты? Опять размывание режима нераспространения?

ЧЕЙ СУКИН СЫН

Автор книги не ограничивается журналистским расследованием. Ему вопрос о будущем ядерного нераспространения не менее интересен, чем частный случай одного конкретного распространителя – А.К. Хана. И здесь он пессимистичен. По его мнению, мы будем сталкиваться все больше и больше с поставками на мировой рынок ядерных технологий двойного применения, – процесс, который Ханова сеть и высветила, и подстегнула. С другой стороны, автор считает, что растет и спрос на военные ядерные техноло-

гии, – и тут тоже он видит роль сети А.К. Хана как одного из главных катализаторов этой мировой тенденции (стр. 241). Описание программы по обогащению урана умещается на нескольких компакт-дисках – такие были, например, обнаружены в Ливии, когда та добровольно *открылась*. Но ведь скопировать эти данные не составляет большого труда! Говоря о *вторичном распространении*, автор вспоминает среди прочего (на стр. 137) и предупреждение моего старшего товарища по ПИР-Центру генерал-лейтенанта Г.М. Евстафьева, сделанное им еще в конце 1990-х гг. и тогда еще в его официальном качестве, об обменах военного характера между Пакистаном, Ираном и КНДР. Специалисты тогда оценили это заявление по достоинству, но политики в США не хотели слышать публично произнесенное слово «Пакистан». Будут ли извлечены уроки?

Г. Корера размышляет об этом, помещая случай А.К. Хана и Пакистана в глобальный контекст. Но здесь его острота и аналитичность уступают место повторению общеизвестных фраз об опасности *мировой цепочки распространения*: если бомбу заведет Иран, то с неизбежностью, мол, над ее созданием станут трудиться Египет и Саудовская Аравия... Северокорейская бомба, подтвержденная проведением испытания, по мнению Г. Кореры (он писал эти строки накануне северокорейского взрыва), вызовет *шоковые волны* по всей Азии, включая Японию, Южную Корею и Тайвань. Однако КНДР испытания провела, но за ней никто в регионе, кажется, не погнался вдогонку. То есть, как минимум, каждая региональная ситуация – уникальна. Как могут развиваться сценарии на Ближнем Востоке в случае, если будет иметь место серьезное подтверждение военного характера иранской ядерной программы? Наверное, прямой зависимости, о которой говорят многочисленные сторонники теории *цепной реакции*, все же не будет наблюдаться и здесь, а сама эта теория есть лишь развитие алармизма, призванного – возможно, и с благими намерениями, – заострить (но где-то и преувеличив) внимание к опасностям глобального распространения.

Так получилось, что мое личное первое столкновение с проблемами ядерного нераспространения случилось 30 лет назад, и было это как раз связано с А.К. Ханом. Воскресным вечером показывали бовинскую *Международную панораму*, основным сюжетом которой был пакистанский антигерой. Советские документалисты немало постарались, чтобы убедительно рассказать о двойных стандартах Вашингтона, который закрыл глаза на то, как Пакистан похищал ядерные секреты и семимильными шагами, используя эти секреты, продвигался к бомбе. Рассказывали тогда и о молодом пакистанском инженерере, не зря проведшем время в Голландии, назвали его имя. То есть и тогда, 30 лет назад, хватало информации, чтобы судить о масштабах пакистанского военного ядерного проекта. Но если советско-американское сотрудничество в нераспространении давало свои, пусть и скромные, плоды по таким направлениям, как, к примеру, Аргентина или Южная Африка, то Пакистан был частью *большой игры*. Американцы играли ее сами. И не видели никаких оснований, чтобы помешать Пакистану стать ядерным: в конце концов, да, сукин сын, но *их* сукин сын.

Холодная война в прошлом. Говорят и о том, что в прошлом – разделительные линии, и на место барьеров по таким вопросам, как терроризм и нераспространение, уже прочно пришло сотрудничество между США и Россией. Говорят и о том – это уже становится общим местом, – что обе страны будут препятствовать любым новым случаям распространения, потому что это одинаково противоречит их коренным интересам. Но так ли это на практике? Наверняка жизнь уже скоро подбросит нам новые сюжеты, когда мы и сможем это вполне эмпирически проверить.

Примечание

¹ Sagner David, Broad William. U.S. Aiding Pakistan on Nuclear Security. *International Herald Tribune*. 2007, November 19. P. 8. В данной статье, в частности, указывается, что основные средства тратятся на средства физической защиты.

Международный клуб *Триалог* – традиционное место встречи крупных и перспективных политиков, дипломатов, представителей бизнес-сообщества, ученых и журналистов

Международный клуб *Триалог* – это:

- эксклюзивные информация и анализ, предоставляемые ведущими государственными и неправительственными экспертами из России и зарубежных стран;
- оперативный и профессиональный комментарий по широкому спектру фактов, позиций и мнений в области актуальных проблем международной безопасности;
- независимые, непредвзятые и сбалансированные экспертные оценки событий, происходящих в России и за рубежом.

Стремясь предоставить членам Клуба факты из первых рук, на заседания Клуба приглашаются ведущие зарубежные и российские эксперты, политики и представители бизнес-сообщества.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **Подпиской** на журнал *Индекс Безопасности/Security Index*, монографиями и докладами серии «Библиотека ПИР-Центра», а также на все электронные издания ПИР-Центра, включая: *Новости ПИР-Пресс* (на русском и английском языках); информационный бюллетень *Ядерный Контроль* (на русском языке);
- **Доступом** к информационно-справочным ресурсам ПИР-Центра (база данных «Ядерная Россия», библиотека, научные архивы); к специально созданному для членов Клуба разделу в сети Интернет (www.pircenter.org/club);
- **Приглашениями** на ежеквартальные заседания Международного клуба *Триалог* (они проходят в Москве, а также за рубежом);
- **Приглашениями** на все мероприятия, проводимые ПИР-Центром (семинары, конференции, презентации, пресс-конференции).

Членство в Международном клубе *Триалог* делится на индивидуальное и корпоративное. В рамках корпоративного членства действует схема «1+1», когда в работе Клуба участвуют два представителя от одной организации. Действуют скидки для представителей СМИ. Более подробную информацию о том, как войти в состав Клуба, можно найти на сайте ПИР-Центра: <http://membership.pircenter.org>

Тел.: +7-985-764-9896, +7-495-234-0525

Факс: +7-495-234-9558

e-mail: trialogue@pircenter.org

АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ЭНЕРГОБЕЗОПАСНОСТИ

Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. Под руководством и с предисловием А.В. Торкунова, научный редактор-составитель А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. – 1040 с.

Рецензия – Татьяна Митрова

Едва ли не ежедневно любой житель нашей страны, включая телевизор или открывая газету, становится свидетелем реального ведения *энергодипломатии*. От лица России стратегические вопросы развития энергетики на международной арене обсуждает высшее руководство страны, что является самым ярким подтверждением первостепенной важности этих вопросов в международной повестке. При том, что сам термин *энергодипломатия* вошел в отечественный научный лексикон сравнительно недавно.

Именно этим *пограничным* вопросам, находящимся на стыке традиционной дипломатии и обеспечения энергобезопасности применительно к конкретному региону, и посвящена фундаментальная монография «Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии». Первыми в экспертном сообществе авторы делают достаточно успешную, на наш взгляд, попытку рассмотреть актуальные базовые вопросы энергетических параметров международных отношений и безопасности в Восточной Азии с точки зрения интересов России как мирового энергоэкспортера. Иными словами, это попытка понять, как увязаны международные отношения, геополитика и энергетика.

Эта книга явилась результатом сотрудничества МГИМО (У) при МИД РФ и транснациональной компании *BP Trading Ltd.* в большом проекте по изучению политического, экономического, социального и энергетического развития в современном мире с упором на восточноазиатскую проблематику. Подобное сотрудничество априори гарантирует читателю серьезную научную глубину и фундаментальность, с одной стороны, и столь ценимую сегодня конкретику, с другой.

ЭНЕРГОДИПЛОМАТИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Пожалуй, наиболее емко формулирует цель исследования А.Д. Воскресенский: «Интересны как общие вопросы, связанные с трансформацией мирового лидерства, в частности, способствует или препятствует этому энергетическая проблематика, так и более прикладные, например, как конкретно может проходить процесс трансформации и какова будет составляющая азиатского, а еще конкретнее – китайского, фактора в этом процессе» (стр. 23). Очевидно, продолжает автор, что энергетическая проблематика (во всяком случае – энергетическая безопасность, энергетическая дипломатия и энергетическая геополитика) становится частью международных отношений и дипломатии. Но в прикладной теории международных отношений эта связь только начинает фиксироваться и осмысляться.

Предложенный анализ без преувеличения можно назвать комплексным. Заявленная тема рассматривается с точки зрения геополитики, геоэкономики, природно-географических и военно-политических факторов, вплоть до террористических и этноконфесси-

ональных рисков. Мы не беремся судить о тех разделах книги, где речь идет о военно-политических аспектах, а остановимся в большей степени на тех главах, где доминирует энергетика. Хотя именно для энергетиков может оказаться интересным значительно более широкий взгляд на проблему. Так, например, мы редко вспоминаем об этнической и конфессиональной составляющей энергобезопасности, предпочитая оперировать объемами и направлениями поставок углеводородов. Хотя трудно спорить с очевидным: подавляющее большинство основных нефте- и газодобывающих стран Востока относится к категории жестко авторитарных государств, и большинство этих режимов являются нестабильными. И эта тема, безусловно, заслуживает серьезного внимания.

Первое и едва ли не главное достоинство этого труда состоит в том что авторы открыто и четко заявляют об *энергетической природе* современной политики большинства государств, ибо именно эти вопросы являются основой многих текущих политических процессов, вплоть до международных конфликтов – реальных и потенциальных.

Второе неоспоримое достоинство – взгляд авторов на Восток, при том что основной экспортный углеводородный потенциал России традиционно был сориентирован на Европу. Иными словами, Европа для России – это вчера, сегодня и завтра, а Азия – лишь отчасти сегодня и во многом завтра. Огромный энергетический рынок динамично развивающихся азиатских государств нам еще только предстоит освоить. Большинство авторов сборника подчеркивают важность текущего момента – именно сейчас у России есть возможность *открыть* для своих энергетических ресурсов азиатский рынок. Именно этим и объясняется настоятельная необходимость его детального изучения, равно как и позиционирования России в этом регионе.

Вряд ли кому-то покажется спорным тезис того же А.Д. Воскресенского о том, что «в новом глобальном контексте XXI в. отношения между США, Россией и Китаем в Восточной и Центральной Азии, от позиции которых по кардинальным вопросам международных отношений в конечном счете зависит как структура нового миропорядка и глобальная безопасность, так и региональная безопасность в Восточной Азии, не должны быть отношениями противостояния... Энергетическая проблематика и глобальная энергетическая безопасность вполне способны стать одним из аспектов совместного видения будущего» (стр. 47). Но насколько бесспорно звучит приведенный тезис, настолько сложны пути достижения этого нового гармоничного миропорядка.

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Вообще говоря, общий контекст обсуждения, предложенный авторами издания, носит *открытый* характер, так как анализирует многие процессы на начальном этапе их развития, когда трудно говорить об отработанных путях разрешения. На многие и многие вопросы, поставленные в исследовании, пока нет и не может быть ответов. Приведем лишь один пример: кто сейчас возьмется однозначно ответить на вопрос – чреват ли растущий интерес Китая и Японии к российским энергоресурсам трудностями на пути региональной стабильности или же он представляет шанс для укрепления последней?

Но общие подходы будущей системы многостороннего энергетического взаимодействия в Восточной Азии уже намечаются. Так, авторы предлагают следующий комплекс подходов, с которым в целом можно согласиться:

- активное и равноправное участие России как основного государства-производителя региона во всех дискуссиях и организационных структурах по созданию системы многостороннего энергетического взаимодействия в Восточной Азии;
- максимально полное использование потенциала Центральной Азии;
- удовлетворение интересов производителей в сфере передачи технологий, охраны окружающей среды, переработки сырья на их территории;

- разработка по-настоящему комплексной программы обеспечения энергетических потребностей государств региона, включающей в себя поставки нефти, газа и электроэнергии;
- совместная работа над вопросами стратегических резервов, энергосбережения, решительный курс на урегулирование существующих в регионе конфликтов через развитие многостороннего энергетического взаимодействия;
- параллельная проработка вопросов политического и военного сотрудничества для обеспечения безопасности транспортировки энергоносителей (стр. 304).

Очевидно, что ключевую роль в регионе играет Китай, и именно этой стране в исследовании уделено максимальное внимание. В основе энергетической стратегии Китая длительное время лежала известная концепция *опоры на собственные силы* и стремления к максимальному самообеспечению. Авторы исследования единодушны в своих оценках энергодефицитности китайской экономики и растущей зависимости этой страны от импорта энергоресурсов. На этом постулате строятся и прогнозы относительно их экспорта в Китай. При этом не принимается в расчет вероятный сценарий развития, когда китайская энергостратегия может быть пересмотрена в пользу максимального использования собственных ресурсов, прежде всего, каменного угля. Вообще хочется отметить, что предлагаемое исследование написано скорее специалистами в области политики и дипломатии, нежели энергетиками, что находит свое отражение в методологии анализа, его трактовке и подходах к поиску возможных решений.

Немало внимания авторы издания уделяют интеграционным процессам, перспективам развития различных региональных объединений, наиболее заметным из которых является Шанхайская организация сотрудничества. Останется ли она еще одной *бумажной организацией*, коих в постсоветском пространстве достаточно, либо сумеет выработать конкретную региональную стратегию на основе принципа *кооперационной безопасности* – покажет время.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Любопытна несколько выбивающаяся из общего контекста глава 22 «Геополитика трубопроводов в Северо-Восточной Азии...», анализирующая отношение стран региона к проекту трубопровода Восточная Сибирь – Тихий океан через освещение в средствах массовой информации. Казалось бы, пример частный, но вполне отражающий общие тенденции. Так, японские СМИ все еще настороженно освещают данную проблему, равно как и китайские, что связано с отсутствием уверенности об окончательном маршруте. Западные СМИ освещают вопрос преимущественно в рамках концепции конфронтации, а СМИ нефтедобывающих стран Персидского залива воспринимали вопрос о маршруте нефтепровода в свете конкуренции за рынки сбыта сырой нефти в Северо-Восточной Азии.

Хотелось бы особо отметить главу 38 «Потенциал и перспективы атомного фактора в энергетике Северо-Восточной Азии» (автор И.А. Ахтамзян) как пример сжатого, но очень информационно-насыщенного изложения традиционно одной из самых закрытых тем.

Увы, фундаментальное и многоплановое издание, претендующее на самый свежий взгляд, заметно теряет в качестве за счет несколько устаревших данных справочного и статистического характера. Приведенные данные в основном относятся к 2002–2003 гг., редко переваливая за 2005 г. Для книги, вышедшей в конце 2007 г., это явный минус. При том, что именно в последние годы страны Восточной Азии демонстрируют заметную динамику развития. И отсутствие актуальной статистики в этом смысле едва ли не критично.

К минусам также можно отнести и некоторую избыточность сборника. Более чем тысяча его страниц содержит в себе немало повторов. Так, данные по энергостратегии КНР,

его рынку и потребностям в топливно-энергетических ресурсах можно найти практически в каждой третьей главе.

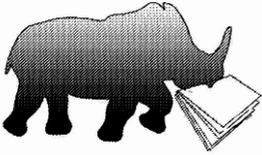
Известной новацией составителей сборника явилось включение в его состав наряду с основными разделами и материалов реальных дискуссий по наиболее важным вопросам энергетических параметров международных отношений. Это, несомненно, повысило *градус обсуждения*, подтвердив тот факт, что обсуждаемая тема нова и вовсе не содержит в себе уже готовых ответов.

Несомненным плюсом этой книги также стал не просто авторитетный, но и интернациональный состав ее авторов. Наряду с известными российскими исследователями в работу вовлечены зарубежные специалисты, представляющие отличную от российской точку зрения, что всегда важно и интересно (см., например, главы 6 и 9).

Издание адресовано аналитическому сообществу, экспертам государственных учреждений и частных компаний, студентам соответствующего профиля обучения.

Несомненно, что это исследование внесет свой вклад в комплексное изучение проблем, связанных с формированием концепции восточноазиатского направления энергополитики Российской Федерации. Тем более, что в российской интеллектуальной элите активизируется поиск путей встраивания России в интеграционные процессы в регионе.

Улунян А.А., Кулешов С.Г. Фактор Косово. Балканское экспертно-аналитическое сообщество на фоне этнополитического кризиса (1996–2007). М.: ИВИ РАН, 2007. 208 с.

В конце весны 1999 г. в разгар операции НАТО в Югославии российские СМИ с обидой сообщали, что страны Восточной Европы закрывают свое воздушное пространство для российских военно-транспортных самолетов. Объяснялось такое поведение просто: эти страны стремятся в НАТО и полностью зависят от воли Вашингтона. Сейчас, когда решается вопрос о статусе края, о позициях Албании, Македонии, Болгарии, Греции и других государств региона, а тем более их интеллектуальной элиты, известно совсем немного. Между тем, именно для безопасности, целостности и устойчивости развития этих стран решение косовской проблемы имеет первостепенное значение.

Что такое проблема Косово для Скопье, Тираны, Софии, Афин или других балканских столиц? Как и какие внутренние и внешние факторы влияют на восприятие проблемы, ее анализ и оценку разными политическими и общественными силами, чего они опасаются и какие видят возможности для себя и своей страны? Концентрируясь на поведении крупных игроков, аналитики часто забывают об этих не менее важных вопросах. Историки А.А. Улунян и С.Г. Кулешов восполняют этот пробел. Однако в центре их книги «Фактор Косово» не балканские политики, а *экспертно-аналитическое сообщество*, неправительственные и государственные аналитические центры, те, кто формируют общественное мнение, но в то же время чьи оценки очень часто являются отражением внутривнутриполитических процессов. В работе одновременно показывается развитие экспертных организаций и восприятие ими разных этапов косовского кризиса и сценариев его разрешения с 1996 по 2007 г.

По мнению авторов, большинство балканских экспертов сталкиваются с двумя основными проблемами. Первая – поиск путей минимизации негативных последствий кризиса на национальную безопасность своих стран. Вторая – поиски компромисса между «исторически обусловленной национальной повесткой дня» и «евроатлантическими критериями разрешения конфликтов», подобных косовскому.

Книгу отличают использование массы источников практически на всех основных балканских языках и аккуратность анализа не в ущерб широте и полноте охвата. Можно проследить не только эволюцию восприятия косовского вопроса, ее можно использовать как *атлас* балканских экспертно-аналитических организаций. Второй плюс – присущая далеко не всем российским балканистам нейтральность авторов, – они не *адвокаты* и не *прокуроры*, а те, кто пытаются понять и донести всю сложность и неоднозначность незнакомых нам точек зрения. Кроме того, исследо-

Е
И
Ы
К
Н
Н
Ж
И
И
В
Н
О
К
Н

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра Вы можете ознакомиться в разделе "Библиотечные новинки" интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

ватели успешно выполнили сложнейшую задачу: на основе массы материалов проследили меняющуюся взаимосвязь нескольких динамических процессов (косовского кризиса, внутривосточного развития стран региона и эволюции экспертного сообщества).

В то же время книга будет очень интересна балканистам, но вряд ли привлечет или удержит читателя, профессионально не знакомого с регионом. Работа описывает, отслеживает, рассматривает, сравнивает, выявляет некоторые тенденции, но не ставит более общей, чем ситуация на Балканах, проблемы. Если бы авторы посвятили несколько строк во введении тому, что поставили изучаемые ими проблемы в более широкий контекст, например, формирования новых аналитических центров и, шире, гражданского общества в раздираемых этнополитическими конфликтами странах и регионах, то на книгу бы обратили внимание исследователи Кавказа, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока и извлекли бы из работы не только массу фактической информации, но и ряд методологических приемов.

Альберт Зульхарнеев

Саруханян С.Н. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. М. 2007. 248 с.

Данная книга, выпущенная под эгидой Института Ближнего Востока, представляет собой попытку непредвзятого анализа одного из ключевых кризисов, угрожающего режиму нераспространения ядерного оружия, – а именно иранской ядерной программы. Важно, что анализируется не программа сама по себе, а то, как она влияет в первую очередь на российско-иранские отношения и отношения России с остальным миром.

Для исследователя характерен комплексный подход к предмету анализа, который позволяет детально осветить как собственно ядерную программу Ирана и ее влияние на отношения с северным соседом, так и отношение к ней со стороны США и Израиля, ООН и ЕС. Первая часть книги, посвященная анализу состояния режима нераспространения через призму таких провалов, как Израиль, Индия, Пакистан и Северная Корея, задает фон более широкой проблемы. Это позволяет провести объективную оценку значимости иранского фактора для выживания режима.

В главах, анализирующих непосредственно российско-иранское взаимодействие в атомной сфере, автору удается сделать то, на чем обычно спотыкаются другие исследователи: он идет по тонкой линии между чрезмерным восхвалением и изначально негативным отношением к проблеме сотрудничества, чем обычно грешат дебаты по данному вопросу и что зачастую можно наблюдать на самом высоком уровне. В то же время в книге вы не найдете ни проамериканских, ни антиамериканских штампов, что также является неоспоримым достоинством, свидетельствующим о попытке провести беспристрастное исследование.

Интересен вывод автора о том, что «на современном этапе российско-иранские отношения имеют все шансы перехода на новый уровень», так как в случае мирного разрешения кризиса вокруг ядерной программы возникнут и новые реалии в отношениях Иран – Запад. В этой ситуации для России, сделавшей во внешней политике ставку на энергетику, налаживание полномасштабного ирано-европейского взаимодействия чревато появлением крупного конкурента на газовом рынке Европы.

Никита Перфильев

Joseph Cirincione. Bomb scare: the history and future of nuclear weapons. Columbia University Press, 2007. 206 p.

Джозеф Сиринционе – старший вице-президент Центра за американский прогресс (*Center for American Progress*), один из наиболее известных американских экспертов по вооружениям, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра – в своей новой книге «Страх перед бомбой: История и будущее ядерного оружия» обращается к анализу мотивов, которые двигали государствами при создании ядерного оружия, и выдвигает свои предложения по решению проблемы.

Условно книга может быть разделена на две части. В первой части дается исторический обзор ядерных программ, начиная с возникновения ядерной программы в Германии в 1939 г. Вторая часть посвящена непосредственно размышлениям автора о причинах, побуждающих страны создавать ядерное оружие, и возможных путях отказа от ядерного оружия.

Одним из центральных в книге является утверждение, что причина стремления государств к приобретению ядерного оружия лежит в нерешенности политических конфликтов, поэтому особое внимание стоит уделять регионам, где не урегулированы территориальные, политические и религиозные разногласия. Вместе с тем, вся схожесть причин не позволяет говорить о существовании единой модели, объясняющей мотивацию государства. На основе этого тезиса автор делает вывод, что для борьбы с распространением ядерного оружия необходимо изучать каждый конкретный случай и вырабатывать индивидуальные меры по борьбе с ядерным распространением.

Большое внимание уделяется эффективности режима Договора о нераспространении ядерного оружия. Сиринционе приходит к выводу, что режим нераспространения работает. Однако этот вывод основывается исключительно на количественных показателях, в частности, на сравнении единиц ядерного оружия, находившихся на вооружении у ядерных держав в 1980-е и 2000-е гг.

К достоинствам книги можно отнести наличие подробного глоссария и большое количество сопроводительных таблиц и графиков, что облегчает ее прочтение.

Елена Черепнина

Е И

Ы К

Н Н

Ж И

И В

Н О

К Н

ПИР-ПРЕСС СООБЩАЕТ:

Уважаемые читатели журнала
Индекс Безопасности,

Мы рады представить Вам отдел эксклюзивной информации ПИР-Центра – ПИР-ПРЕСС.

Целью ПИР-ПРЕСС является оперативное информирование читателей по вопросам международной безопасности и нераспространения ОМУ.

Новости ПИР-ПРЕСС содержат комментарии и оценки экспертов ПИР-Центра по наиболее актуальным событиям международной безопасности, эксклюзивные цитаты ведущих российских и зарубежных официальных лиц, ссылки на дополнительные ресурсы ПИР-Центра по тем или иным темам международной безопасности.

Новости ПИР-ПРЕСС регулярно размещаются на главной странице интернет-представительства ПИР-Центра по адресу **<http://www.pircenter.org>**, а также рассылаются в электронном виде подписчикам.

Если Вы заинтересованы в оперативном получении эксклюзивной информации, экспертных комментариев, аналитических оценок и прогнозов по наиболее актуальным событиям в области безопасности, Вы можете бесплатно подписаться на электронную рассылку новостей ПИР-ПРЕСС по адресу **<http://pircenter.org/subscription>**, и новости будут приходить на адрес Вашей электронной почты на русском и английском языках.

*По всем вопросам, связанным с новостями ПИР-ПРЕСС,
а также по вопросам комментариев экспертов ПИР-Центра
обращайтесь по тел.: +7 (495) 234-0525*

БЕЗОПАСНОСТЬ – ЗДОРОВОЕ ДИТЯ СТРАХА?

Главному редактору:

У меня сохранилась карикатура, на которой изображены *плохая* советская и *хорошая* американская атомные бомбы, которую мне дал посол А.А. Обухов много лет назад и которая была упомянута им в его замечательном очерке. Это ироническое напоминание о долгих дискуссиях, которые у нас были с ним в Женеве на ранних этапах переговоров о сокращении стратегических вооружений. Основной темой тех переговоров было ядерное сдерживание. Досадно, что ядерное сдерживание продолжает портить американо-российские отношения по прошествии стольких лет и такого большого количества важнейших событий. Избавиться от ядерного сдерживания, унаследованного от холодной войны, еще не удалось.

Многие из нас во время холодной войны верили в известное предсказание Уинстона Черчилля, гласившее, что: «Безопасность явится здоровым дитятей страха, а выживание – близнецом уничтожения». Пришлось немало потрудиться, чтобы понять смысл подобного когнитивного диссонанса, а временами требовалось определенное количество сдержанного сотрудничества между США и СССР. Может ли этот опыт быть повторен в случаях других противоборствующих сторон? В номере *Wall Street Journal* за 4 января 2007 г. была опубликована статья, в которой содержалась следующая мысль:

«Мы вряд ли сумеем успешно повторить старое советско-американское *взаимно гарантированное уничтожение* со все растущим числом ядерных противников во всем мире, не увеличивая риск практического использования ядерного оружия».

Главными лицами, подписавшими эту статью, были Джордж Шульц, Генри Киссинджер, Уильям Перри и Сэм Нанн. Причина их скептицизма заключается не в великой силе шовинизма, а, скорее, в осознании того, что применение принципов ядерного сдерживания в современной международной среде является более сложным и опасным занятием, чем это было во время холодной войны. И поэтому необходимо задаться вопросом: возможно ли успешно перевести ядерное сдерживание – каким мы его знали – из, главным образом, биполярной структуры в структуру, в которой задействовано много независимых игроков?

Президент Дж. Буш заявил в выступлении 23 октября 2007 г., что «нам необходим новый подход к сдерживанию». Он прав. Количество боеголовок и оперативные планы их применения должны быть пересмотрены. А в пересмотре ядерного сдерживания нам необходимо принять во внимание не только то, как ядерное оружие *сдерживает* угрозы, но и то, как оно *создает* угрозы. Если американская и российская политика в отношении ядерного оружия потерпит крах в воспрепятствовании непрерывному росту числа ядерных государств, новые серьезные вызовы нашей безопасности могут ослабить результат, который мы надеемся достичь с помощью ядерного сдерживания.

Можно утверждать, что ядерное оружие (при ответственном управлении) привело к *длительному миру* во время холодной войны. И поэтому у других стран есть право задать вопрос: почему у них не должно быть ядерного арсенала для сохранения мира и безопасности в своих странах? Мы можем считать, что они не должны обладать ядерным оружием, однако возникает вопрос для обеих сторон: какой результат оказывают на их решения как наши примеры, США и России, так и наши слова? Скорее всего, лучшее, что обе наши страны могут сделать, – это продумать наши требования к количеству ядерных боезарядов в свете изменившейся роли ядерного сдерживания.

«Какое количество является достаточным?» – вопрос более сложный сейчас, чем в 1960-е гг. До установления замечательного партнерства между Рональдом Рейганом и М.С. Горбачевым ответом на вопрос «какое количество является достаточным» было продолжающееся увеличение количества ядерных боезарядов. После этого их количество снизилось. Это отразило как динамический характер ядерного сдерживания, так и изменившиеся отношения между Россией и США. При условии, что наше ядерное оружие все еще предназначено для сдерживания друг друга, участвуем ли мы в многократном уничтожении даже с тем количеством ядерных боезарядов, которые у нас будут в 2012 г.? Если это так, тогда нам необходимо рассмотреть, каким образом мы сможем максимально эффективно использовать более глубокие сокращения для достижения общих ключевых целей по обеспечению безопасности.

В 2001 г. США приняли решение на основании односторонних требований, что в 2012 г. стране потребуются 1700–2200 единиц оперативно развернутых боезарядов. Россия приняла эти цифры для Договора по сокращению стратегических наступательных потенциалов 2002 г. Это было существенным сокращением с предыдущих уровней, однако по истечении лет даже односторонние требования могут еще больше снизиться.

Президент Джордж Буш заявил 13 декабря 2001 г., что «самые большие угрозы для обеих наших стран исходят не друг от друга или от других крупных мировых держав, а от террористов, которые наносят удар без предупреждения, или от государств-изгоев, стремящихся завладеть оружием массового поражения». Означает ли это, что основная задача сил сдерживания США и России состоит в том, чтобы предотвратить распространение ядерного оружия в другие страны и террористические группы? Может сложиться такое впечатление, поскольку в вышеупомянутом выступлении 23 октября 2007 г. президент Дж. Буш заявил, что США не рассматривают Россию в качестве страны, которая угрожала бы США нападениями с применением баллистических ракет. Тогда почему Россия и США все еще находятся в *западне* общего сдерживания? Оперативно развернутые ядерные силы обеих стран, готовые к пуску, выглядят немного неуместными в отношениях между двумя странами, которые утверждают, что не рассматривают друг друга в качестве врагов.

Если угроза, которую мы сейчас наблюдаем, – это возможность возобновления враждебности в американо-российских отношениях, может ли так случиться, что резерв, или *силы быстрого реагирования* (как их называет администрация Дж. Буша), обеспечит все необходимое сдерживание в случае какого-либо далекого и маловероятного непредвиденного обстоятельства?

Если США и Россия смогут обеспечить свои собственные возможные требования безопасности с помощью немногочисленных ядерных сил, часть из которых будет снята с боевой готовности, в то время как другая часть будет находиться в статусе резервных сил, как это повлияет на расчеты других ядерных государств? Администрация США и большинство независимых экспертов разделяют мнение о том, что ядерное сдерживание оказывает незначительное действие на суицидальных, фанатичных террористов. Если лучшим способом блокировать ядерный терроризм является предотвращение выхода ядерного оружия или материалов из-под контроля ответственных государств, нам необходимо отвести первостепенную роль сотрудничеству среди государств, обладающих ядерным оружием, в укреплении программ МАГАТЭ по мерам безопасности.

По мере увеличения количества боезарядов действия и арсеналы других стран установят предел на возможные шаги, которые США и Россия могут принять в двухстороннем

порядке. На этом этапе вопрос будет заключаться в том, потребует ли адаптация ядерного сдерживания к новым обстоятельствам какого-либо двухстороннего консенсуса по ядерным силам? Поскольку ядерное сдерживание – это не просто абстрактная идея, то возможное включение ряда *соуправляющих* процессов вызывает множество вопросов относительно наших взаимодействий с другими странами, которые России и США, начиная с настоящего времени, придется брать в расчет.

И, наконец, вернемся назад к будущему: не должны ли мы вновь обратиться к идее Рональда Рейгана о том, что противоракетная оборона могла бы стать работой ядерного разоружения по мере того, как мы вновь обдумываем ядерное сдерживание? Разве идея *военного преобладания* не может стать важной частью уравнения безопасности в контексте более глубоких ядерных сокращений? Есть ли смысл в том, чтобы в среде, в которой общее глобальное количество боезарядов на развернутых баллистических ракетах исчисляется несколькими сотнями и будет сокращаться, иметь общую противоракетную программу среди сотрудничающих государств? Если и имеет смысл, то когда нам следует всерьез приступить к процессу? Если мы можем приступить к серьезным делам, то сейчас у нас есть удобная возможность сделать это в ходе текущих американо-российских обменов мнениями в отношении сотрудничества по противоракетной обороне. Существует возможность объединить две страны и другие страны в программе, которая, в конечном итоге, сможет аннулировать ядерные амбиции отказывающихся от сотрудничества государств и террористических организаций.

Анализ морально-этических аспектов ядерного сдерживания, сделанный послом А.А. Обуховым, действительно глубокий. Он напоминает мне то, что однажды было сказано президентом Рональдом Рейганом в дни, когда посол А.А. Обухов и я бились на ядерной арене: «Человеческий дух должен быть способен возвыситься [над политикой], основанной на общении с другими нациями и людьми путем угрозы их существованию». Рональд Рейган считал, что продолжать полагаться на взаимное гарантированное уничтожение было, по его словам, «печальным пояснением человеческого состояния». И оно продолжает им быть. Ключевой вопрос, касающийся ядерного сдерживания, поднятый послом А.А. Обуховым и Рональдом Рейганом, – может ли человеческий дух в действительности подняться выше политики, основанной на взаимном ядерном уничтожении? Будем надеяться, что так оно и есть.

Джеймс Гудби,
старший научный сотрудник

The Brookings Institution
2901 University Terrace, N.W.,
Washington, D.C., 20016
United States of America

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ В СНГ

Главному редактору:

Вот уже несколько лет я являюсь постоянным читателем журнала ПИР-Центра: сначала *Ядерного Контроля*, а теперь и *Индекса Безопасности*. Каково же было мое удивление, когда я пришла в почтовое отделение в Бишкеке и не смогла подписаться на журнал, так как его не оказалось в каталоге. Скажите, планируется ли организация подписки на журнал в странах СНГ в 2008 г.?

Жаныл Боконбаева

Старший ассистент по исследованиям и тренингам
Академия ОБСЕ в Бишкеке
Ботанический переулок, 1 А,
Бишкек, Кыргызстан

Уважаемая Жаныл!

Действительно, по техническим причинам *Индекс Безопасности* не был внесен в каталог российских изданий, распространяемых в странах СНГ в I полугодии 2008 г. Но благодаря нашим спонсорам у нас есть возможность направить нашим читателям в СНГ оба номера журнала, которые выйдут в I полугодии.

Надеемся, что таким образом мы не просто сохраним, но и приумножим нашу читательскую аудиторию в странах СНГ.

Подробнее о способах подписки на наш журнал за пределами России, как через каталог «Роспечати», так и по кредитной карте, Вы можете узнать в разделе «Подписка» на сайте интернет-представительства журнала по адресу <http://si.pircenter.org> или обратившись к заместителю главного редактора журнала *Индекс Безопасности* Никите Перфильеву по телефону +7 (495) 234-0525 или по электронной почте perfilyev@pircenter.org.

Пользуясь случаем, хотел бы выразить уважение Академии ОБСЕ в Бишкеке – на мой взгляд, одному из самых сильных тренинговых центров на постсоветском пространстве, и пожелать Вашей Академии дальнейших успехов.

Владимир Орлов

ПОДПИСКА-2008: УШЕЛ ЛИ ПОЕЗД?

Главному редактору:

Разрешите поздравить журнал с успешным дебютом в 2007 г. и выходом на новые рубежи в новом 2008 г.! Хотелось бы отметить, что смена названия и расширение тематики позитивно отразилось на содержательной части журнала. При этом отраднo, что это произошло не в ущерб ядерной тематике, благодаря которой предшественник *Индекса Безопасности* – *Ядерный Контроль* – и завоевал популярность.

Отмечу, что в *Сибирских Афинах* – городе Томске – журнал имеет устойчивую читательскую аудиторию, которая с нетерпением ждет выхода новых номеров. Я сам являюсь постоянным читателем *Индекса Безопасности* и хотел бы получать его в 2008 г., но именно в этом месте я и столкнулся с трудностью, разрешить которую, я надеюсь, вы можете. Дело в том, что анонсируемая Вами подписка на I полугодие 2008 г. через агентство *Роспечать* закончилась для меня неожиданно рано. Неужели я теперь смогу получить номера журнала только во II полугодии?

Денис Шведов

Руководитель Сибирского молодежного междуниверситетского центра изучения проблем ядерного нераспространения
Томский государственный университет
Отделение международных отношений
пр. Ленина, 49, г. Томск, 634050

Уважаемый Денис!

Спасибо за Ваше письмо. Мы в редакции *Индекса Безопасности* ценим диалог с нашими читателями и надеемся, что журнал предлагает аналитические материалы по актуальным вопросам международной безопасности, которые интересны широкому кругу людей.

Благодаря государственной поддержке, выделенной в качестве гранта в соответствии с распоряжением президента Российской Федерации от 30 июня 2007 г. №367-рп, мы имеем возможность направить Вам этот номер *Индекса Безопасности*, так как понимаем, что сроки подписки на I полугодие оказались довольно сжатыми. Рад, что Вы сейчас держите в своих руках не только мой ответ на Ваше письмо, но и сам журнал.

В дальнейшем, однако, у нас не будет возможности сохранить широкую бесплатную подписку на журнал. При этом мне приятно сообщить Вам, что, благодаря спонсорской поддержке, у нас и в дальнейшем будет сохраняться возможность сдерживать подписные цены, оставляя их умеренными. По крайней мере, в течение ближайших трех лет.

Весна – как раз самое удачное время, чтобы оформить подписку на журнал на II полугодие 2008 г. Это можно сделать в любом почтовом отделении России через каталог «Газеты. Журналы» агентства *Роспечать*. Подписной индекс журнала – 80666. Стоимость подписки составит 1500 рублей.

Что касается второго номера, то Вы можете приобрести его в редакции журнала за наличный расчет, предварительно отправив запрос по факсу +7 (495) 234–0525.

Кроме того, поскольку Вы работаете в университете, Вас могут заинтересовать варианты оптовой подписки, чтобы обеспечить журналом всех заинтересованных студентов и сотрудников Вашего университета и центра. Наши оптовые цены в четыре раза ниже розничных цен, указанных в каталоге «Роспечати». Для получения подробной информации посетите раздел «Подписка» на сайте интернет-представительства журнала по адресу <http://si.pircenter.org>.

Владимир Орлов

ПРОЗРАЧНЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Главному редактору:

Для начала хочу поприветствовать всех коллег, которых интересуют проблемы международной безопасности, и поблагодарить ПИР-Центр за организацию площадки, где эксперты могут высказаться как на темы, соответствующие сегодняшним проблемам, так на те, которые были актуальны некоторое время назад.

Выход России из Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) многими воспринят с пониманием, но у многих вызвал и вопросы. Причем эти вопросы мне не всегда кажутся очевидными. По этому поводу есть некоторые соображения и у меня. Выставляю их на ваш суд.

Последние события вокруг ДОВСЕ, как мне кажется, лишний раз подтвердили курс Вашингтона на разрушение системы международного контроля над вооружениями, начало которому положил выход США из договора по противоракетной обороне (заметьте, односторонний).

Смею утверждать, что на пути к мировому господству Соединенные Штаты не приемлют для себя каких-либо юридических ограничений на размещение и применение своих вооруженных сил в интересах обеспечения своей национальной безопасности, неотъемлемой частью которой является обеспечение контроля над энергоресурсами на постсоветском пространстве.

Теперь в качестве очередной жертвы Белый дом остановился на ДОВСЕ, а если быть более точным, его адаптированном варианте (АДОВСЕ). При этом разрушить режим они хотят руками России.

Их замысел в этом направлении довольно прозрачен. Прежде всего, потребовать от России выполнения пресловутых *стамбульских обязательств*, не имеющих на самом деле никаких правовых увязок с ратификацией и введением в действие АДОВСЕ, и тем самым лишь под свои обещания возможной ратификации АДОВСЕ заполучить полную ликвидацию российского военного присутствия в Грузии и Молдавии.

После объявления Москвой моратория на свои обязанности в рамках ДОВСЕ ситуация претерпела лишь косметические изменения. По-прежнему в американских предложениях остаются неприемлемые для России требования в отношении свертывания российских миротворческих сил. При этом американцы трубят всем о своих беспрецедентных уступках России и проявляемой ими гибкости в деле сохранения режима ДОВСЕ. Дескать, во всем виновата Москва, и именно она хочет развала Договора.

Если бы Вашингтону действительно был нужен этот режим контроля над вооружениями, то – любому здравомыслящему человеку это ясно – США начали бы урегулирование

конфликта вокруг ДОВСЕ с процесса ратификации соглашения об его адаптации американскими законодателями.

Если смотреть в корень, то Пентагон всеми силами стремится обеспечить скрытность своих действий в районах к югу от России (Иран). В рамках же АДОВСЕ США будут обязаны уведомлять всех участников договора, и Москву в том числе, о перемещении вооружений и военной техники, охваченной режимом. Какая уж тут скрытность с точки зрения Вашингтона, когда Россию они держат за союзника Ирана?

Владимир Сомов
Somov-Vladimir@yandex.ru

FROM THE EDITOR

- 7 **The Distancing Game.** «Frightened by the icy wind blowing from the United States that spread over the entire (financial) world in January, everyone suddenly began to talk about ‘decoupling.’ That is, Europe ought to distance itself (or, in another variant, has already distanced itself) from the United States and a ‘new wall’ should be built to replace the aging—or, as others say, doomed—Transatlantic bridge. As for Asia... Asia, with India and China ‘ascendant,’ should absolutely break off its economic interdependence with the United States as soon as possible, «distancing» itself and charting its own path.» But how long will this trend continue, and how rapidly might it take root, asks *Security Index* Editor-in-Chief Vladimir Orlov.

INTERVIEWS

- 11 **Sergio Duarte: «I do not believe that simply tightening nonproliferation controls or narrowing the definition of «peaceful uses» will solve the global nuclear threat.»** In an interview with *Security Index* Editor-in-Chief Vladimir Orlov, the U.N. General Secretary’s high representative for disarmament affairs expresses his opinion on the effectiveness of the nuclear nonproliferation regime, the North Korean and Iranian crises, as well as on the prospects for arms control, including missile reductions, and the need for a universal approach to these problems.
- 17 **Alexander Yakovenko: «The stronger the country becomes, the more often others will speak its language.»** In a public lecture for the PIR Center’s International Summer School on Global Security for young experts from Russia and the CIS states, the Russian deputy foreign minister spoke of his view of Russia’s place and role in the contemporary world, on the ways for it to cooperate with its main partners, and on the means to advance its national interests. He paid particular attention to issues such as global climate change and the use of Russian language throughout the world.
- 23 **Daniel Zappelli: «Sometimes it is better to have a good, strong, enlightened despot as leader.»** In a conversation with *Security Index* Editor-in-Chief Vladimir Orlov, Geneva canton Chief Prosecutor Daniel Zappelli evaluates Russia’s cooperation with Switzerland in combating financial crime. The chief prosecutor’s views on the export of democracy are also of great interest.

A N A L Y S E S

- 27 **Ayesha Siddiqa, «Milbus and the Future of Pakistan.»** The Pakistani scholar whose recent book aggravated both the military establishment and President Pervez Musharraf provides *Security Index* with an analysis of the growing participation of the military in the political and economic life of several countries, using her native Pakistan as a key example. She explains why the Pakistani military not only took control of public life, but also the economy. The author's conclusion is not comforting: that there is not likely to be anyone capable of challenging the bases of the army's existence or its control over the state and society in the near future. She is also convinced that it is precisely the military that is responsible for the rise in religious extremism. All of this leads to her to reflect on the very future of Pakistan.
- 37 **Nikita Perfiliev, «Sino-Russian Oil and Gas Cooperation: Prospects and Problems.»** Having raised energy security as a chief concern, Russia is actively searching for alternatives supply routes for its petroleum products, while attempting to maintain its position on the Central Asian markets. Meanwhile, China has been no less active in trying to provide for its own energy security, though as a significant energy consumer. How will Sino-Russian relations be shaped? Will Russia and China again be «brothers forever»? The deputy editor of *Security Index* offers some answers to these questions.
- 55 **Yury Morozov and Soren Bo Bojesen, «The Prospects for Expanding Russia-NATO Joint Peacekeeping Cooperation.»** The two authors, direct participants in peacekeeping operations, one from Russia and the other from NATO, call for increased cooperation in the area of conflict settlement. The two experts believe that with enough political will and by looking for points of common interest, Russia and NATO can realize their significant capacity for joint peacekeeping.

V I E W P O I N T S

- 71 **Sergey Markedonov and Sergey Romanenko, «Kosovo: Precedent or Exception?»** The problem of the future of Kosovo has remained in the headlines and an important topic of discussion at the highest political levels, a fact that is not surprising since this unsettled question has become one of the chronic factors influencing Russian-Western relations. In their examination of the potential dangers posed by the Kosovo precedent, the two experts discuss both the short- and long-term effects the problem's resolution are likely to entail, whatever that resolution may turn out to be.

C O M M E N T A R Y

- 83 **Pavel Baev, «The Virtual Geopolitics of Central Asia.»** The senior research associate from the International Peace Research Institute in Oslo categorically disagrees with attempts to view Russian-American relations only through the prism of geopolitics. He is convinced that this outlook limits possibilities for cooperation and, through its silence, forces interactions into the area of conflict.
- 89 **Vladimir Shustov, «The CFE Treaty: to Bury or to Resuscitate?»** Europe entered 2008 without the «cornerstone of European security.» This direct participant in the negotiations to craft the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe (CFE) presents his views on the future of the Treaty and on the prospects for overcoming the current deadlock. The author believes that only if the Western states take Russian interests into account can one speak of a «resuscitation» of the European security system.

R E V I E W S O F R E C E N T W O R L D E V E N T S : N O V E M B E R 2 0 0 7 - J A N U A R Y 2 0 0 8

- 97 **The *iSi* index—a comprehensive index of international security.** Recent months have witnessed a gradual increase in the *iSi* index, reflecting a general improvement

in international security. Is this accurate? Members of the PIR Center International Expert Group Marian **Abisheva** (Kazakhstan), Alexander **Savelyev** (Russia), Abdulaziz **Sager** (Saudi Arabia), Evgeny **Satanovsky** (Russia), and Zhiye **Ji** (China) provide their evaluations and forecasts.

99

Yury Fedorov, A Liberal View: «The ‘Accursed Questions’ of World Politics, or was Friedrich Nietzsche Right?» «Russia’s refusal to support Kosovo’s independence, together with its moratorium on observing the CFE Treaty, has increased tensions between Russia and the West. In turn, this is stimulating the age-old idea that Russia and Europe are doomed to confrontation as a result of fundamental incompatibilities between their civilizations.»

112

Dmitry Evstafiev, A Conservative View: «Strategic Stability in the Transition Period, or Braking during Takeoff.» «It has been proposed that we participate in the debate over the future of Kosovo with the goal of legitimizing the independence of this NATO protectorate; enter into the WTO on American terms; agree with the new EU hydrocarbon policy; and agree to America’s policy of force with regards to Iran. In return for all of this, we are promised the *illusion of influence*, whereby Washington will emphasize Russia’s role in the «constructive resolution» of a variety of conflicts.»

H I S T O R I C A L P A G E S

125

Roland Timerbaev, «On the ‘Threshold’ Test Ban Treaties of 1974–76.» The «threshold» treaties, in many respects the result of a lessening in U.S.-Soviet tensions, played a positive role in the creation of an atmosphere of mutual trust between the two superpowers and created a serious and thorough verification and inspection system for the first time, some of whose elements were used in the NPT. Negotiations participant Ambassador R.M. Timerbaev shares his recollections.

L I B R A R Y

133

Gennady Evstafiev, «Slam Dunk-style Politics.» The recollections of former Director of Central Intelligence George Tenet on his seven years as head of American intelligence leaves an ambiguous impression, writes the former high-ranking Russian Foreign Intelligence Service (SVR) officer. Tenet’s attempts to justify his actions before the «court of history», to defend himself and describe the most poignant events in which he participated—in fulfillment of the instructions of his employers—provide a very good idea about the workings of the U.S. presidential administration and the bureaucratic agencies supporting its policies.

139

Vladimir Orlov, «The Khan Network: Eyes Wide Shut.» The combination of writerly gifts, the skill to maintain suspense while meeting the demands of scrupulous journalistic research in which conjectures have no place, and a phenomenal collection of «human» sources in the U.S. and U.K. intelligence community are guarantees of success. You find all of this in Gordon Corraera’s book. The history of the «father of the Pakistani bomb» is to some extent a story of the failures of the nonproliferation regime. But will its lessons be learned?

147

Tatiana Mitrova, «The Asian Vector of Energy Security.» This generally successful new collective monograph offers the first expert assessment of the fundamental questions of energy policy as they relates to international relations and security in East Asia from the point of view of Russia’s interests as a global energy exporter. In other words, this is an attempt to understand how interconnected international relations, geopolitics, and energy actually are.

N E W B O O K S

151

Albert Zulkharneev, Nikita Perfilyev, and Elena Cherepnina. PIR Center research associates and interns provide brief reviews of new receipts by our library.

LETTERS TO THE EDITOR

155 **James Goodby**, «Security – the healthy child of fear?»

158 **Zhanyl Bokonbaeva**, «*Security Index* in the CIS.»

159 **Denis Shvedov**, «Subscription-2008: Is It Too Late?»

161 **Yury Somov**, «Transparent Intentions.»

163 S U M M A R Y

167 A B O U T T H E A U T H O R S

172 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

F I N A L Q U O T E S

Cov. III **On high places**

Баев Павел Кимович – к.и.н., проф. Международного института исследований проблем мира, Осло (Норвегия). В 1979 г. окончил географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «экономическая география зарубежных стран». Работал научным сотрудником в научно-исследовательском институте Министерства обороны СССР, в 1988 г. защитил диссертацию на степень к.и.н. в Институте США и Канады, с 1988 по 1992 г. работал заведующим сектором в Институте Европы РАН. С октября 1992 г. работает в Международном институте исследований проблем мира. В 1995–2002 гг. был редактором журнала *Security Dialogue*. Специалист по проблемам военной реформы в России, урегулирования конфликтов на Кавказе и в Центральной Азии, энергетической безопасности. Автор многих статей в ведущих международных журналах, еженедельно выступает с комментариями в *Eurasia Daily Monitor*, книга *Russian Energy Policy and Military Power* готовится к печати издательством «Routledge». Адрес электронной почты: pavel@prio.no

Бойесен Серен Бо – атташе по вопросам обороны Королевского посольства Дании в Москве, а также в Минске, Астане, Бишкеке, Душанбе, Ташкенте; бригадный генерал датских вооруженных сил. В 1974 г. был призван на военную службу. В 1976 г. закончил Специальную школу сухопутных войск (в качестве военного переводчика русского языка). Служил в разных штабах датских вооруженных сил. В 1995–1996 гг. был начальником Датской национальной разведывательной ячейки (DANIC) при штаб-квартире «IFOR» (НАТО) в Боснии и Герцеговине. В 1996–1998 гг. служил в Главном управлении оперативного управления (миротворческие операции) Главного командования ВС Дании. В 1999–2000 гг. служил заместителем начальника и – по совместительству – начальника штаба датского миротворческого контингента «KFOR» (НАТО) в Косово. Закончив Академию Генерального штаба РФ, получил воинское звание бригадного генерала в 2003 г. В 2004 г. выбран президентом Московской ассоциации военных атташе.

Гудби Джеймс – старший научный сотрудник в Брукингском институте, научный сотрудник института Гувера в Стэндфордском университете. Родился в 1929 г. Закончил Гарвардский университет в 1951 г. В течение многих лет работал в системе Государственного департамента США вплоть до выхода в отставку в 1989 г. Занимал различные должности уровня посла, в том числе посол на переговорах по СНВ-1 (1980 г.), посол США в Финляндии (1980–1981 гг.) и т.д. Был главным переговорщиком и специальным представителем президента Билла Клинтона по вопросам ядерной безопасности.

Дуарте Сержио – высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения. В течение 48 лет работал в системе МИД Бразилии. Получил звание посла в 1986 г. Представлял Бразилию в Никарагуа (1986–1991 гг.), Канаде (1993–1996 гг.), Китае (1996–1999 гг.). С 1999 по 2002 гг., являясь послом в Австрии, одновременно был послом в Словакии, Словении и Хорватии, а также представителем Бразилии при штаб-квартире международных организаций в Женеве и членом Совета

управляющих МАГАТЭ от Бразилии. С сентября 1999 г. по сентябрь 2000 г. занимал должность председателя Совета управляющих МАГАТЭ. В 2005 г. был выбран в качестве председателя 7-й конференции по рассмотрению действия ДНЯО.

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1938 г. Работал в системе МИД СССР, неоднократно выезжал в заграничные командировки, в 1981–1985 гг. занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН. В 1986–1991 гг. входил в состав руководства советской делегации на переговорах по ДОВСЕ в Вене. В течение длительного времени работал в системе СВР России, являлся начальником управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада СВР «Распространение ОМУ – новый вызов после холодной войны». С 2000 по 2003 г. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма. Имеет ряд публикаций, посвященных проблемам международной безопасности и нераспространения, включая: «Нераспространение ОМУ: проблемы и риски» (*Ядерный Контроль*, 2004, № 1), «Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 2), «Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии» (*Ядерный Контроль*, 2006, № 1), «Разоружение возвращается» (*Индекс Безопасности*, 2007, № 2). Соавтор монографии «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития» (ПИР-Центр, 2005). Адрес электронной почты: evstafiev@pircenter.org

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – заместитель генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Родился в 1966 г. С отличием закончив в 1989 г. исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ, работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. получил степень кандидата политических наук, защитив диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. Специалист в области военно-политических аспектов национальной безопасности России, проблем внешней и военной политики США, региональных аспектов нераспространения ядерного оружия. В 2001–2006 гг. работал в *Компании развития общественных связей (КРОС)*, в том числе в должности вице-президента КРОС, а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Заппелли Даниэль – генеральный прокурор кантона Женева. Родился в Швейцарии в 1964 г. С 1982 по 1986 г. учился на юридическом факультете в университете Фрибурга (Швейцария), также в 1987 г. закончил факультет европейского права университета в Эксетере (Великобритания). До 1996 г. работал юристом в женеvском офисе компании *Hauchmann&Monfrini*. С 1996 по 1999 г. – помощник генерального прокурора кантона Женева. В 2000 г. получил должность судьи в трибуналах первой инстанции. Занимал должность президента торговой палаты. В 2002 г. был назначен на свою нынешнюю должность.

Маркедонов Сергей Мирославович – заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа. Родился в 1972 г. в Ростове-на-Дону. В 1995 г. окончил с отличием исторический факультет Ростовского государственного университета, в 1998 г. аспирантуру. Кандидат исторических наук (1999), член Союза журналистов (1998). Кандидатская диссертация защищена в Институте российской истории РАН. Автор двух монографий, около 200 научных статей и более 300 публикаций в печатных и интернет-СМИ по проблемам социально-политического развития Кавказского региона, проблемам межэтнических отношений и конфликтов, религиозной ситуации на Кавказе и на постсоветском пространстве. Публиковал свои статьи в таких изданиях, как *Известия*, *Московские Новости*, *Независимая Газета*, *Политический Журнал*, *Знамя*, *Новый Мир*, *Апология*. Имеет значительный опыт *полевой работы*

на Северном и Южном Кавказе (поездки в *горячие точки*, конфликтные территории и непризнанные республики). Адрес электронной почты: smark-72@mail.ru

Митрова Татьяна Алексеевна – к.э.н., руководитель Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований Российской академии наук (ИНЭИ РАН). После окончания МГУ им. М.В. Ломоносова (экономический факультет) в 1994 г. работала в фирмах, занимающихся консалтингом в сфере энергетики, – «Энеко» и «Энерго21». С 1998 г. работает в ИНЭИ РАН. С 2006 г. возглавляет Центр изучения мировых энергетических рынков, созданный в этом институте. Имеет двенадцатилетний опыт работы по анализу энергетических рынков России, стран СНГ и Европы. Является членом региональной рабочей группы по энергетическим сценариям Мирового энергетического совета, Программного комитета «Б» («Регулирование») Международного газового союза и принимает участие в работе группы по внешнеэкономической деятельности и международному сотрудничеству Российского газового общества. В 2006 г. была членом группы по энергетической безопасности Организационного комитета по проведению саммита «Группы восьми» в Санкт-Петербурге. Автор более 30 статей в научных и деловых журналах и сборниках по энергетической проблематике. Основные сферы деятельности – анализ развития глобальных энергетических рынков и экспортно-импортной политики России в энергетической сфере.

Морозов Юрий Васильевич – заведующий сектором европейской безопасности Института Европы РАН, полковник (зап.), канд. воен. наук, профессор. Научный руководитель совместного российско-датского исследовательского проекта в области миротворчества. Закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе в 1982 г., Военную академию Генерального штаба РФ в 1992 г., Военный колледж НАТО в 2000 г. Участник миротворческих миссий ООН на Балканах и на Кавказе, в том числе военный наблюдатель ООН в бывшей Югославии (1994–1995 гг.), военный наблюдатель ООН в зоне конфликта Грузия/Абхазия (2000–2001 гг.). Автор многочисленных научных работ по вопросам миротворчества, локальным конфликтам и т.д. В середине 2008 г. планируется издание монографии «Конфликты и миротворческая деятельность в Евразии». Профессор Академии военных наук, Международной академии наук по проблемам национальной безопасности, член-корреспондент российской Академии геополитических проблем.

Орлов Владимир Андреевич – основатель и президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Президент *Centre russe d'études politiques, Genève*. Член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. Председатель Международного клуба *Триалог*. Родился в 1968 г. Окончил МГИМО МИД СССР. Кандидат политических наук. В 2001–2002 гг. являлся консультантом ООН по вопросам образования и повышения квалификации в области разоружения и нераспространения. Публикуется в российских и зарубежных периодических изданиях и является редактором более десятка книг по проблематике международной безопасности, изданных в России и за рубежом. Постоянно занимается преподавательской и просветительской деятельностью, читая лекции по внешней политике России и по проблемам нераспространения ОМУ в России и за рубежом. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Перфильев Никита Вячеславович – заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности*. Аспирант кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ. В 2007 г. с отличием окончил Томский государственный университет по специальности «международные отношения». В 2006 г. проходил стажировку в Центре стратегических и международных исследований (Вашингтон, США). В 2004–2005 гг. проходил обучение в Университете г. Илон (Северная Каролина, США). С 2007 г. выпускающий редактор электронного бюллетеня ПИР-Центра *Ядерный Контроль*. Сфера научных интересов: политика Китая в области нераспространения, ядерная доктрина Китая, энергетическая политика России. Адрес электронной почты: perfilyev@pircenter.org

Романенко Сергей Александрович – ведущий научный сотрудник Института экономики РАН. Окончил исторический факультет МГУ в 1979 г. Защитил диссертацию кандидата исторических наук по теме «Хорватско-сербская коалиция: возникновение и идейно-политические принципы. 1905–1908 гг.» при Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1986 г. В 1979–1999 гг. работал в Институте славяноведения и балканисти-

ки, в 1999–2006 гг. – Институте международных экономических и политических исследований РАН. В настоящее время – ведущий научный сотрудник Института экономики РАН. Автор более 120 научных работ (в том числе две монографии и двух брошюр). Активно сотрудничает с российскими и зарубежными СМИ; его исследовательские и аналитические статьи, а также интервью опубликованы в 17 странах мира. Адрес электронной почты: persik11@mtu-net.ru

Сиддика Айеша – независимый эксперт в области безопасности и стратегических вопросов Пакистана. В 1996 г. получила докторскую степень в Королевском колледже Лондона и работала над вопросами от военных технологий, процедур принятия решений в области обороны, ядерного сдерживания и закупок вооружений до проблем военно-гражданских отношений в Южной Азии. Работая в течение 11 лет на гражданской службе, она занимала должность директора отдела военно-морских исследований при ВМФ Пакистана, став таким образом первым гражданским лицом и женщиной в пакистанском военном истеблишменте. В 2004–2005 гг. была стипендиатом программы Фонда Форда и пакистанским исследователем при Международном центре Вудро Вильсона в Вашингтоне. Автор нескольких книг, в том числе *Pakistan's Arms Procurement and Military Buildup, 1979–99: In Search of a Policy* (2001), *Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy* (2007). Адрес электронной почты: asidd66@yahoo.com

Тимербаев Роланд Махмутович – Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), председатель Совета ПИР-Центра. Президент ПИР-Центра в 1995–1998 гг., консультант ПИР-Центра. После окончания МГИМО МИД СССР в 1949 г. более 40 лет проработал в МИД СССР, а затем в МИД России. Последней его должностью на дипломатической службе (1988–1992 гг.) был пост постоянного представителя СССР и России при международных организациях в Вене. В качестве сотрудника министерства принимал активное участие в выработке ряда ключевых международных соглашений в ядерной области, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия, Договора об ограничении систем противоракетной обороны, Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, системы гарантий МАГАТЭ, Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, Договора о подземных ядерных взрывах в мирных целях и проч. Доктор исторических наук, профессор. В числе его работ: «Полное запрещение ядерных испытаний» (1986), «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968» (1999), «International Co-operation in Nuclear Safety» (1999), учебник «Ядерное нераспространение», (2000), «Международный контроль над атомной энергией» (2003), «Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы» (2005). Автор многочисленных публикаций в журнале *Индекс Безопасности (Ядерный Контроль)*. Адрес электронной почты: timerbaev@pircenter.org

Федоров Юрий Евгеньевич – научный сотрудник Королевского института международных отношений (Великобритания). Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. К.и.н., проф. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Ряд научных работ посвятил энергетическим аспектам безопасности, в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2001, № 16), статей «Адаптированный ДОВСЕ и интересы безопасности России» (*Ядерный Контроль*, 2004, № 4), «Корейский ядерный кризис и Россия» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 4) и др. Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

Шустов Владимир Викторович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, консультант Центра истории российской дипломатической службы МИД РФ. Родился в 1930 г. в Ле-

нинграде. Окончил исторический факультет МГИМО МИД СССР в 1953 г., а в 1956 г. – аспирантуру того же института. Кандидат исторических наук. С 1957 по 2002 г. работал в системе МИД СССР на различных должностях от атташе до Чрезвычайного и Полномочного Посла. Участвовал во многих переговорах по вопросам разоружения (прекращение ядерных испытаний, нераспространение ядерного оружия и др.). С 1979 по 1986 гг. работал в Нью-Йорке в должности заместителя постоянного представителя СССР при ООН. С 1992 по 1995 г. – представитель России при ОБСЕ и руководитель делегации на переговорах по ДОВСЕ. До отставки в 2002 г. исполнял обязанности посла по особым поручениям. В настоящее время работает консультантом Центра истории российской дипломатической службы МИД РФ.

Яковенко Александр Владимирович – Чрезвычайный и Полномочный Посол. Родился в 1954 г. В 1976 г. окончил факультет Международных экономических отношений МГИМО МИД СССР. Доктор юридических наук. Профессор МГИМО. В 1976–1993 гг. работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате Министерства, в том числе в Управлении международных организаций, Департаменте внешнеполитического планирования, Департаменте общеевропейского процесса, а также в Постоянном представительстве СССР при ООН. В 1993–1995 гг. – заместитель директора Департамента международного научно-технического сотрудничества; в 1995–1997 гг. – заместитель директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения, в это же время – представитель России в Совете управляющих Международного научно-технического центра (Москва); в 1997–2000 гг. – заместитель Постоянного представителя РФ при международных организациях в Вене, Австрия; в 2000–2005 гг. – директор Департамента информации и печати, официальный представитель МИД РФ, с августа 2005 г. – заместитель министра иностранных дел России. Автор журнала *Индекс Безопасности (Ядерный Контроль)*, в частности «Международно-правовые основы использования ядерных источников энергии в космическом пространстве». *Ядерный Контроль*. №2, март–апрель 2000.

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 31 января 2008 г.)

Айнхорн Роберт, старший советник, Программа международной безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий лабораторией, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корресподент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корресподент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Володин Юрий Георгиевич, старший специалист, Департамент ядерной безопасности, МАГАТЭ, Вена, Австрия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Данапала Джаянта, президент, Пагуошское движение ученых, Коломбо, Шри-Ланка

Джонсон Ребекка, д-р, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., заместитель генерального директора Национальной лаборатории внешней политики, Москва, Россия

Елеуменов Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., советник, посольство Республики Казахстан в Великобритании, Лондон, Великобритания

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), первый вице-президент, Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., проф., главный научный сотрудник, Центр международной безопасности, ИМЭО РАН, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель центра, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, к.т.н., проф., генерал-майор (в отставке), заместитель директора по научным вопросам, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиацонная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, посольство РФ в Новой Зеландии, Веллингтон, Новая Зеландия

Льюис Патриция, д-р, директор, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Людекинг Рюдигер, заместитель уполномоченного федерального правительства по вопросам контроля над вооружениями и разоружения, Министерство иностранных дел Германии, Берлин, Германия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., старший научный сотрудник, Институт Хадсона, Вашингтон, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Поттер Уильям, д-р, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник по контролю над вооружением, посольство РФ в США, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий, отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сиринционе Джозеф, старший вице-президент по национальной безопасности и международной политике, Центр американского прогресса, Вашингтон, США

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Комитет Совета Безопасности ООН, учрежденный Резолюцией 1540, Нью-Йорк, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., руководитель Проекта по вооруженным конфликтам и регулированию конфликтов Стокгольмского международного института проблем мира (СИПРИ), Стокгольм, Швеция; руководитель Группы по нетрадиционным угрозам Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы ВВС, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, директор по правовым и корпоративным вопросам, Майкрософт Россия/СНГ, Москва, Россия

АБОНЕМЕНТна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2008 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКАна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:

на 2008 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)